

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2022. Т. 28

№ 4

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2022. Vol. 28

№ 4

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Т. Е. Автухович, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)

А. Е. Аникин, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)

Дж. Боулт, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)

А. В. Головнев, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Санкт-Петербург, Музей
антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН)

В. Л. Иваницкий, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

С. Г. Корконосенко, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)

К. Кроо, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)

Дж. Майклсон, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)

А. Мустайоки, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)

Б. Ю. Норман, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)

Г. Саймонс (Greg Simons), PhD, проф.
(Швеция, Уппсала, Уппсальский
университет)

Э. Э. Сьманюк, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)

А. Федотов, д-р филол. наук, проф.
(Болгария, София, Софийский
университет Св. Климента Охридского)

Г. Г. Щепилова, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

© Уральский федеральный университет, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

В. М. Амиров, д-р филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)

Ю. М. Ершов, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Севастополь, Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
в городе Севастополе)

Т. А. Снигирева, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Л. П. Быков, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)

Ю. В. Матвеева, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Б. Н. Лозовский, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. А. Мясникова, д-р филол. наук, канд. искусство-
ведения, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)

Э. В. Чепкина, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

О. Л. Девятова, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. Б. Кириллова, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

И. Я. Мурзина, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)

Г. А. Глотова, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Москва, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

Н. С. Глуханюк, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

И. А. Ершова, канд. филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Т. Ю. Быстрова, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)

Г. Е. Зборовский, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА

И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Олешко В. Ф., Сафронова А. И., Смирнова А. П.* Сквозные технологии как инструмент медиатизации контента..... 5
- Чепкина Э. В., Колчин Д. С.* Практики конструирования персонажа «пострадавший» в журналистских публикациях о теракте в Беслане..... 16
- Бухарева А., Круглова Л. А.* Евровидение-2021 на сайтах российских телевизионных каналов..... 26
- Глебович Т. А., Макешина А. А.* Формы популяризации русского языка в современных СМИ..... 41
- Буккина Т. Г.* Удержание внимания аудитории в музыкально-развлекательном радиоэфире: лингвопрагматический аспект..... 55
- Чжан Мэн.* Анализ освещения визита Владимира Путина в Китай телеканалами RT и CGTN..... 64
- Калганова С. О.* Актуализация лексической семантики в контексте межкультурных сопоставлений..... 70

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Приказчикова Е. Е.* «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов» И. В. Лопухина как путь формирования масонского идеала человека..... 88
- Богодерова А. А.* Образ Китая в очерках Э. Магарамы «Желтый лик»..... 100

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Быстрова Т. Ю., Певная М. В., Костина С. Н.* Ресурсность молодежи в культурном брендинге города..... 116
- Воробьева М. В., Рабинович Е. И.* Советские парки культуры и отдыха как проект 1930-х гг.: столичные образцы и провинциальные практики..... 131
- Мальцева Е. А.* Символика и смыслы образа железной дороги в художественной культуре: концепт «дом»..... 142

- Углева Н. В.* Развитие практики атрибуции древнерусской мебели в контексте сохранения культурно-исторического наследия (1960–1980-е гг.)..... 154
- Литатов В. А.* «ДМБ-культура» — неуставная репрезентативная субкультура российских военнослужащих срочной службы..... 167

ПСИХОЛОГИЯ

- К юбилею департамента психологии (А. А. Печеркина)..... 176
- Пермякова М. Е., Романова-Погребняк О. Н.* Исследование связи счастья с добродетелями и «семью смертными грехами»..... 178
- Токарская Л. В., Татаурова С. С.* Развитие способностей к изучению иностранного языка у детей с расстройствами аутистического спектра..... 189
- Оконечникова Л. В., Скворцова И. Е., Савельев В. В.* Исследование идентичности старших подростков, играющих в онлайн-игры..... 199
- Лебедева Ю. В., Мальцев А. В., Султанов И. В.* Прокрастинация у студентов, изучающих отдельные дисциплины в онлайн-формате..... 208

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Зборовский Г. Е.* Перевод образовательной (не)успешности студентов в сферу их профессиональной самореализации как проблема взаимодействия образовательных общностей в вузе..... 218
- Керимов А. А.* Роль системы образования в формировании правовой культуры молодежи: европейский опыт..... 227

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 5-й смотр университетской книги на Урале (А. В. Подчиленов)..... 236

Научная статья

УДК 070.1:338 + 81'27 + 004.5 + 659.21 + 316.77:81'42

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.061

СКВОЗНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕДИАТИЗАЦИИ КОНТЕНТА

Владимир Федорович Олешко¹

Алена Игоревна Сафронова²

Алена Павловна Смирнова³

^{1,2,3} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹vladimir.oleshko@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3001-7391>

²unic8474@gmail.com,

³alena.smirnova02@gmail.com

А н н о т а ц и я. Статья посвящена теме использования в современной медийной практике возможностей так называемых сквозных технологий. Это — одно из ключевых научно-технических направлений, поскольку при их посредстве разрушаются границы использования тех или иных цифровых компонентов лишь в отдельных отраслях (поэтому они именуются «сквозными»). При этом радикально меняется ситуация на существующих рынках, в том числе медийном, формируются принципиально новые его сегменты. На основе достаточно обширного теоретического материала, опросов, социологических данных и публикаций в массмедиа авторами выделены и проанализированы основные тренды развития в России и в регионах процесса повсеместной цифровизации контента, а также конкретные технологии организации эффективных диалоговых отношений с аудиторией. Особенностью анализа практик является обращение в том числе и к опыту одного из новых медиа, обладающего довольно скромным бюджетом. Сравнение подходов к изучаемому

вопросу разноформатных массмедиа делает результаты представленного анализа более убедительными, а выводы — по-настоящему прикладными.

К л ю ч е в ы е с л о в а: информационное общество; сквозные технологии; массмедиа; контент; цифровизация; мультимедийность; аудитория; диалог

END-TO-END TECHNOLOGIES AS A TOOL MEDIATIZATION OF CONTENT

Vladimir F. Oleshko¹

Alyona I. Safronova²

Alyona P. Smirnova³

^{1,2,3} *Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

¹vladimir.oleshko@urfu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3001-7391>

²unic8474@gmail.com

³alena.smirnova02@gmail.com

A b s t r a c t. The article is devoted to the topic of using the capabilities of so-called end-to-end technologies in modern media practice. This is one of the key scientific and technical directions, since through them the boundaries of the use of certain digital components are destroyed only in certain industries (therefore they are called “end-to-end”). At the same time, the situation in the existing markets, including the media market, is radically changing, fundamentally new segments are emerging. Based on quite extensive theoretical material, surveys, sociological data and publications in the mass media, the authors have identified and analyzed — main trends in the development of the process of widespread digitalization of the content in Russia and in the regions, as well as specific technologies for organizing effective open dialogue with the audience. One of the features of the analysis of practices is the appeal, among other things, to the experience of one of the new media, which has a rather modest budget. A comparison of approaches to the studied issue of multi-format mass media makes the results of the presented analysis more convincing, and the conclusions are truly applied for future use in real life.

К е y w o r d s: information society; end-to-end technologies; mass media; content; digitalization; multimedia; audience; dialogue

Тема повсеместной цифровизации человеческой жизнедеятельности остается не просто популярной для обсуждения, но и трендовой для развития многих сфер. Не исключением является и медиасфера. Переход подавляющего большинства аудитории от аналогового потребления информации к цифровому предполагает не только трансформацию методов ее сбора, обработки, трансляции журналистами, но и изменение исследовательских векторов. Так, в частности, привлечение высокотехнологичных инструментов, которые фактически соединяют работу журналиста и пользователя, иногда даже сокращая потребность в человеческом вмешательстве в творческие процессы, позволяет использовать системный анализ

возможностей **сквозных цифровых технологий** в качестве базового компонента научного метода практически любого современного исследования медиа.

Развитие передовых наукоемких технологий, сформированных на основе междисциплинарных знаний и результатов фундаментальных и прикладных исследований, предполагает в том числе и анализ будущности журналистики как социального института в целом в контексте развития российского общества как информационного. Сквозные технологии при этом — одно из ключевых научно-технических направлений, поскольку при их посредстве не только разрушаются границы использования тех или иных цифровых компонентов в отдельных отраслях (поэтому они именуется «сквозными»), но и радикально меняется ситуация на существующих рынках, в том числе медийном, формируются принципиально новые их сегменты.

В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» названы девять сквозных технологий [Программа...]. Большинство из них уже активно используется, правда, пока далеко не всеми массмедиа и часто в экспериментальном порядке. Именно поэтому, видимо, в теоретических разработках российских авторов данная тема не получила должного отражения. Вместе с тем в концептуальных разработках Е. Л. Вартановой [Вартанова, 2022 а, б], новейших работах А. Г. Качкаевой и С. А. Шомовой [Мультимедийная...], О. Р. Самарцева [Самарцев], Е. В. Олешко [Oleshko] и других исследователей в качестве объекта выделены именно сквозные цифровые технологии и эффективные методы и приемы их использования. А в кейсах Университета Иннополис даже обобщен первый опыт преподавания на их базе, в том числе и на факультетах журналистики, основных профильных дисциплин [Цифровые технологии...].

Объектом нашего исследования мы определили процесс развития сквозных цифровых технологий, предметом — ближайшие перспективы повсеместного их использования массмедиа. Обозначенный вектор прикладных научно-практических исследований, на наш взгляд, может способствовать внедрению данного рода технологий и методов в организацию повседневной творческой деятельности журналистов.

В эпоху цифровизации медиа становятся все более гибкими, персонализированными и конкурентоспособными, о чем свидетельствует многообразие контента, транслируемого при посредстве интернета практически для каждой группы массовой аудитории. Любое медиaprостранство, в особенности региональное, настолько быстро трансформируется, что традиционные СМИ далеко не всегда успевают учитывать социальные запросы на обновляющуюся в режиме реального времени информацию. А тот факт, что в борьбе с социальными сетями за первоочередное информирование потребителей, в особенности из числа молодежи, по данным ВЦИОМ, нередко терпят поражение даже сетевые издания [Медиапотребление...], предопределил формирование концепции так называемой «разъяснительной журналистики». Бум объяснительных форматов был к тому же обусловлен и изменением рекламной модели, когда потребители больше ориентированы на контекстные интернет-сообщения. Основные свойства объяснительного

текста: «...объясняющая интонация, язык прямой беседы с читателем. Имитируем разговор с читателем — без терминов и сложных понятий. Особое внимание к источникам. Деление на фрагменты — например, формат “вопросы и ответы”. Визуализация» [Сухачева]. В связи с этим цифровые возможности сквозных технологий играют первостепенную роль за счет практически неисчерпаемых ресурсов мультимедийности текстов и включенности человека в процесс ничем и никем не опосредованной их интериоризации.

Сквозные технологии, как мы уже отмечали, уникальны прежде всего тем, что не связаны с каким-либо отдельным продуктом, сервисом, деятельностью или сферой. Этот инструментарий можно интегрировать в любую сферу или использовать возможности его применения, по аналогии с банковской и экономической сферами, — в медийной сфере. Только один бытовой пример: научные достижения в разработках искусственного интеллекта, реализованные Сбером, сегодня активно используются федеральными и региональными радиостанциями при трансляции своих программ не только через эфир, Глобальную сеть, но и при посредстве «умных колонок».

Да, если выделять сквозные технологии, напрямую влияющие сегодня на развитие массмедиа, то в первую очередь следует назвать *искусственный интеллект* и *big data* (большие данные). Идеи искусственного интеллекта были сформулированы еще в конце 50-х гг. прошлого века. Однако ученым и разработчикам удалось их реализовать на практике только в эпоху цифровизации, когда технологические разработки позволили настолько удешевить процессы их внедрения, что в лексикон даже вошли именованья «интернет-вещей»: «умный город», «умный дом» и т. д. [Тимофеев]. Свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека, позволило массмедиа использовать их для поиска и систематизации актуальной информации, а также для прогнозирования и моделирования различных форм диалоговых отношений с аудиторией на базе *big data*. Активное использование массовой аудиторией айфонов/сотовых телефонов предопределило кардинальные изменения форм и способов потребления контента, что побудило медиаменеджмент сконцентрировать внимание не только на процессах сбора и создания текстов, но и на их сопровождении — при трансляции в Глобальной сети, и все чаще в режиме реального времени. На практике это выразилось в том, что тексты современных массмедиа делятся на те, что предназначены для быстрого просмотра, и те, что служат для длительного чтения. Причем в первом случае активно используются возможности новостных *медиаботов* [Замков], а во втором — авторы при создании материалов обязательно должны принимать во внимание степень «погружения» представителя массовой аудитории в тот или иной медиатекст. Следовательно, сегодня основные игроки медиаиндустрии переходят к освоению при посредстве вышеназванных сквозных технологий модели вовлеченного читателя. При этом «исследователи обращают особое внимание на механизмы взаимодействия власти и медиапредприятий, отмечая особую роль пресс-структур» [Амиров, Темников, с. 7].

Нельзя обойти вниманием и этико-социальную значимость сквозных технологий. В цитируемой уже программе «Цифровая экономика», утвержденной распоряжением Правительства России, ряд ключевых направлений развития цифровой экономики тесно взаимосвязан с задачами и функциями как традиционных СМИ, так и новых медиа: «Формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений» [Программа...]. В связи с этим необходимо отметить, что *нейротехнологии* и *системы распределенного реестра* позволяют журналистам и представителям аудитории, обладающим элементарной медиаграмотностью, решать задачи качественного анализа содержания информационных потоков. Потребность в использовании сквозных технологий возникла прежде всего в связи с ростом числа фейк-ньюс и в целом развития фейковой журналистики как элемента современной шоу-цивилизации [Ильченко, 2016, 2018]. Увеличение объема недостоверных, откровенно пропагандистских новостей и контента с интенциями скрытой рекламы, как свидетельствует новейшая практика, все чаще способствует нарастанию социальной напряженности, втягиванию массмедиа и отдельных журналистов в информационные войны, а также, несомненно, оставляет долговременные негативные психологические последствия у людей, в особенности, как мы это выяснили, у представителей старшего поколения [Олешко, Шурко]. Таким образом, обществу непременно предстоит в ближайшем будущем реализовать программу многоуровневой проверки любым потребителем внешних данных (факт-чекинг), хранения данных личности и противостояния мошенникам, что невозможно качественно осуществить без привлечения возможностей нейросетей. Можно утверждать, что в любой редакции создание автоматизированных систем проверки качества интернет-сведений и мониторинга достоверности информации в целом — уже задача сегодняшнего дня.

Причем, как мы выяснили в ходе проведенного опроса, общие запросы наиболее «продвинутой» части аудитории к массмедиа предполагают «разнообразие жанровой палитры», «постоянное обновление форматов подачи текстов», «внедрение VR- и AR-технологий», «использование журналистами в работе возможностей нейросетей, искусственного интеллекта», «опору в выводах и аналитике на различные базы данных» и др. [Олешко, Мухина, с. 36–38].

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что наряду с несомненными достижениями процесс повсеместной цифровизации медиа выявил несколько болевых точек развития. Во-первых, сегодня российские пользователи в значительной степени привыкли иметь свободный доступ к широкому разнообразию контента и большинство из них до сих пор не хотят вносить абонентскую плату даже за «премиальный» контент. Причем за рубежом платные подписки дают человеку или организации возможность подключить на выбор несколько тарифов с уникальными материалами. К примеру, можно ознакомиться с эксклюзивными интервью, лонгридами и статьями без сопровождения отвлекающей тебя рекламы. Во-вторых, до сих пор не решены многие вопросы авторского права и в целом правообладания контентом или его составляющими. Оцифровка

и копирование всей совокупности информации привели к безграничному ее распространению, даже порой без потери качества. На просторах интернета можно найти так называемые «пиратские» сайты, где предоставляется практически весь контент спустя совсем небольшое время после опубликования журналистами, массмедиа или другими субъектами информационной деятельности. Даже внедрение разнообразных систем «контроля», «запретов», «управления цифровыми правами» не привело к существенному сокращению числа нарушений авторских прав. В-третьих, в России еще только формируется принципиально новая профессиональная культура журналистов [Нигматуллина; Профессиональная...], в которой должно найти отражение гармоничное сочетание ментальных характеристик личности цифровой эпохи и инструментальных компонентов (прежде всего совершенное владение всем арсеналом новых технологий массмедийной деятельности).

Моделирование практической информационной деятельности с полноценным использованием всех возможностей сквозных цифровых технологий сегодня осуществляется, как мы уже отмечали, чаще всего в федеральных и крупнейших региональных массмедиа. Понятно, что это обусловлено как финансовыми обстоятельствами (приобретение соответствующего программного обеспечения, затраты на обучение персонала, возможности расширения штатного расписания и т. д.), так и стремлением удовлетворить запросы крупных рекламодателей на контекстную рекламу, найти взаимодействие с различными аудиторными группами. Поэтому и в новейших исследованиях по данной тематике в качестве объекта представлены именно данные типологические группы массмедиа [Замков, Крашенинникова, Лукина; Лукина; Работа журналиста...].

Нашей исследовательской группой была поставлена задача рассмотреть варианты и способы использования цифровых технологий на примере одного из новых медиа, обладающего довольно скромным бюджетом. Этим обусловлена актуальность проведенного исследования, поскольку период ограничений COVID-19 и новейшие политические события предопределили важность решения актуальных для большинства россиян задач, в том числе противостояния манипулятивным интенциям различных акторов, именно силами профессиональной журналистики. И это невозможно реализовать без системных трансформаций редакционной деятельности новых медиа, выполняющих актуальные социокоммуникативные задачи, но малоисследованных как типологическая группа. Мы рассмотрели использование сквозных технологий на примере екатеринбургского телеграм-канала *Ural Mash*. Данный вид медиа был создан в феврале 2021 г. и представляет собой регулярно обновляющуюся ленту новостей с фото и видеоматериалами в мессенджере с элементами блога. Основная мотивация пользователя при подписке на канал заключается в том, чтобы получать оперативные и эксклюзивные короткие сообщения (посты) и длинные форматы (лонгриды) о событиях. Работа данного издания основана на персонифицированном потреблении контента, где читатель выбирает интересные ему темы, подписывается и потребляет контент в мессенджере.

По данным сервиса телеграм-аналитики *tgstat.ru*, география подписчиков канала — Уральский федеральный округ, Москва, Санкт-Петербург и еще несколько областей России. Данный канал администрируется от общего имени редакции, персонификация постов и лонгридов не ведется. Важно то, что большую часть наполнения медиа составляют собственные публикации. Ural Mash также представлен в других социальных сетях, число подписчиков на текущий момент на площадке Telegram составляет более 40 тыс. человек, дневной охват подписчиков — более 30 тыс. просмотров на одну публикацию (рис. 1). Стоит отметить, что формирование и упаковка контента происходит исходя из специфики платформы социальной сети: любому автору необходимо учитывать потенциальные запросы аудитории. Основные метрики представлены ниже.

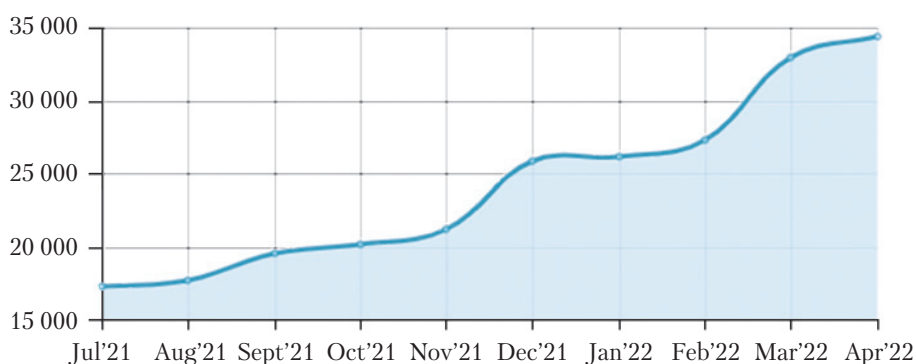

Рис. 1. Рост числа подписчиков телеграм-канала Ural Mash (данные компании Mediascope)

Постоянный (помесячный) прирост числа подписчиков в телеграм-канале, как мы выяснили в ходе опроса журналистов издания, был обусловлен двумя главными причинами: активным использованием сквозных технологий, а также наличием в инфополе региона крупных новостных событий, многосторонне освещаемых журналистами и фрилансерами медиа. В ходе экспресс-опроса пользователей канала мы также выяснили и типологизировали причины выбора его как основного источника информации: «простота и удобство использования платформы мессенджера, нежели панели стандартного сетевого издания»; «короткий путь дистрибуции контента — напрямую на смартфон пользователя»; «менее строгое отношение к использованию языковых норм — разговорный язык символизирует равенство отношений»; «понятная правоприменительная практика»; «чаще всего — внеидеологичный характер транслируемой информации».

Пик увеличения числа читателей новых медиа в целом и данного телеграм-канала в частности можно было наблюдать весной 2022 г., когда на территории Российской Федерации некоторые социальные сети были признаны экстремистскими. Появилась тенденция по оттоку значительного числа пользователей

компьютеров и мобильных устройств из запрещенных социальных сетей, что подтверждалось исследованиями компании Mediascope (рис. 2).

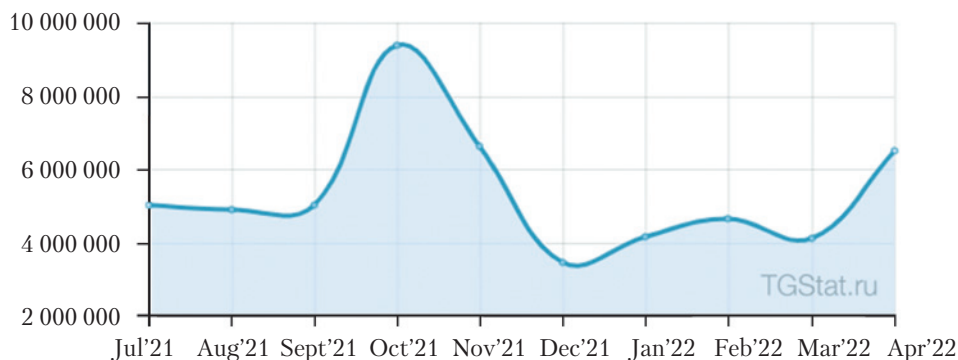

Рис. 1. Рост числа просмотров материалов телеграм-канала Ural Mash (данные компании Mediascope)

В создании конкурентоспособного контента для данного телеграм-канала в настоящее время активно используется несколько видов цифровых технологий. Остановимся на некоторых из них. Содержание информационного сообщения (*поста*) в Ural Mash построено на сочетании короткого, насыщенного фактологией текста (от 1024 до 4096 символов вместе с пробелами) и *аудиовизуального контента* (не более десяти изображений или одного небольшого видеосюжета хронометражем до двух минут). Кроме того, в постах зачастую используются юмор и шуточные картинки (*мемы*). В зависимости от актуальности для всей массовой аудитории инфоповода редакцией канала выбирается способ подачи контента. Критериев для выбора несколько: понятность, информативность, объективность и креативность. Именно здесь на помощь журналистам приходят цифровые технологии.

Если перед редакцией стоит задача рассказать потребителям контента о важной новости с насыщенной событийной частью, то обычно используется вариант *стрима* — прямого эфира посредством социальных сетей, проводимого в телеграме или на других медиаплатформах. Происходит тем самым включение потребителя в актуальную информационную повестку, а также у него появляется возможность стать непосредственным зрителем/участником происходящего. Поскольку корреспондент выходит в прямой эфир с места событий, то преимуществами перед тем же телевизионным эфиром являются короткий путь прохождения контента от автора к зрителю — достаточно лишь взять в руки смартфон, а также практически неограниченное время трансляции.

Еще один способ «отработки» событийной повестки — *моноэфир*. Данное понятие можно определить как посвященное одной тематике множественное количество постов в течение всего хода событий. Такой метод использовался журналистами и фрилансерами для освещения нестандартных чрезвычайных

ситуаций, массовых мероприятий и митингов, крупных аварий и погодных стихийных бедствий. Внедрение *big data* давало возможность сразу же комментировать события исходя из аналогичных ситуаций.

Конечно же, активно используется и *инфографика*. Редакция выбирает такой формат в случаях, когда необходимо донести до аудитории большой объем сложной для анализа или перманентно обновляющейся статистической информации. К примеру, такая стратегия подачи была, использована для освещения ситуации с коронавирусом, когда для анализа *хештегов* и *комментариев* к созданным журналистами публикациям были привлечены медиароботы. Примером удачного сочетания сразу двух новых технологий подачи текста с инфоповодом может служить и *видеоинфографика*. Она использовалась при обсуждении проблемы повышения в России стоимости проезда в общественном транспорте. Хронологически выстроенный мультимедийный текст, включающий музыку, исторические и современные фотографии транспортных средств и инфографическую динамику цен проезда в них в разные периоды, предопределил более 13,5 тыс. просмотров за короткий период, активный *репостинг* информации и обсуждение в соцсетях со ссылкой на канал.

Еще один вид публикаций с опорой на сквозные технологии — развлекательные *информационные боты*. Они представляют собой запрограммированные в специальном телеграм-конструкторе *тесты* на определенную тематику, привязанные к новостным инфоповодам, выполняющим в данном случае развлекательную функцию (например, Олимпийские игры в Пекине и уральские сказы). Пользователю предлагалось ответить на несколько вопросов по теме, затем пройти тест и поделиться им в своих профилях в социальных сетях. Такой прием помогает, как свидетельствует практика, повысить лояльность к каналу, получить обратную связь, что является эффективным средством продвижения в социальных сетях.

И поскольку в телеграм-канале Ural Mash также существует бот для обратной связи с аудиторией (*@ural_mash_bot*), то взаимодействие с потребителями происходит практически в режиме реального времени. Особенно это важно в связи с тем, что именно таким образом представители аудитории во многом формируют актуальные инфоповоды для журналистских публикаций, присылают уникальные фото- и видеоматериалы, указывают на конкретные недоработки представителей городских или областных властей, а также на ошибки в публикациях, высказывают общие пожелания к работе редакции. Именно при посредстве сквозных цифровых технологий материалы, присланные в бот, тщательно проверяются на достоверность, соответствие действительности.

Как мы видим, модельный подход к осуществлению системной информационной деятельности разных типологических групп может быть реализован сегодня прежде всего за счет сочетания интегрированных цифровых коммуникативных технологий не только с актуальной информационной повесткой дня, но и с общередакционной политикой, запросами рекламодателей, а также, что не менее важно — с опорой на регулярно обновляющиеся медиаметрики, характеризующие запросы представителей различных сегментов реальной и потенциальной

аудитории. Сквозные же технологии при этом являются не просто основой для совершенствования приемов и методов журналистской работы, но и своего рода «самонаводящейся» системой трансформационных изменений актуальных для общества медийных практик.

Амиров В. М., Темников А. С. Основные медиастратегии информирования населения о работе муниципальных организаций (на примере многофункционального центра Свердловской области) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 2. С. 5–13.

Вартанова Е. Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Меди@льманах. 2022а. № 2 (109). С. 8–14.

Вартанова Е. Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы // Меди@льманах. 2022б. № 1 (108). С. 8–13.

Замков А. В. Новостной медиаробот: теоретические аспекты интеллектуальной системы генерации контента // Вопр. теории и практики журналистики. 2019. № 8 (2). С. 260–273.

Замков А. В., Крашенинникова М. А., Лукина М. М. Трудовая деятельность журналиста: люди или роботы // Вопр. теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 46–64.

Ильченко С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 70–76.

Ильченко С. Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 3 (153). С. 14–18.

Лукина М. М. Мультимедийная журналистика: ключевая морфема «мульги» // МедиаТренды. 2021. № 1 (79). С. 4–5.

Медиапотребление и активность в интернете. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 24.06.2022).

Мультимедийная журналистика / под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. М., 2017. 413 с.

Низматуллина К. Р. Профессиональная культура журналистов в России. СПб., 2021. 287 с.

Олешко В. Ф., Мухина О. С. Журналистика периода COVID-19: актуальные вызовы, пути трансформации // Вестн. НГУ. Сер. : История, филология. 2022. Т. 21, № 6 : Журналистика. С. 30–39.

Олешко В. Ф., Шурко И. И. Пропагандистский дискурс современного телевидения // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 1. С. 5–15.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201708030016> (дата обращения: 11.05.2022).

Профессиональная культура журналиста в условиях медиатрансформаций : [монография] / под. ред. М. А. Мясниковой. Екатеринбург, 2020. 236 с.

Работа журналиста в цифровой периодике / под ред. О. В. Смирновой. М., 2021. 248 с.

Самарцев О. Р. Цифровая реальность. Журналистика информационной эпохи: факторы трансформации, проблемы и перспективы. М., 2017. 120 с.

Сухачева А. Правила разъяснительной журналистики. URL: <https://newreporter.org/2020/07/07/pravila-razyasnitelnoj-zhurnalistiki/> (дата обращения: 11.05.2022).

Тимофеев В. И. Интернет вещей как перспективный канал рекламной коммуникации // Вопр. теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 2. С. 355–371.

Цифровые технологии в преподавании профильных дисциплин : учеб. пособие : сб. кейсов и практ. заданий по развитию цифровых компетенций обучающихся сред. проф. и высш. образования / Университет ИННОПОЛИС. Казань, 2020. Т. 1 ; 2021. Т. 2–3.

Oleshko E., Oleshko V. Problems of Digitisation of Communicative and Cultural Memory in a Multi-Ethnic Region of Russia // *Studies in Contemporary Journalism and Communication in Russia's Provinces* / Ed. by G. Simons and A. Sumsкая. L. ; N. Y., 2022. P. 172–189.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022 г.

Научная статья

УДК 070.1:327(470.661) + 342.5(470) + 004.774 + 316.776.2

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.062

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЖА «ПОСТРАДАВШИЙ» В ЖУРНАЛИСТСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ О ТЕРАКТЕ В БЕСЛАНЕ

Элина Владимировна Чепкина¹

Денис Сергеевич Колчин²

^{1,2}*Уральский федеральный университет,*

Екатеринбург, Россия

¹*ellina.chepkina@urfu.ru*

²*krusaider84@mail.ru*

А н н о т а ц и я. В данной статье с применением метода дискурс-анализа представлены результаты исследования того, как спустя 15 лет после теракта в Беслане в российских печатных и сетевых СМИ конструировались персонажи «пострадавшие». Выявлены ведущие дискурсивные практики конструирования персонажей «пострадавший» в связи с годовщиной теракта. Типичными практиками являются присвоение персонажу нарративной роли в контексте описания событий, характеристика жертв теракта с помощью прямой речи участников и очевидцев трагедии, описание действий сообщества «пострадавшие» ради сохранения памяти о погибших.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс-анализ; дискурсивная практика; персонаж; российский медиадискурс

THE PRACTICE OF CONSTRUCTING THE CHARACTER “VICTIM” IN JOURNALISTIC PUBLICATIONS ABOUT THE TERRORIST ATTACK IN BESLAN

Elina V. Chepkina¹

Denis S. Kolchin²

^{1,2}*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

¹*ellina.chepkina@urfu.ru*

²*krusaider84@mail.ru*

Abstract. The authors, using the method of discourse analysis, present the results of a study regarding how 15 years after the terrorist attack in Beslan, the victim characters were constructed in Russian print and online media. The leading discursive practices of constructing such victim characters in connection with the anniversary

of the terrorist attack are identified. It is typical to assign a narrative role to the character in the context of describing the events, characterizing the victims of the terrorist attack using the direct speech of the participants and eyewitnesses of the tragedy, describing the actions of the “victims community in order to preserve the memory of the dead.

К е у о р д с: discourse analysis; discursive practice; character; Russian media discourse

В декабре 2019 г. исполнилось 15 лет со дня массового захвата заложников в Северной Осетии. Отряд кавказских боевиков 1 сентября 2004 г. занял школу № 1 в городке Беслан, расположенном недалеко от границы с Ингушетией. В плен попало больше 1000 человек — педагогов, детей и их родственников. Через два дня школа была взята штурмом. Погибли 336 человек, в том числе 186 несовершеннолетних и 10 бойцов спецназа. «Без сомнения, самый трагический эпизод новейшей российской истории — боль Беслана» [<https://regnum.ru/news/2717554.html>].

В данной статье с применением метода дискурс-анализа выполнено исследование того, как в российских печатных и сетевых СМИ конструировалось событие «теракт в Беслане» и персонаж «пострадавший» спустя 15 лет после трагедии, в августе — сентябре 2019 г.

Памятные даты о значимых для современной России событиях обычно связаны с победами и героизмом — источниками гордости и положительной национально-гражданской самоидентификации [Малинова; Проблемы конструирования...]. Однако трагедия в Беслане связана не только с памятью о героизме сотрудников спецназа и других бойцов, освобождавших школу, но и с горькой памятью о погибших и пострадавших, со скорбью и болью, которые не изжиты до сих пор.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что практики коллективной памяти сегодня находятся в центре внимания гуманитарного научного сообщества, а также тем, что практики конструирования персонажа «пострадавший» в журналистском дискурсе еще не получили развернутого описания. Научная и практическая значимость исследования связана с тем, что чрезвычайные ситуации разного рода, к сожалению, не редкость, они пользуются повышенным вниманием СМИ, и выработка алгоритма их описания и анализа — актуальная задача для медиадискурса, особенно на уровне анонимных и безличных дискурсивных практик. Анализ практик конструирования персонажей — важный вклад в выработку этого алгоритма.

Цель нашего исследования — рассмотреть, как конструировался дискурс о пострадавших во время теракта в Беслане, а именно дискурсивные практики конструирования персонажа «пострадавший», в годовщину трагических событий, 15 лет спустя.

Методологически исследование опирается на дискурс-анализ в контексте социального конструкционизма [Дьякова, Трахтенберг; Луман; Филлипс, Йоргенсен; Фуко; Чепкина, Енина]. По мере необходимости он дополняется лингвостилистическими методами анализа.

К конкретным методикам анализа относится исследование тех практик конструирования персонажей, которые в совокупности реализуют нарративную

роль «пострадавший» с помощью накопления соответствующих повторяющихся смыслов [Чепкина, Автохутдинова; Чепкина, Енина].

Объектом исследования являются материалы российских федеральных, печатных и сетевых, СМИ, вышедшие в августе – сентябре 2019 г. в связи с 15-летней годовщиной трагедии Беслана. Это тексты в изданиях «Лента.ру», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Российская газета», «Медуза»*, «Аргументы и факты», «Взгляд», ИА «Regnum». Объем статьи не позволяет в полной мере представить весь анализированный материал, мы ограничимся наиболее показательными примерами.

Предмет исследования – дискурсивные практики конструирования персонажей-«пострадавших», участников и очевидцев события «теракт в Беслане».

Персонаж – это объект дискурса, который в журналистских текстах конструируется с опорой на правила достоверного, верифицируемого нарратива и наделяется устойчивыми характеристиками [Чепкина, Автохутдинова; Чепкина, Енина].

Событие «теракт» задает определенную систему основных персонажей, типичную для катастрофических ситуаций: пострадавшие (погибшие и члены их семей, выжившие заложники и другие люди, пострадавшие в ходе теракта); спасатели; ответственные лица; очевидцы [Ульберг и др., с. 274].

Сложность ситуации с памятью о трагедии в Беслане в том, что до сих пор не существует «неопровержимой» версии событий. С одной стороны, многие свидетели и участники трагедии живы до настоящего времени. С другой – дискуссии о том, как именно развивались события, не прекращаются. Организация по следам теракта в Беслане специального расследования не дала окончательных ответов.

Следует подчеркнуть, что такая ситуация – не редкость. В процессе расследования катастрофических событий, в том числе терактов, «жертвы, спасатели, ответственные лица получают возможность изложить свою версию событий» [Там же, с. 264], и эти версии часто не совпадают. Кроме ответов на вопрос, что именно произошло, участники расследования обычно стремятся ответить и на вопросы, кто виноват и чему это должно нас научить. К важным аспектам события «расследование ситуации катастрофы, теракта», кроме установления виновных и определения меры ответственности конкретных лиц, относятся и возмещение убытков пострадавшим и членам семей погибших [Там же]. Эта информация обладает ценностью и для журналистского дискурса.

Значимый аспект трагедии в Беслане и осмысления ее последствий состоит в том, что практически сразу после штурма школы среди пострадавших сложилось сплоченное сообщество памяти о трагедии. Этому способствовало то, что участники трагедии, в первую очередь ее жертвы, – жители одного города. Не только общий опыт бедствия, но и одно место жительства сплотили их, облегчили взаимодействие друг с другом, решение общих задач по оказанию помощи

---

* 23 апреля 2021 г. интернет-издание внесено в список иностранных агентов.

пострадавшим и других вопросов. «Матери Беслана» — наиболее известная организация, возникшая ради единства в защите интересов пострадавших и их семей. В нее вошли люди, готовые взять на себя роль неформальных лидеров, а в подобных ситуациях это очень важно для сохранения памяти о событиях и поддержки жертв [Ульберг и др., с. 262].

Изучение эмпирического материала показало, что чаще всего рассказы о пострадавших встраиваются в несколько нарративных структур: событие теракта и последующий штурм школы, события непосредственно после теракта, отдаленные последствия: реабилитация пострадавших, информация о нынешней жизни жертв теракта.

В текстах, посвященных 15-летию бесланской трагедии, центральными персонажами из числа пострадавших стали выжившие заложники, их воспоминания о пережитом. Рассказывая об этих людях, журналисты видят свою задачу прежде всего в том, чтобы выстроить нарратив произошедшего, передать детали событий сентября 2004 г. Например:

Алла Бициева провела на полу зала все три дня. Трое ее одноклассников погибли. Вот ее выводит из школы омоневец. Она едва стоит на ногах, белоснежная кофточка в крови. Делает несколько глотков воды и тут же начинает помогать малышам. «Так как мы были старшеклассники, не было возможности позволять себе поплакать», — вспоминает она (Рен-ТВ : [сайт]. 2019. 3 сент. // <https://ren.tv/news/v-mire/454468-mir-vspominaet-zhertv-tragedii-v-beslane>).

Лариса какое-то время лежала без сознания, и что происходило вокруг, не помнит. Потом ее заметили и вытащили. В больнице Беслана ее не узнал знакомый врач, который был близким другом семьи, потому что от лица у нее осталась только половина. По дороге в клинику во Владикавказе она два раза умирала в скорой. Ее чудом довели. Но в суматохе перепутали фамилию, и до 5 сентября она числилась среди погибших («Я два раза умирала в скорой» // Российская газета (далее РГ. — Э. Ч., Д. К.). 2019. 3 сент.).

В таких текстах конструирование персонажа-жертвы теракта происходит через рассказ о его травматическом опыте.

Воспоминания родителей и других членов семей заложников — тоже важная часть нарратива, сохраняющего память о произошедшем, что неудивительно, так как большая часть заложников — дети:

15 лет назад, 1 сентября, Света ушла в школу, а потом вдруг вернулась домой: «Мам, пойдем со мной на линейку». Они жили вдвоем, и Марина всегда была рядом с дочерью. Но в тот день ей нужно было идти на курсы, которые она уже оплатила. И она не смогла пойти в школу. Уходя, Света перекрестила ее. Больше они не встретились» (Брошены и забыты // Коммерсантъ (далее Ъ. — Э. В., Д. К.). 2019. 3 сент.);

Поначалу я не знал, что и думать, что там такое — пока глазами не увидел, что туда всех согнали. Там были мои дети. Установить с ними связь было невозможно. Телефонов у них с собой не было, да и не могло быть. Ну что там, десятилетние дети.

Какие у них могли быть телефоны <...> Своих детей я какое-то время не мог найти. Мне потом позвонили и сказали, что сына нашли в профтехучилище рядом, куда относили раненых, которые еще могли стоять на ногах. А про дочку мне вечером сказали в нашей Бесланской районной больнице, что везут ее во Владикавказ, потому что она сильно ранена. Я их в этих местах и нашел («Родители с оружием в руках лезли туда, готовые умереть» // Лента.ру : [сайт]. 2020. 3 сент. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/09/01/beslan>).

В годовщину трагедии было опубликовано немало воспоминаний журналистов, которые были в Беслане в сентябре 2004 г. — во время теракта и сразу после него:

Помню, как родители подбегали к помощнику главы республики Льву Дзугаеву и возмущенно говорили: «Зачем ты врешь, там не 120 и не 300 человек, там больше 900». У женщин были на руках списки людей из школы, и их количество перевалило за полторы тысячи. Он ответил, что эти 124 подтверждены, остальные нет. Родители просили встречи с руководством республики, силовиками, чтобы им пояснили, что происходит. Их просили успокоиться, так как они нервируют обстановку («Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба» // Медуза* : [сайт]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/01/pered-glazami-ulitsa-u-kazhdogo-doma-kryshka-groba>);

Я с гордостью вспоминаю, как нам, «Новой газете», Беслан тогда поверил. И продолжал верить все последующие годы. Я помню, как в каждом номере помимо историй про заложников, погибших и выживших, помимо этих моментальных слепков трагедии, позволяющих каждому попробовать примерить то, что случилось в Беслане, на себя, — мы публиковали какую-то небольшую заметку о ходе расследования, которое вели сами бесланцы. Я помню, как почему-то именно мне бесланские мужики решили отдать тубу от реактивного огнемета «Шмель», снятую с крыши 37-й пятиэтажки по Школьному переулку (Школа номер один // Новая газета (далее НГ. — Э. Ч., Д. К.). 2019. 28 авг.).

Журналисты, работавшие тогда в Беслане, описывают свой профессиональный и личный опыт тоже как травмирующий:

После Беслана у меня началась идиопатическая крапивница: когда вдруг распухает ступня, или кисть, или глаз целиком отекает. И по ночам повторялся один и тот же сон, про горящую школу. Страшнее, чем Беслан, в моей жизни ничего не было. <...> В какой-то момент, когда я слышала или рассказывала про Беслан, то сразу начинала плакать. Это тяжелая трагическая история, но чтобы плакать постоянно — это не совсем в порядке вещей. На эту тему я общалась с психологом, потом это прошло. Мне объяснили, что это посттравматический синдром. Но мне смешно говорить о своих переживаниях по сравнению с теми, кто потерял своих детей («Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба» // Медуза* : [сайт]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/01/pered-glazami-ulitsa-u-kazhdogo-doma-kryshka-groba>).

---

* 23 апреля 2021 г. интернет-издание внесено в список иностранных агентов.

Таким образом, представители прессы сами попадают в число пострадавших вместе с заложниками и членами их семей. Такие живые свидетельства непосредственных участников событий очень важны.

Часто образы заложников используются в рамках общего напоминания о произошедшем. Например:

Я помню одну девочку, которая оттуда выбежала. Она первым делом побежала не к родителям, а схватила бутылку воды и начала пить. До такого состояния довели детей! Я считаю, что жители Осетии, которые с оружием в руках лезли туда, готовые умереть, совершили большую ошибку. Потому что одно дело — спецназовцы, а другое — очумевшие от боли и страдания родители («Родители с оружием в руках лезли туда, готовые умереть» // Лента.ру : [сайт]. 2020. 3 сент. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/09/01/beslan>);

Когда все закончилось, город перестал быть молчаливым: воцарился нечеловеческий душераздирающий вой. Он не прекращался всю неделю похорон. Никогда — ни до, ни после — так не рыдала. Зашли в один двор — шесть гробиков на табуретках. В другом доме сидит голый первоклассник и рядом его сестра: у них ожоги, их нельзя одевать. Родителей нет, только бабушка смотрит в стену («Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба» // Медуза* : [сайт]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/01/pered-glazami-ulitsa-u-kazhdogo-doma-kryshka-groba>).

Среди пострадавших в ходе штурма здания школы есть и сотрудники правоохранительных органов. Издание «РИА Новости» в 2019 г. напоминает:

В результате теракта в Беслане погибли сотрудники ЦСН ФСБ, МЧС, МВД и гражданские спасатели. Для спецназа ФСБ эта операция закончилась самыми большими в истории подразделения потерями: десять бойцов «Альфы» и «Вымпела» уже не вышли из здания школы («Хочется волком выть». Исповедь матерей, чьи дети погибли в Беслане // <https://ria.ru/20190901/1558002333.html>).

Также «РИА Новости» публикует воспоминания одного из спецназовцев:

Вспоминает Виталий Демидкин, на тот момент руководитель одного из подразделений управления «А» («Альфа») ЦСН ФСБ, сейчас полковник запаса: «...операция в Беслане для меня была самая сложная. ...Задачи стояли такие: по команде ворваться в спортивный зал, уничтожить террористов, которые охраняли взрывчатку, и разминировать ее. Затем доложить в штаб, что задача выполнена, и только потом начать штурм. Сотрудники управления “В” (“Вымпел”) должны были обеспечить нам подход к окнам спортзала, а мы — ворваться. Все были готовы, но уже в дороге получили информацию, что в спортзале произошел взрыв. ...В бою погибли три наших сотрудника» («Хочется волком выть». Исповедь матерей, чьи дети погибли в Беслане // <https://ria.ru/20190901/1558002333.html>).

Безусловно, напоминание об этой категории пострадавших — важная деталь в общей картине тех событий.

---

* 23 апреля 2021 г. интернет-издание внесено в список иностранных агентов.

Значительно реже, по сравнению с рассказами о захвате заложников и их последующем освобождении, журналисты обращаются к проблемам расследования случившегося. Приведем фрагмент одной из публикаций 2019 г. на эту тему:

В первые дни после трагедии устоялась официальная версия — все заложники в спортзале погибли от взрывов бомб, террористы стреляли в спины выжившим, а спецназовцы пошли на спонтанный штурм без бронежилетов. Местные жители не верили официальному следствию. Поэтому была создана независимая парламентская комиссия для расследования обстоятельств трагедии. В ходе работы комиссии стало понятно, что главной целью спецоперации силовиков в Беслане было уничтожение террористов, а не спасение людей. Под давлением общественности официальное следствие признало факт стрельбы по школе из огнеметов и гранатометов, но заявило, что эти виды вооружения применялись, когда в школе уже не было заложников. Эта позиция была опровергнута в ходе судебного процесса над единственным выжившим террористом (Школа номер один. «Новая газета» выпустила фильм к 15-летию теракта в Беслане. Основные тезисы // Znak.com : [сайт]. URL: https://www.znak.com/2019-08-28/novaya_gazeta_vypustila_film_k_15_letiyu_terakta_v_beslane_osnovnye_tezisy).

Как видим, повторены некоторые вопросы, возникшие у тех, кто стремился восстановить ход событий, но и спустя 15 лет окончательные ответы не найдены.

Относительно реже, чем истории о том, что происходило в Беслане в сентябре 2004 г., публикуется информация о последствиях произошедшего, о дальнейшей судьбе пострадавших. Есть истории об успешной реабилитации:

Лариса Кудзиева пришла с шестилетним сыном Зауром и дочерью Мадиной, учившейся тогда на третьем курсе университета. Когда уже после взрыва в спортзале один из боевиков бросил гранату в заложников, Лариса закрыла собой детей, и они не пострадали. Сама же она... Потребовалось 16 лет и 31 операция, чтобы восстановить здоровье («Я два раза умерала в скорой» // РГ. 2019. 3 сент.).

К сожалению, немало свидетельств о том, что помощь жертвам теракта оказалась недостаточной:

Еще одна бывшая заложница Марина, раненная в позвоночник, в первые годы после теракта имела шанс встать на ноги и даже чувствовала пальцы на ноге, но из-за отсутствия реабилитации даже этот эффект сошел на нет. 15 лет за Мариной ухаживает мама-пенсионер, которая тоже была в заложниках. Все деньги, выплаченные семье после теракта, ушли на уход за Мариной. Ее маме пришлось уйти с работы. Все это несправедливо, ведь за последствия теракта отвечать должно государство. Оно должно предоставить Марине помощницу и пожизненную реабилитацию. Но эта семья забыта своим государством (Брошены и забыты // Ъ. 2019. 3 сент.).

А вот свидетельство женщины, потерявшей в Беслане старшую дочь:

Я стала очень тревожной. Я боюсь выйти из дома и оставить сына одного. Боюсь отпускать его в школу. Мне надо с этим что-то делать (Там же).

Спустя 15 лет после трагедии журналисты внимательны и к свидетельствам о возможности преодоления последствий травм с помощью практик солидарности и взаимопомощи. Учительница Н. И. Гуриева рассказывает, как ее спасала необходимость заботиться о других:

Как только я вышла на работу, в ноябре 2004 г., мне дали десять детей, которые или из-за ранений, или из-за психологических проблем не могли ходить в школу. С утра занималась с ними на дому, во вторую смену проводила уроки в школе. Видела смятение и ужас, стремление довериться и страх, радость встречи с учителем. И собственное горе отступало, когда чувствовала, насколько во мне нуждаются. Кто их мог понять лучше нас? Ведь мы были в этом аду вместе (Души Беслана // Спецназ России. 2019. 31 авг.).

Во многих публикациях подчеркивается огромная роль в преодолении последствий теракта сообщества «Матери Беслана», его действенной помощи:

Марина много лет вместе с женщинами из комитета «Матери Беслана» помогает пострадавшим. Благодаря ей самые отчаявшиеся нашли надежду. Кто-то нашел себя в общественной работе комитета бесланских матерей, кто-то стал ходить в церковь, кого-то просто нужно выслушать, и для этого можно прийти в комитет» (Брошены и забыты // Ъ. 2019. 3 сент.);

Я очень восхищаюсь матерями Беслана — это мужественные женщины, которые прошли через все. Их пытались приписать к сумасшедшим, их не всегда понимали — когда они начали получать гуманитарную помощь, у людей была странная реакция. Эти женщины прошли через огромное психологическое давление и сумели остаться порядочными и мудрыми. И они до конца пытаются настоять на расследовании. Сейчас они многим помогают в Беслане: стали теми, к кому все обращаются, если возникает проблема («Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба» // Медуза* : [сайт]. 2019. 1 сент.).

Наконец, в качестве важной задачи сегодняшнего дня журналисты называют сохранение памяти о событиях в Беслане:

Им тяжело и больно вспоминать пережитое. Но они уверены, что только память о Беслане поможет избежать новых трагедий (Брошены и забыты // Ъ. 2019. 3 сент.).

Формы сохранения памяти могут быть разными, от ношения траура до продолжения расследования обстоятельств теракта:

«Я не хочу, чтобы кто-то еще пережил то, что пережила я», — говорит Рита — мать, потерявшая единственную дочь и уже 15 лет живущая в одиночестве. Эти поездки да еще расследование обстоятельств теракта, которое много лет потерпевшие ведут сами, — смысл ее жизни. Она пытается делать хоть что-то, чтобы мучительная смерть ее дочери не была напрасной (Там же);

---

* 23 апреля 2021 г. интернет-издание внесено в список иностранных агентов.

Клара Цкаева не снимает черный платок 15 лет. Боевики убили ее дочь и внучку. Не было дня, когда она не вспоминала то 1 сентября 2004-го (Мир вспоминает жертв трагедии в Беслане // Рен-ТВ : [сайт]. 2019. 3 сент. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/454468-mir-vspominaet-zhertv-tragedii-v-beslane>).

Сохранению памяти о погибших мог бы помочь музей, об этом говорит учитель Н. И. Гуриева, одна из заложниц, у которой погибли двое детей:

В здании же полуразрушенной школы Надежда Ильинична предлагает создать большой музей, посвященный жертвам терроризма в Осетии. Выделить каждому погибшему свой уголок. Она говорит, что сделать это обязательно надо, чтобы ни в коем случае не забыть никого. Чтобы они продолжали жить в памяти. Как живут ее дети, в смерть которых сердце матери так и не поверило. «Для меня они уехали куда-то. У меня ощущение, что они рядом. Просто не могут приехать, и всё». Пока жива Россия, жива будет и память о трагедии Беслана. Мы помним. Забыть — предать, значит. И страну, и себя (Души Беслана // Спецназ России. 2019. 31 авг.).

На то, что усилия по сохранению памяти о случившемся актуальны, указывают данные опроса «Левада-центра», опубликованные газетой «Ведомости»:

Накануне 15-й годовщины трагедии «Левада-центр» провел опрос об информированности россиян о Беслане и их мнении о причинах гибели заложников. Подавляющее большинство помнят о трагедии, но за последние пять лет доля не знающих или забывших о ней выросла более чем вдвое — с 4 до 9 %. Причем число не слышавших или впервые услышавших о событиях в Беслане существенно (с 13 до 24 %) выросло не только среди молодежи до 24 лет, но и среди опрошенных 25–39 лет (с 2 до 11 %) и старшего поколения (с 3 до 7 %) (Как россияне забывают про Беслан // Ведомости. 2019. 30 авг.).

Именно поэтому в годовщину трагедии журналисты уделяют особое внимание сегодняшним ритуалам памяти о погибших на мемориальном кладбище в Беслане:

«Город ангелов» — так называется кладбище, на котором похоронены ученики, учителя, родители — сотни могил. В середине мемориального комплекса — скульптура. Матери с поникшими головами пытаются удержать в руках ангелочков — своих детей. И здесь у могил игрушки, бутылки с водой, цветы (Мир вспоминает жертв трагедии в Беслане // Рен-ТВ : [сайт]. 2019. 3 сент. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/454468-mir-vspominaet-zhertv-tragedii-v-beslane>);

Подростки, вдруг притихшие, проходят вдоль стен, разглядывают фотографии детей и взрослых, ставших жертвами теракта. Ко мне подходит девочка-подросток и тихо спрашивает: «А где дочь Марины? Покажите». Я веду ее к той стене, откуда с фотографии на нас смотрит лицо Светы. Света улыбается. Девочка рядом со мной плачет. Потом она подходит к Марине и обнимает ее (Брошены и забыты // Ъ. 2019. 3 сент.).

Подведем итоги. Мы исследовали, как в связи с 15-летней годовщиной бесланской трагедии в федеральных российских СМИ конструируются ее персонажи, когда страсти в обществе поутихли и появилась возможность посмотреть

на проблему более отстраненно, без лишних эмоций. Выявлены ведущие дискурсивные практики конструирования персонажей «пострадавшие»: реконструкция произошедших событий журналистами и очевидцами, воспоминания выживших заложников и их родственников, комментарии военных/сотрудников спецслужб, участвовавших в штурме школы. Очевидно, что конструирование системы персонажей-«пострадавших» определяется структурой события «теракт в Беслане», его основными участниками.

По прошествии 15 лет в осмыслении произошедшего журналисты федеральных СМИ в основном сосредоточиваются на самом событии теракта, описании деталей события и меньше уделяют внимания таким важным для пострадавших аспектам, как установление виновных, программы реабилитации жертв, способы преодоления психологической травмы. При акценте на вопросе, как это было, на второй план уходит анализ того, каковы уроки трагедии. Тем не менее наработанные дискурсивные практики осмысления случившегося можно использовать в качестве опоры для анализа других катастрофических, трагичных ситуаций. Дискурсивная модель конструирования ситуации катастрофы, трагедии, выявление основных персонажей и отношений между ними обладает ценностью для журналистского дискурса в целом.

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999.

Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война»: [монография] / О. И. Асташова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина и др. ; под ред. Э. В. Чепкиной, Москва ; Екатеринбург, 2017.

Ульберг С., Харт П., Бос С. Длинная тень беды: Общественная и политическая память о катастрофах // Травма: пункты : сб. ст. / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М., 2009. С. 247–275.

Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008.

Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет. М., 1996. С. 47–96.

Чепкина Э. В., Енина Л. В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию проф. Г. Я. Солганика. М., 2012. С. 291–308.

Чепкина Э. В., Автохутдинова О. Ф. Проблема Другого в российском обществе и практики конструирования персонажа «Другой» в дискурсе СМИ // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 2 (138). С. 113–119.

Статья поступила в редакцию 09.10.2022 г.

Научная статья

УДК 070.4:654.197((4:470) + 316.77 + 004.77 + 070:004.738.5

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.063

ЕВРОВИДЕНИЕ-2021 НА САЙТАХ РОССИЙСКИХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ КАНАЛОВ

Арина Бухарева¹

Людмила Алексеевна Круглова²

^{1,2}*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия*

¹*arina_romanoff@mail.ru*

²*abiljo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5022-4772>*

А н н о т а ц и я. В статье исследуются публикации о международном музыкальном конкурсе «Евровидение-2021». Работа содержит комплексный анализ более ста публикаций шести российских телеканалов («Первый канал», «Россия 1», НТВ, «Муз-ТВ», «Пятница», «Ю») в 2021 г., предлагается типология публикаций о «Евровидении-2021», проводится сравнительный анализ данного контента на разных каналах. Авторы приходят к выводу, что международный конкурс более интересен федеральной «большой тройке», чем развлекательным молодежным каналам, а объем публикаций, тональность, тематический спектр зависят от «близости» канала к Евровидению.

К л ю ч е в ы е с л о в а: телевизионная журналистика; телевидение; форматы; контент; интернет; Евровидение; СМИ

EUROVISION 2021 ON THE WEBSITES OF RUSSIAN TV CHANNELS

Arina Bukhareva¹

Ludmila A. Kruglova²

^{1,2}*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

¹*arina_romanoff@mail.ru*

²*abiljo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5022-4772>*

A n n o t a t i o n. The article examines publications about the international music contest “Eurovision-2021”. The work contains a comprehensive analysis of more than a hundred publications of six Russian TV channels (Channel One, Russia 1, NTV, Muz-TV, Pyatnitsa, Yu) in 2021, an attempt is made to typify publications about Eurovision 2021, as well as a comparative analysis of this content on different channels is provided. The authors

© Бухарева А., Круглова Л. А., 2022

come to the conclusion that the international competition is more interesting for the federal “big three” than for youth entertainment channels, and the volume of publications, tone, and thematic range depend on the “proximity” of the channel to Eurovision.

К e y w o r d s: television journalism; television; formats; content; Internet; Eurovision; media

Введение

Впервые «Евровидение» как конкурс, который способствовал объединению европейских стран после войны, появилось в мае 1956 г. [Оконнор]. Конкурс проходил в Швейцарии, назывался «Гран-при “Евровидения”», участвовало в нем всего семь стран, каждая страна представляла по две песни. С 1957 г. и до настоящего времени правила конкурса предусматривают участие лишь одной композиции [Vuletic]. С годами правила менялись, число участников росло, а послевоенный курс «Евровидения» ушел на задний план [Цветков]. «Евровидение» становится лакмусовой бумажкой всех мировых трендов — от политических европейских симпатий до течений в социальной сфере. С каждым годом «необычных» участников становится все больше. Например, в 2014 г. конкурс выиграла бородастая женщина — Кончита Вурст из Австрии, в 2018 г. победу одержала достаточно полная и харизматичная израильская певица Нетта Барзилай, которая своей песней «Tou» боролась за права женщин на бодипозитив. В 2021 г. певица схожего типа Destiny из Мальты песней «Je Me Casse» продолжает феминистические настроения. Однако «Евровидение» остается музыкальным праздником, любимым многими.

«Евровидение» предполагает три соревновательных вечера — два полуфинала и финал. Полуфиналы стали проводиться с 2008 г., их ввели в качестве попытки предотвратить «соседское голосование» стран-участниц [Алексеева]. В подобном поведении были замечены Греция и Кипр; страны СНГ, Скандинавия, югославские республики. Заметны и политические симпатии стран — с кем страна «дружит», того оценивает высоко и на «Евровидении». Голосование жюри было введено в 2009 г. также в целях борьбы с несправедливым голосованием и с голосованием по территориальному признаку [Мартынчук, Самусенко]. У «Евровидения» существует своя сложная система голосования, с 1956 г. она менялась много раз. На данный момент в голосовании в равной степени учитывается мнение зрителей и национального жюри каждой страны [Арефьева].

Страна, согласовавшая с Европейским вещательным союзом участие, отправляет одного представителя. Каждый конкурсант поет «вживую», без обработки, на сцене разрешается присутствие не более шести человек. В 2021 г. в связи с пандемией было введено правило, согласно которому бэк-вокал разрешается записывать заранее. Организаторы требуют, чтобы участники удивляли Европу не только песней и выступлением, но и своим музыкальным талантом. В последние годы многие конкурсанты стали петь на родном языке, хотя еще пять-семь лет негласное правило победы рекомендовало петь на английском языке [Алексеева, Калуцков].

Страны «большой пятерки» — Германия, Италия, Испания, Франция, и Великобритания — являются главными спонсорами конкурса [Мартынчу, Самусенко; Орлов, 2018б].

Несмотря на название, в 2015 г. впервые в «Евровидении» приняла участие Австралия [Гулицкий]. Кроме того, уже несколько лет обсуждается включение в конкурс Соединенных Штатов Америки. У США есть свой аналог «Евровидения» — «Америковидение» («American Song Contest»), в котором пятьдесят американских штатов, пять территорий и Вашингтон борются за победу и звание лучшей песни.

«Евровидение», как большое медийное показательное событие, всегда становилось информационным поводом для огромного количества материалов, в том числе новостей и телевизионных программ [Чупров, Хохлов]. Это мероприятие и его геополитическое, культурологическое, социальное, политическое медиа-влияния с разных сторон анализируют как российские [Алексеева; Алексеева, Калуцков; Арефьева; Богуславский; Чупров; Орлов, 2018а,б], так и западные [О'Коннор; Ginsburgh, Noury; Vuletic, Baker] исследователи.

Методология и материалы исследования

Авторы ставили перед собой задачу выяснить, как освещался музыкальный конкурс «Евровидение» в 2021 г. сайтами российских телеканалов. «Евровидение-2022» было решено не рассматривать, так как Россия не принимала участие в конкурсе. Ни один из российских каналов не транслировал данное музыкальное соревнование в 2022 г. В статье приведен анализ материалов, опубликованных с января по июнь 2021 г. Предварительный мониторинг сайтов основных российских каналов помог выбрать наиболее интересные модели освещения события. В результате в саму выборку исследования вошли сайты трех ведущих федеральных телеканалов: «Первого канала», «России 1», НТВ. Для сравнения за тот же период были проанализированы сайты трех развлекательных российских телеканалов: «Муз-ТВ», «Пятницы» и «Ю». Временной отрезок анализа — с января по июнь 2021 г. — был обусловлен самим конкурсом. Сначала подготовительный этап — январь — май 2021 г., сам конкурс (с 18 по 22 мая 2021 г.), затем обсуждение итогов — май — июнь 2021 г. В работе методом сплошного мониторинга анализируются более ста публикаций шести российских телеканалов. Анализ материалов проводился по следующим критериям: тематика, диапазон тем, эмоциональная окраска, объем, периодичность. На основании исследования авторы предложили типологию публикаций о «Евровидении-2021», провели сравнительный анализ данного контента на разных каналах, выявили степень интереса каналов к событию. Авторы также изучили международный музыкальный конкурс «Евровидение», его историю и регламент проведения. Результаты работы могут быть полезны исследователям СМИ, в том числе телевидения и новых медиа, музыкальным журналистам, журналистам, работающим на телевидении, преподавателям и студентам факультетов журналистики.

Результаты исследования

«Евровидение-2021» проходило с 18 по 22 мая 2021 г. в нидерландском городе Роттердам. Страна стала хозяйкой конкурса после победы представителя Нидерландов, Дункана Лоуренса, на «Евровидении-2019» в Тель-Авиве. Конкурс 2021 г. был организован после годичного перерыва — из-за пандемии юбилейный 65-й конкурс перенесли на год. Организаторы также запустили шоу «Европа зажигает огни», в нем приняли участие конкурсанты 2020 г., исполнившие известные песни «Евровидения».

В 2021 г. некоторые страны (например, Мальта, Литва, Болгария) решили отправить участников 2020 г., но, по регламенту «Евровидения», с новыми песнями. Остальные страны стали заново выбирать своих представителей. Среди них оказалась и Россия. В нашей стране нет традиции национального отбора (он проводился лишь несколько раз, чаще происходил отбор внутренний — без учета мнения зрителей). Для «Евровидения-2021» решили провести отбор, но не многоступенчатый, как в других странах, а решить все за один вечер. 8 марта 2021 г. на «Первом канале» состоялось специальное шоу, в рамках которого телезрителям было предложено самостоятельно выбрать представителя из трех претендентов: группы «Therr Maitz», группы «#2Маши» и певицы Manizha. Перед началом соревнования выступила группа «Little Big», которая должна была участвовать от России в «Евровидении-2020», и ее представители заявили, что отбираться во второй раз они не будут. Трое кандидатов представили свои песни. Большинство зрительских голосов для участия в конкурсе 2021 г. была выбрана певица Manizha с песней «Russian woman» [Богуславский; Чупров].

В 2021 г. «Первый канал» выкупил права на показ «Евровидения», трансляции полуфиналов и финала велись на этом телеканале. В данный момент посмотреть записи трансляции в России уже нельзя — вероятно, это связано с тем, что российский вещатель вышел из Европейского вещательного союза в феврале 2022 г.

На сайте «Первого канала» все публикации, посвященные «Евровидению-2021», вышли в формате видеороликов — вырезанных фрагментов новостных выпусков. Некоторые публикации дублировали друг друга по содержанию: разные ведущие сообщали один и тот же текст новости в разных выпусках «Первого канала» — утреннем, дневном или вечернем.

Все публикации «Первого канала», вышедшие в анализируемый временной отрезок по выбранной теме, можно условно разделить на группы, представленные в табл. 1.

«Первый канал» освещал «Евровидение-2021» через призму отношения к Manizha. Канал не публиковал информации о конфликтах на конкурсе, даже о самом крупном скандале, который касался Белоруссии. Все новости носили либо нейтральный, либо позитивный характер: даже редкие публикации о критике певицы рассматривались очень мягко. «Первый канал» соблюдал прямую хронологию в своих публикациях, подробно рассказывал обо всех этапах: национальный отбор, первый полуфинал, второй полуфинал, финал. Освещение событий «Евровидения-2021» в таком сдержанном и «добром» формате связано с покупкой прав на официальную трансляцию конкурса.

Таблица 1

Публикации «Первого канала»

Название типологической группы	Описание
Национальный отбор	Публикации о специальном шоу, где телезрители определяли представителя России на музыкальном конкурсе. Анонсы шоу, само шоу, результаты отбора — сообщения о том, что на «Евровидение-2021» поедет Manizha
Критика Manizha	После сообщения о том, что страну представит Manizha с песней «Russian woman», на певицу обрушилась волна критики: девушка родом из Таджикистана поет о тяжелой судьбе русской женщины. Manizha стали угрожать и оскорблять в социальных сетях. Позиция певицы: она имеет право петь о русских женщинах, так как живет в России. Первый канал этой теме посвятил лишь две публикации
Первый полуфинал	Публикаций о первом полуфинале примерно в три раза больше, чем о втором. Именно здесь выступала Manizha. Публикации идут в хронологическом порядке. Сначала анонсы: «Первый канал» объявляет, что первый полуфинал пройдет 18 мая и в нем примет участие Manizha, сообщает, что к полуфиналу все готово и он пройдет уже через несколько часов; затем подводит итоги полуфинала — Manizha прошла в финал
Второй полуфинал	«Первый канал» использует ту же хронологическую схему, что и раньше: анонс второго полуфинала (интересно, что, помимо обычных новостных заголовков («В Роттердаме пройдет второй полуфинал...»), журналисты освещают события через призму Manizha: «Manizha сегодня узнает всех своих соперников»), а затем оглашение результатов — «...определились все 26 финалистов...»
Финал	Две новости-анонса — Manizha выступает под пятым номером в финале
Программа «Пусть говорят»	«Первый канал» делал специальный выпуск программы «Пусть говорят», посвященный выступлению нашей конкурсантки на «Евровидении-2021», с друзьями Manizha, звездами российского шоу-бизнеса и музыкальными экспертами. Перед самой передачей выходил анонс. Специальный выпуск «Пусть говорят» начался до финала «Евровидения-2021» и продолжился после него (гости обсуждали итоги конкурса)
Итоги конкурса	«Первый канал» объявил, что победителем стала итальянская рок-группа «Måneskin», а затем сообщил, что Manizha вошла в десятку лучших на «Евровидении 2021» и что певица вернулась в Москву из Роттердама
Статистические данные	Новости, которые касаются количества просмотров «Евровидения», клипа и выступления певицы Manizha etc. Заголовки громкие, с большими числами: «более 20 миллионов просмотров», «каждый пятый житель России посмотрел конкурс», «более пяти миллионов просмотров за сутки», «бьет рекорды»

Примечание. Источник: авторский мониторинг, январь — июнь 2022 г.

У телеканала «Россия 1» нет своего собственного сайта, весь контент содержится на платформе «Смотрим», общей для всех активов холдинга ВГТРК. Основной формат, в котором освещается «Евровидение-2021», — текстовые заметки. Видеороликов (нарезок новостных выпусков) практически нет. Новости не дублировались полностью, как на «Первом канале», но могли быть посвящены одной и той же теме, при этом содержание было преимущественно разнообразным.

Все публикации платформы «Смотрим» можно условно разделить на несколько групп (табл. 2).

Таблица 2

Публикации телеканала «Россия 1»

Название типологической группы	Описание
Подготовка России к «Евровидению-2021»	Новость о желании Моргенштерна (признан в России иностранным агентом) представлять Россию на конкурсе, объявление о национальном отборе, призыв Юрия Лозы петь на русском языке, отказ группы «Little Big» подавать заявку во второй раз и, наконец, сообщение о победе певицы Manizha в национальном отборе на «Первом канале». Даже по предварительному этапу видно, что ВГТРК освещает «Евровидение-2021» более разнообразно, чем «Первый канал»
Организация «Евровидения-2021»	Публикации о формате конкурса, форс-мажорах etc. Например, новость о том, что у победителя «Евровидения-2019» Дункана Лоуренса, который должен был выступить в финале, положительный тест на COVID, или заметка о том, что Турин хочет принимать конкурс
Филипп Киркоров на «Евровидении-2021»	На конкурсе в 2021 г. Филипп Киркоров продюсировал представительницу Молдавии Наталью Гордиенко. Новости об этом шли с кликбейтными заголовками: «Филипп Киркоров примет участие в “Евровидении-2021”». Важно было уточнить, что он не принимает там участие в качестве выступающего, он лишь помогает своей подопечной. В отличие от «Первого канала», ВГТРК обратила на это внимание и выпустила несколько публикаций, посвященных «королю русской эстрады». Примечательно, что среди текстовых заметок было две видеозаписи — новость о праздновании Киркоровым своего дня рождения в Роттердаме, а также своеобразная реклама шоу «Я вижу твой голос» от лица Киркорова, который сравнивает эту передачу с «Евровидением». Помимо этого есть новостные заметки о фаворитах Киркорова на конкурсе, а также об отрицательном результате теста музыканта на COVID
Manizha	В эту группу попали публикации, касающиеся участия Manizha в «Евровидении-2021» и ее пребывания в Роттердаме. Эти новости преимущественно нейтральные, в них нет хронологии (т. е. нет привязки к полуфиналам и финалу, как у «Первого канала»).

Продолжение табл. 2

Название типологической группы	Описание
	Здесь можно найти пересказ нескольких интервью с Manizha, например, о шансах на победу, о тексте песни, который ей пришлось немного изменить (изначально в песне была строчка: «You're strong enough to bounce against the wall», певица изменила последние слова на «break the wall», потому что, по ее словам, русские женщины не «отскакивают» от стены, а ломают ее), об оскорблениях и угрозах, с которыми она столкнулась (интервью с британскими журналистами, в котором она заявила, что никакие трудности не смогут ее сломать и что она готова идти до конца), сообщения об отрицательном результате теста на COVID, новость о выходе российской представительницы в финал. Отдельной новости про занятое Manizha место в финале нет. Об этом упомянули в публикации про победителей из Италии. Подводя итог «Евровидению-2021», ВГТРК отметила, что выступление Manizha стало очень популярным, но во второй раз певица на конкурс не поедет
Мнения известных людей о Manizha	В эту группу входит критика Manizha официальными лицами и звездами. В негативном ключе о Manizha и ее песне высказался Владимир Жириновский, предложивший отправить на «Евровидение» себя. Недовольству Жириновского посвящено целых три новости — два раза он высказывался перед конкурсом и один раз после, назвав выступление Manizha позором для страны и большой ошибкой. Некоторые звезды говорили о хорошем отношении к самой Manizha, но выбранную песню они критиковали, среди них: Яна Рудковская, считавшая, что песня на русском языке — проигрышный вариант; Виктор Дробыш, который «не понял прикола»; Алла Пугачева, вступившая за молодую коллегу и назвавшая ее личностью. Также среди публикаций можно найти комментарий Кремля, а именно пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова, заявившего, что выбор песни для «Евровидения» — не предмет внимания властей; в этой же заметке упомянули, что председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко считает, что песня — «какой-то бред»
Проверка песни Manizha	В эту группу мы отнесли новости о проверке Следственным комитетом песни российской представительницы. Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко потребовала у Следственного комитета разобраться, не оскорбляет ли песня Manizha чувства русских женщин. СК выяснил, что не оскорбляет, и разрешил ехать с ней на конкурс. В ответ на это Manizha объяснила смысл песни
Конфликты на конкурсе	ВГТРК, в отличие от «Первого канала», много внимания уделила конфликту Европейского вещательного союза с Белоруссией. Белорусский вещатель отправил на конкурс композицию «Я научу тебя» белорусской группы «Галасы ЗМеста». Заявку отклонили, так как Европейский вещательный союз усмотрел

Окончание табл. 2

Название типологической группы	Описание
	<p>в песне политический подтекст. Телевещателю дали возможность поменять композицию, но альтернативная заявка с «Песней про зайцев» Европейскому вещательному союзу тоже не понравилась, и Беларусь была дисквалифицирована по причине нарушения правил конкурса. На платформе «Смотрим» удалось найти большое количество новостей по теме, причем в хронологическом порядке — журналисты тщательно следили за развитием событий. Примечательно, что здесь даже есть два видеоролика (вырезки из новостных выпусков) про отстранение Белоруссии от участия в конкурсе. Точку в обсуждении этого конфликта поставили публикацией про «мечь» Белоруссии — запрет показа «Евровидения» в стране. К этой же группе можно отнести новость про зооскандал, связанный с представителями Украины, которые сняли клип на свою песню с участием краснокнижной птицы</p>
<p>Победители «Евровидения-2021»</p>	<p>Здесь писали про итальянскую рок-группу «Måneskin», одержавшую победу на конкурсе, и про конфликт, связанный с поведением солиста во время объявления результатов голосования. Некоторым зрителям во время трансляции показалось, что Дамиано Давид, сидя у края стола, употреблял запрещенные вещества. Однако позже выяснилось, что он смахивал осколки разбитого стакана. Музыканту пришлось сдать тест на наркотики — он оказался отрицательным</p>

Примечание. Источник: авторский мониторинг, январь — июнь 2022 г.

Тематический спектр и форма освещения «Евровидения-2021» на платформе «Смотрим» (ВГТРК) сильно отличаются от «Первого канала». Здесь больше новостей, больше подробностей, больше разных тем. Меньше внимания уделяется самой Manizha, хотя в конце некоторых новостных заметок (даже не имеющих отношения к российской певице) есть абзац о бэкграунде — в нем как раз говорится о ее успехах. Кроме того, некоторые публикации о «Евровидении» имеют привязку к проектам телеканала «Россия 1» (как в случае с сюжетом о Филиппе Киркорове, где он говорит о шоу «Я вижу твой голос»). Видеоролики встречались только в двух группах — новости про Филиппа Киркорова и про дисквалификацию Белоруссии. Отсутствие сюжетов в новостных выпусках про «Евровидение-2021» объясняется тем, что права на вещание выкупил «Первый канал». «Первый канал» и «Россия 1» каждый год соревнуются за приобретение прав на трансляцию конкурса. Например, «Евровидение-2019» транслировала «Россия 1», и публикации по виду, темам и содержанию отличались от публикаций 2021 г.

Освещение «Евровидения-2021» на телеканале НТВ очень похоже на ВГТРК. Здесь также большое количество новостных заметок; видеороликов почти нет. При анализе публикаций на сайте телеканала НТВ создается впечатление, что

рассматриваемые темы совпадают с новостями на платформе «Смотрим», однако некоторые заголовки встречаются впервые.

Все публикации телеканала НТВ за анализируемый период по указанной теме можно условно разделить на несколько групп (табл. 3).

Таблица 2

Публикации НТВ

Название типологической группы	Описание
Подготовка России к «Евровидению-2021»	Новости о выборе российского представителя на «Евровидение-2021». Новостные заметки о том, поедет ли группа «Little Big» на конкурс снова, ее последующий отказ от участия, предложение Иосифа Пригожина отправить Моргенштерна (признан в России иностранным агентом), ответ на это предложение Дмитрия Губерниева, который весьма нелестно выразился о творчестве музыканта (примечательно, что у ВГТРК новости о Губерниеве не было), объявление участницы от России — певицы Manizha. Телеканал на сайте использовал кликбейтные заголовки: «На “Евровидение” хотят послать Змею (Юлия Паршута) из шоу “Маска”». Из материала видеоролика (а это фрагмент передачи с выступлением Змеи) становится понятным, что ее кандидатуру даже не выдвигали: один из членов жюри — Тимур Родригез просто сказал, что певица показала прекрасное шоу на сцене, на качество которого следует равняться при постановке номеров для «Евровидения». Канал таким образом еще раз обратил внимание на свое популярное шоу «Маска»
Формат «Евровидения-2021»	В этой группе встречаются новости про планируемый формат проведения конкурса — онлайн или офлайн; если офлайн, то со зрителями или нет. В отличие от ВГТРК, телеканал НТВ меньше писал про внутреннюю организацию «Евровидения», у них не так много подробностей, упоминается только формат
Филипп Киркоров на «Евровидении-2021»	Телеканал НТВ также не обошел стороной участие Филиппа Киркорова в конкурсе. Ему посвящено две публикации, обе — с видеоматериалами. Первая публикация — вырезка из новостного выпуска, в которой говорят, что Киркоров представил песню для своей подопечной — Натальи Гордиенко из Молдавии. Вторая публикация — один из выпусков проекта «Однажды...», в нем рассказывают про жизнь Киркорова, в том числе про его деятельность на конкурсе «Евровидение». Новостей про «короля русской эстрады» на сайте телеканала НТВ гораздо меньше, чем на платформе «Смотрим»
Manizha	Это самая объемная по количеству публикаций группа. Здесь встречаются заметки, примерно одинаковые по содержанию с новостями ВГТРК: о травле Manizha в сети, о ее праве называться русской женщиной, об успехах на «Евровидении». Хронология перемещений Manizha: прилетела в Нидерланды, появилась

Продолжение табл. 3

Название типологической группы	Описание
	на открытии в кокошнике, вышла в финал, заняла девятое место. В этом видна некоторая схожесть с форматом освещения «Первого канала». Кроме новостных публикаций, телеканал НТВ выпустил большую биографическую программу про жизнь Manizha — «Особый путь». Это единственный видеоролик в данной группе
Мнения известных людей о Manizha	Так же, как и на платформе «Смотрим», на сайте телеканала НТВ много публикаций, посвященных критике Manizha и ее песни. Здесь встречается несколько уникальных материалов, о которых не писала ВГТРК. Например, Дима Билан высказался в позитивном ключе о песне Manizha и сказал, что ее обязательно выделяют на «Евровидении». Президент Таджикистана также положительно оценил творчество Manizha и заявил, что восхищается певицей. Однако негативно отнеслись к песне и самой Manizha председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко (видеоролик с ее комментарием приложили к заметке) и политик Владимир Жириновский (телеканал НТВ не писал о предложении Жириновского отправить его на «Евровидение», как ВГТРК). Нейтрально — пресс-секретарь президента Дмитрий Песков («Песков напомнил о бородатой женщине и курицах на “Евровидении”»). Примечательно и то, что, в отличие от ВГТРК, телеканал НТВ публиковал комментарии известных людей, которые они давали еще и после «Евровидения-2021». Например, рассуждение Яны Рудковской (на платформе «Смотрим» есть публикация с ее прогнозами, а вот с анализом результатов — нет) о том, почему Manizha заняла девятое место, а также небольшое интервью с Иосифом Пригожиным, где он говорил, что нашу певицу просто не поняли. И Рудковская, и Пригожин сходились во мнении: ошибкой было писать песню на русском языке
Проверка песни Manizha	Публикации о проверке песни Manizha на наличие призыва к разжиганию ненависти и заявлений, оскорбляющих чувства русских женщин. Поводов для запрета выступления певицы с этой композицией не нашли
Конфликты на конкурсе	Как и ВГТРК, НТВ освещало скандал с песней представителей Белоруссии «Галасы 3Места», но гораздо скромнее. Видеороликов здесь нет, как и большого количества деталей в публикациях, — писали только о требованиях Европейского вещательного союза заменить песню, об ответе на это Александра Лукашенко, о дисквалификации Белоруссии и о решении белорусского вещателя отменить трансляцию «Евровидения». Кроме того, была одна скандальная новость об участниках от Украины, группы «Go-A», которые в своем клипе снимались с редкой птицей из Красной книги
COVID-19	В эту группу попали всего две публикации — новость о положительном тесте на COVID победителя «Евровидения-2019»

Окончание табл. 3

Название типологической группы	Описание
	Дункана Лоуренса (о ней писала и ВГТРК), а также заметка про участников от Исландии, один из которых заболел коронавирусом. Исландия в 2021 г. была среди главных фаворитов у букмекеров и фанатов конкурса. Выступление группы и в полуфинале, и в финале показали в записи, сделанной на репетиции (такие записи подготавливали всем конкурсантам на случай заражения ковидом). Несмотря на малое количество публикаций в данной группе, ее важно выделить, так как проведение «Евровидения-2021» очень зависело от эпидемиологической ситуации в мире
Победители «Евровидения-2021»	В эту группу попали публикации про итальянскую рок-группу «Måneskin», одержавшую победу на конкурсе 2021 г. Все новости полностью совпадают с новостями платформы «Смотрим». Сначала писали об их победе, а затем освещали конфликт с попавшим на камеру спорным моментом (солист группы Дамиано Давид и осколки разбитого стакана)

Примечание. Источник: авторский мониторинг, январь — июнь 2022 г.

Итак, мы видим, что есть много совпадений с группами, выделенными при анализе публикаций ВГТРК. «Россия 1» и НТВ писали практически об одном и том же, однако с разными акцентами. Например, на платформе «Смотрим» много материалов посвящено конфликту Европейского вещательного союза и Белоруссии, а на сайте НТВ все описано в общих чертах без погружения в детали. НТВ любит кричащие заголовки, а вот у ВГТРК все более сдержанно. Нам удалось найти лишь одно сходство в форматах НТВ и «Первого канала» — в группе «Manizha». Телеканал НТВ также не упускает возможности сделать рекламу своим проектам, например, шоу «Маска». Мы смогли выделить две уникальные группы публикаций на сайте телеканала НТВ, которые не встречались ни на одном из предыдущих каналов, — «COVID-19» и «Формат “Евровидения-2021”» (о формате проведения конкурса также упоминалось в группе «Организация “Евровидения-2021”» на платформе «Смотрим»).

Из всех развлекательных телеканалов, рассмотренных в работе, «Муз-ТВ» имеет больше всего публикаций о «Евровидении-2021». Исследование осложняется тем, что на сайте телеканала «Муз-ТВ» нет поисковой строки, с помощью которой можно было бы найти все материалы о «Евровидении-2021». Стоит отметить, что язык, которым написаны некоторые новостные заметки (видеороликов снова нет), более неформальный, чем язык журналистов предыдущих телеканалов; появляется современная лексика: «потроллила», «хейтеры», «сторис».

Распределить публикации по группам оказалось сложнее, поскольку материалов не так много. Некоторые группы включают лишь одну заметку. Условное разделение всех публикаций телеканала «Муз-ТВ» представлено в табл. 4.

Таблица 4

Публикации «Муз-ТВ»

Название типологической группы	Описание
Формат «Евровидения-2021»	Одна заметка о том, в каком формате собираются провести «Евровидение-2021»
Подготовка России к «Евровидению-2021»	В эту группу попали публикации о выборе участника от России на «Евровидение-2021». Журналисты «Муз-ТВ» выдвигали свои предположения, кого могут отправить, — певца NILETTO, Моргенштерна (признан в России иностранным агентом) или группу «Little Big», а потом опубликовали новость, что поедет все-таки Manizha
Manizha	Заметки о том, как Manizha боролась с травлей, меняла текст песни, выглядела на церемонии открытия «Евровидения-2021». Имеется материал о шуточном ролике, который она сняла специально для критиковавших ее зрителей: в нем она под видом ведущей шоу-разоблачения пытается выяснить, кто же такая Manizha (сам ролик прикреплен к публикации). В одной из основных передач на телеканале «Муз-ТВ», «Неспиннер» («нон-стоп самой востребованной и популярной музыки», как написано на сайте), транслировали выступление Manizha на конкурсе «Евровидение-2021»
Филипп Киркоров на «Евровидении-2021»	Несколько публикаций о «короле русской эстрады»: о его поездке на «Евровидение-2021» в качестве продюсера представительницы Молдавии Натальи Гордиенко. Также журналисты сделали инфоповод из слов Киркорова о том, что он собирается помочь Давиду Манукяну (DAVA) поехать на «Евровидение» от Армении (он заявил об этом на одном из мероприятий для селебрити; кстати, в тот же вечер на этом же мероприятии свою песню для «Евровидения» представила Наталья Гордиенко), и написали об этом целую заметку
Победители «Евровидения-2021»	В эту группу попала одна публикация, в которой сообщается, что победителем стала итальянская рок-группа «Måneskin»

Примечание. Источник: авторский мониторинг, январь — июнь 2022 г.

Телеканал «Муз-ТВ» писал о «Евровидении-2021» не так много, однако освещал его только в положительном ключе; некоторые новости встречаются и на других телеканалах, рассмотренных нами прежде. На сайте нет новостей про конфликты, про критику Manizha официальными лицами и звездами. Публиковались только те материалы, которые подходят под формат телеканала «Муз-ТВ»: музыка, лайфстайл, селебрити.

На сайте телеканала «Пятница» нам удалось найти лишь одну публикацию, касающуюся «Евровидения-2021», — 82-й выпуск передачи «ПЯТНИЦА NEWS» от 17.05.2021, в котором сообщалось о начале международного музыкального

конкурса в Роттердаме. Больше никаких материалов не было. Такое молчание удивило, так как новости о «Евровидении» вполне подходят под формат программы «ПЯТНИЦА NEWS».

На сайте телеканала «Ю» отсутствуют новости на тему «Евровидения-2021». Публикация, касающаяся международного музыкального конкурса, была выложена лишь в мае 2020 г. Можно предположить, что «Евровидение» не подходит под концертную стратегию телеканала «Ю».

Выводы

В результате исследования авторы выявили отличия в стилях освещения «Евровидения-2021», тематическом спектре, тональности и объеме на сайтах выбранных телеканалов. И связано это в первую очередь с «близостью» к конкурсу. Очевидно, что среди всех исследуемых каналов выделяется «Первый», который выкупил в 2021 г. права на трансляцию конкурса. Все публикации (в формате видеороликов, в отличие от других каналов, которые выкладывали в основном текстовые заметки) на «Первом канале» носят позитивно-официальный характер и освещают события «Евровидения» исключительно в связи с исполнительницей — представителем России. «Первый» делает особый акцент на Manizha, победительнице национального отбора, который канал и проводил. Публикации дублируются, новости о выступлении транслируются подробно, в хронологическом порядке. В материалах стараются избежать освещение критики, выбирая положительные аспекты и положительные информационные поводы. Все публикации можно условно разделить на восемь групп: национальный отбор, критика Manizha, первый и второй полуфиналы, финал, Manizha, специальный выпуск «Пусть говорят», итоги конкурса и статистика победы.

Крайне похожи друг на друга стратегии освещения «Евровидения-2021», тематические пристрастия, формы, объемы и тональность публикаций на сайтах ВГТРК и телеканала НТВ. Преимущественно текстовые материалы посвящены темам, которые напрямую или косвенно касаются «Евровидения-2021», но не ограничиваются исключительно конкурсными делами, как на «Первом канале». ВГТРК и НТВ подробно рассказывают о конфликтах вокруг «Евровидения» и на самом музыкальном конкурсе и о критике российской участницы медийными персонами нашей страны. Оба канала используют кликбейтные заголовки, в которые они часто выносят провокационные цитаты спикеров: например, «“Не понял прикола”»: Дробыш раскритиковал участие Manizha в “Евровидении”» на платформе «Смотрим» или «“Какой-то бред”»: Матвиенко оценила песню Manizha для “Евровидения”» (сайт телеканала НТВ). О самой Manizha на сайтах каналов упоминалось в нейтральной тональности, в отличие от «Первого канала», который постоянно призывал поддерживать певицу. Нельзя не отметить симпатию «России 1» и НТВ к «королю российской эстрады» Филиппу Киркорову, хоть и не принимавшему непосредственного участия в «Евровидении-2021», но продюсировавшему молдавскую конкурсантку. Публикации на «России 1» и НТВ можно условно разделить

на следующие группы: подготовка России к «Евровидению-2021», организация, Филипп Киркоров на «Евровидении-2021», Manizha, мнение известных людей о Manizha, проверка песни Manizha, конфликты на конкурсе и победители. На НТВ можно было выделить еще девятую группу — COVID-19.

Из трех развлекательных молодежных каналов наибольший интерес к «Евровидению-2021» проявил канал «Муз-ТВ», но и он это сделал в гораздо меньшем объеме, чем федеральные каналы. Выбранный тематический спектр больше похож на выбор «России 1» и НТВ, но в молодежной положительной подаче с упором на музыку и лайфстайл. Здесь удалось выделить лишь пять групп: формат конкурса, российская подготовка, Manizha, Филипп Киркоров на «Евровидении-2021» и победители. Телеканал «Пятница», несмотря на очевидно подходящий формат события, сделал только одну публикацию на сайте. Канал «Ю» за исследуемый период не разместил ни одного материала о конкурсе.

Такой интерес к конкурсу со стороны федеральных каналов и отсутствие оно у молодежных развлекательных каналов лишний раз подчеркивает политическую и геополитическую составляющую «Евровидения», которая больше интересна аудитории «большой тройки», а не молодежной аудитории. Градус и объем освещения конкурса также связаны со степенью «вовлеченности» и экономической «близости» телеканала.

Алексеева Е. Д. Соседское голосование на конкурсе песни «Евровидение» // Евразийский союз ученых. 2018. № 11–3(56). С. 7–14.

Алексеева Е. Д., Калуцков В. Н. Общеввропейский конкурс песни «Евровидение» в культурно-географическом измерении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 142–152.

Арефьева А. И. Влияние медиатехнологий на выражение зрительской лояльности к международному конкурсу «Евровидение» // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 47. С. 1354–1362.

Богуславский И. П., Завельская И. М. Отношение российской общественности к выступлению Manizha на конкурсе «Евровидение-2021» // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2021) : сб. материалов Всерос. науч. конф. молодых исследователей с междунар. участием, Москва, 6–10 дек. 2021 г. М., 2021. С. 195–199.

Гулицкий А. А. Нарративные стратегии телепроизводства в современных музыкальных шоу (на примере конкурса песни «Евровидение») // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 11 нояб. 2021 г. / под ред. Г. Н. Трофимовой : в 2 т. М., 2021. С. 40–43.

Мартыничук А. А., Самусенко Д. Н. Международные конкурсы в геополитическом контексте (на примере конкурса песни «Евровидение») // Вестн. МГПУ. Сер. : Естественные науки. 2022. № 1(45). С. 19–26. <https://www.doi.org/10.25688/2076-9091.2022.45.1.2>

О'Коннор Д. К. Евровидение: официальная история конкурса песни [пер. с англ. А. Коробейников и др.]. СПб., 2009. 207 с.

Орлов Н. С. Евровидение как площадка для формирования имиджа страны // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2018а. № 18. С. 156–160.

Орлов Н. С. Позиционирование конкурса «Евровидение 2017» в цифровом пространстве // Век информации. 2018б. № 2–2. С. 194–196.

Цветков А. А., Полянская Ю. М. История конкурса песни Евровидение // Телекоммуникации и информационные технологии. 2016. Т. 3, № 2. С. 105–108.

Чупров Л. Ф., Хохлов Н. А. О песне Manizha и экспертизе, что плинтуса ниже // Вестн. по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 1. С. 103–118.

Baker C. Wild dances and dying wolves: Simulation, essentialization, and national identity at the Eurovision Song Contest // Popular communication. 2008. Vol. 6, № 3. P. 173–189.

Ginsburgh V., Noury A. G. The Eurovision song contest. Is voting political or cultural? // European Journal of Political Economy. 2008. Vol. 24, № 1. P. 1–52.

Vuletic D. Postwar Europe and the Eurovision Song Contest. Bloomsbury Publishing, 2018.

Статья поступила в редакцию 31.07.2022 г.

Научная статья

УДК 070.11 + 82-96 + 811.161.1'38 + 070.19:004.774

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.064

ФОРМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Татьяна Александровна Глебович¹
Анастасия Александровна Макешина²

^{1,2} Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

¹tatanova11@gmail.com

²anastasia.makeshina@yandex.ru

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается проблема популяризации различных явлений русского языка в современных СМИ. Русский язык часто становится объектом медийного внимания, знания и навыка, репрезентуемые журналистами, востребованы аудиторией. Вместе с тем теоретические работы, исследующие подобного рода публикации, малочисленны, что обуславливает значимость проведенного исследования. В работе анализируются способы репрезентации контента, структура материалов, коммуникативная цель и тематическая направленность публикаций, выявляются наиболее популярные языковые явления, ставшие предметом публикаций, особенности авторской позиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научно-популярная журналистика; русский язык; популяризация; СМИ; репрезентация

FORMS OF RUSSIAN LANGUAGE POPULARIZATION IN MODERN MASS MEDIA

Tatyana A. Glebovich¹
Anastasia A. Makeshina²

^{1,2} Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

¹tatanova11@gmail.com

²anastasia.makeshina@yandex.ru

A b s t r a c t. The purpose of the publication was to study the processes of popularization of the Russian language in modern media. The study of forms and methods of representation of linguistic popular science content in the media is due to the need to promote the theoretical knowledge and language skills among native speakers. The article identifies the most popular linguistic phenomena that have become the subject of publications, analyzes the structure of materials and thematic focus. The work

results in a classification of topics and forms of representation, highlighting the most extraordinary approaches.

К e y w o r d s: popular science journalism; Russian language; popularization; mass media; representation

Введение

Научно-популярные и многие другие СМИ регулярно публикуют материалы, представляющие проблемы бытования родного языка. Эти публикации могут быть посвящены самым разным явлениям, связанным с практиками употребления и теорией. Их цель очевидна — предоставить аудитории возможность приобрести практические навыки, вспомнить необходимые нормы и правила, заинтересовать родным языком и культурой, историей родной речи. Вместе с тем в плане исследовательского внимания такого рода публикации находятся, на наш взгляд, на периферии. В незначительной части исследовательских работ (от общего количества посвященных научно-популярным публикациям) проблемы популяризации родного языка становятся объектом анализа.

Общеизвестно, что развитие научно-популярного направления отечественной журналистики имеет давнюю историю и традиции. Процесс популяризации науки в отечественных СМИ был запущен еще в XVIII в. [Щербакова, с. 183], продолжался и развивался в XIX в. [Там же, с. 184]. Начало XX в. характеризовалось ростом количества научно-популярных журналов [Парафонова], о расцвете говорят исследователи советского периода развития научно-популярных СМИ [Тертычный]. Однако в конце XX в. кризис в стране привел к серьезным проблемам в названном направлении [Яковенко].

В начале XXI в. интерес к медийной репрезентации научного знания активно возрождается. В сети Интернет появляются разнообразные ресурсы, отвечающие современным запросам [Дивеева, с. 14]. Все это приводит к тематической дифференциации научно-популярных публикаций, выделению гуманитарного популяризаторского направления и, в частности, к появлению значительного количества публикаций, посвященных проблематике русского языка.

Теоретической базой исследования стали публикации, посвященные различным аспектам деятельности научно-популярных СМИ. Исторические реалии направления исследовались В. А. Парафоновой, Н. В. Дивеевой, М. В. Загидуллиной, Е. Е. Макаровой. Проблемы современного состояния научно-популярных сетевых СМИ рассматривались Е. Д. Павловой, А. С. Калмыковой, Е. Е. Макаровой, Д. С. Воловецким и С. В. Белковским. Популяризации в СМИ гуманитарных наук посвящены работы М. В. Загидуллиной, Е. Д. Павловой, А. А. Гридчиной.

Среди исследований, посвященных непосредственно популяризации родного языка в СМИ, можно выделить материалы V и VI международных конференций «Тотальный диктант» 2016 и 2018 гг., в рамках которых проходили круглые столы «Научно-популярная филология». Экспертами в исследовательских дискуссиях выступали редактор проекта «Горький» и литературный критик Константин

Мильчин, главный редактор портала «Грамота.ру» Владимир Пахомов и другие специалисты.

В процессе рассмотрения игровых форм репрезентации мы обратились к работам, посвященным геймификации в СМИ. В частности, опирались на исследования А. Ф. Иванько и Л. В. Козловой, Е. А. Салиховой, А. С. Солодянкиной и др.

Кроме того, были приняты во внимание исследования, касающиеся сложностей популяризации гуманитарных наук в СМИ. В работах отмечается, что проблема освещения культурно-гуманитарных знаний в современном мире остается открытой. Технические и естественные науки представляются в СМИ гораздо чаще и глубже [Жаровский, с. 173].

В плане аналитической структуры мы пошли вслед за Г. В. Лазутиной, которая устанавливает наличие «...устойчивых характеристик журналистского произведения как типа текста» [Лазутина], и опирались на «...последовательное движение от одной характеристики текста к другой» [Там же]. В каждой публикации выявлялись структурно-тематические характеристики, языковое явление, ставшее предметом публикации, и способы его репрезентации, авторская позиция, если она представлена, формы взаимодействия с аудиторией.

Кроме того, мы столкнулись с необходимостью уточнить общеизвестное и широко употребляемое понятие «языковое явление». Кадибагомаева с опорой на классические исследования фиксирует, что «языковые формы» — основа и средство восприятия реальности, мышления, социально-коммуникативного взаимодействия [Кадибагомаева, Юсупова]. Соответственно под языковым явлением можно понимать любой инструмент или структурную единицу языковой коммуникации, позволяющую передать содержание или эмоциональную характеристику факта действительности, а также установить конвенцию между участниками коммуникации относительно ее использования. В этом контексте спецификой функционирования можно считать частные случаи коммуникативных событий, поддерживающие, трансформирующие или отвергающие ранее установленные конвенции.

Эмпирической базой работы стали публикации сетевых изданий «Арзамас», «Мел», «ПостНаука», «The Village» (в настоящее время сайт издания заблокирован), «ВОС», «N+1» за период с 2012 по 2021 г. Из 1454 материалов, полученных по тегу «Русский язык» (все материалы, в которых родной язык упоминается), мы отобрали 390 публикаций, целью которых была популяризация русского языка. В статье использованы тридцать семь материалов из СМИ различных типов с разнообразными формами репрезентации контента.

Анализ материалов исследования

Мы рассмотрели тематические публикации, чтобы выявить, в каких формах журналисты пишут о русском языке, какие языковые процессы и явления становятся инфоповодом, другими словами — как происходит популяризация русского языка в СМИ. В процессе аналитической работы материалы были сгруппированы в соответствии с типологической принадлежностью.

Научно-популярные СМИ

«**ПостНаука**» (<https://postnauka.ru>). Научно-популярный медиапроект о фундаментальных исследованиях. Создатели пишут о своей миссии на сайте: «Мы считаем важным рассказывать в первую очередь о фундаментальной науке, перенося на нее акцент с прикладных областей, а также освещать актуальные теории, идеи, концепции, законы и понятия в современных областях знания» (<https://postnauka.ru>). Информацию авторы размещают в форме тестов, игр, гидов, подкастов. Мы проанализировали три публикации, в статью включены выводы по проведенной работе.

«*Словарь 90-х*» (<https://postnauka.ru/specials/90s>). Публикация-лонгрид посвящена социально обусловленным изменениям в лексике 90-х гг. прошлого века, она представляет собой словарь с интерактивными элементами.

В лиде дано обоснование темы и периода, кратко охарактеризованы общеизвестные ассоциации, связанные с десятилетием. Далее располагается словарь, единицы которого соответствуют эпохе. В него вошли понятия из сферы искусства («*акционизм*»), кино («*блокбастер*», «*Брат*»), экономики («*ваучер*», «*гранты*»), журналистики («*четвертая власть*», «*ток-шоу*»), а также имена известных личностей («*Егор Гайдар*», «*Борис Ельцин*») и жаргонизмы («*базар*»).

В левой части экрана крупным шрифтом указаны буква и слово на эту букву, а также расположен интерактивный элемент для закрепления теоретического материала. Это может быть внедренный видеоролик с лекцией, фрагмент телепередачи, музыкальный клип или фотогалерея, которые прилагаются к отдельным словам. Например, под толкованием лексемы «*глянец*» можно пролистать 5 изображений обложек журналов. Здесь же расположено интерактивное содержание для удобной навигации по тексту. В правой части экрана в рамке дано определение слова, ниже шрифтом с меньшим кеглем представлен рассказ о сущности явления, которое оно обозначает.

На наш взгляд, целью материала может быть не только репрезентация языкового явления — специфической лексики, появившейся в 1990-е гг., но в первую очередь воссоздание социального и культурного контекста эпохи, визуализация базы повседневных практик, которая стала основой для возникновения новых слов. Отсутствие авторской точки зрения позволяет каждому представителю аудитории воспринимать словарь с позиций своего опыта и в качестве личного вывода иметь собственную оценку исторических и лингвистических реалий.

«*Ё — моё: 5 неоднозначных явлений в языке*» (<https://postnauka.ru/lists/92561>). Подборка из пяти публикаций репрезентует проблему неоднозначных явлений, которые продолжают бытовать в языке. На главной странице предлагается краткое содержание каждой статьи с переходом по гиперссылке на полный текст.

Пять условных анонсов (развернутый текст без четкой структуры, с уникальным названием и значительным количеством аргументов) образуют отдельный материал, ориентированный на общую характеристику заявленных языковых явлений.

В целом в подборке и ее полнотекстовых компонентах фиксируются и аналитически комментируются неочевидные события в истории и современном развитии языка: влияние коммуникативных практик и социальных процессов на содержательное наполнение пришедших из латинского пословиц, использование древнейших механизмов коммуникации («дискурсивных слов») в современном устном общении, потенциал табуированных языковых единиц и моделей их функционирования в контексте сохранения отечественного культурного кода. Конструируемая в публикации картина языковых возможностей предполагает, на наш взгляд, формирование осознанного отношения к повседневным речевым практикам, наполняет оригинальным содержанием единицы коммуникации, ставшие «общим местом» в массовом сознании.

«Диалектные черты имеют глубокую историю, но до сих пор сохраняются носителями, живущими в деревнях» (<https://postnauka.ru/talks/31887>). Особенности северных наречий русского языка (Тихвинская, Вологодская, Костромская и Архангельская (Поморская) группы) обсуждают главный редактор проекта «ПостНаука» Ивар Максутов и гость — филолог Игорь Исаев.

Очевидно, что целью публикации являются привлечение внимания к уникальным особенностям произношения, бытующим в регионах, формирование представлений о культурных и языковых различиях, а также их адекватном восприятии. Интерактивный компонент (пять аудиороликов по 3 минуты — диалоги и монологи на различные темы) не только участвует в создании аудиального образа диалекта, но и формирует представление о быте и социальных практиках носителей.

Из трех публикаций «ПостНауки» одна — интерактивная (игровая), две — текстовые. На наш взгляд, во всех материалах прослеживается выявление связи социальных и исторических процессов с практиками функционирования языка, принципов его развития, обусловленных экстралингвистическими факторами. Нейтральный тон публикаций, отсутствие авторского мнения, четкие определения базовых понятий и развернутые, зачастую содержательно сложные мнения экспертов приближают их к непосредственно научным материалам с небольшими отличиями: ограниченный объем эмпирической базы и незначительная степень упрощения.

«N+1» (<https://nplus1.ru>). Позиционирует себя как «научно-популярное развлекательное издание о том, что происходит в науке, технике и технологиях прямо сейчас». Портал рассказывает аудитории о прогрессе во всех его проявлениях: редакция делает упор на такие науки, как астрономия, физика и биология. Также издание активно освещает новости в сфере робототехники. Вместе с тем тематика русского языка органично вписалась в повестку «N+1». Мы рассмотрели две тематические публикации, в статье используем один аналитический пример.

«*Не хватает слов*» (<https://nplus1.ru/blog/2021/02/10/new-words>). Публикация посвящена проблеме лексических пробелов: «*Мы регулярно сталкиваемся с ситуацией, когда предмет, феномен или чувство есть, а слова в русском языке для него нет*». Лид погружает пользователя в процесс создания новых слов, примеры,

связанные с творчеством Достоевского и Малевича, наглядно объясняют явление, которое автор называет *«лингвистическим изобретением»*.

Основной текст материала представляет собой интерактивную игру по созданию новых слов. В отдельном блоке даны условия для выполнения заданий (*«это должно быть одно русское слово», «оно должно быть склоняемое...»*), далее следует переход на встроенную в сайт Google-Forms.

Пользователь должен *«подыскать имена для знакомых ситуаций»* и привести пример предложения с использованием нового слова. Форма для заполнения содержит двенадцать вопросов, девять из которых описывают событие, которому необходимо присвоить название: *«Бывает, что вы делаете что-то и среди этого вдруг понимаете, что забыли, что вы делаете и зачем. ... Как можно назвать произошедшее...»*. Десятый вопрос предлагает игроку самостоятельно описать подобную ситуацию, два последних носят уточняющий характер (имя и электронная почта для обратной связи).

Можно предположить, что конечной целью публикации становится проверка способностей участника чувствовать родной язык, классифицировать явления и встраивать их в ту или иную понятийную (языковую) парадигму. Также процесс работы с формой может мотивировать аудиторию обновить фоновые знания, обратить внимание на взаимосвязь содержания и вербального оформления уже известных ситуаций, на необходимость четкого и структурного выражения мыслей, эмоций, состояний. Диалогический (с персональной обратной связью) характер публикации становится дополнительным стимулом к творческому (с точки зрения языка) переосмыслению знакомых повседневных реалий.

Интерактивные (игровые) материалы о русском языке на портале «N+1» направлены на репрезентацию внутреннего языкового потенциала, на демонстрацию избыточности и ограниченности ресурсов, а также его (языка) функциональной гибкости в процессе расширения понятийного аппарата. Включение аудитории в процесс получения необходимой информации позволяет не только активизировать пользователей, но и обновить отношение к языку как феномену культуры через творческий контакт с ресурсами различных уровней.

Общественно-политические СМИ

К тематике русского языка обращаются не только научно-популярные, но и общественно-политические СМИ. Отметим, что в названном типе изданий публикаций меньше, чем в остальных. В качестве примера рассмотрим инфографический материал «Какие слова появились благодаря пандемии» (https://aif.ru/society/education/kakie_slova_poyavilis_blagodarya_pandemii_infografika), опубликованный на сайте «Аргументы и факты». Основой для материала послужил «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», составленный лингвистами РАН. Из яркой визуализации можно узнать значения таких понятий, как «карантикулы», «ковидарня», «карантец» и многих других. Приведенные выражения репрезентуют индивидуально-авторское восприятие глобального события, во многих случаях — саркастическое или ироническое.

«ТАСС» представляет языковую тематику интерактивно, у издания был обнаружен один лонгрид «Последние жгоны» (<https://tass.ru/spec/valenki>). Цель публикации заключается в актуализации интереса к редкому, локально распространенному жгонскому языку, в сохранении его узнаваемости и защите от исчезновения.

Также был найден тест «Великий и могучий: 10 вопросов на знание русского языка» (<https://tass.ru/tests/41>). Практическая значимость теста связана с отработкой сложных моментов языковой практики. Цель публикации — актуализация фоновых знаний аудитории, формирование более глубоких представлений об истории и принципах функционирования в языке представленных в тесте явлений.

Нишевые СМИ

«Арзамас» (Arzamas.academy; <https://arzamas.academy>). Проект, рассказывающий о гуманитарных науках. «История, литература, искусство в лекциях, шпаргалках, играх и ответах экспертов: новые знания каждый день», — как сказано в анонсе сайта. Он существует не только в интернете: авторы устраивают лектории, концерты и прочие офлайн-встречи с аудиторией. В сети проект состоит из курсов («гуманитарных сериалов») с лекциями и сопроводительными материалами в различных форматах, публикаций в разделе «Журнал», спецпроектов, ликбезов с четкой структурой (видео, аудио, тест) и радио. Создатели «Арзамаса» называют свой проект «магическим». Для рассмотрения мы выделили две микро рубрики, подборку публикаций, репрезентующих речевой портрет деятеля культуры или социального явления, а также спецпроект. Всего было проанализировано восемь публикаций, в статье (по соображениям объема) используются обзор микро рубрик и два аналитических примера, остальные будут учтены в выводах.

Микро рубрики «Заемствование дня» и «Буква дня» представляют собой единство регулярных, однотипных публикаций информационной направленности, характеризующих указанное в заглавии языковое явление (языковую единицу лексического или словообразовательного уровня в первом случае, во втором — букву русского алфавита). Авторы стремятся к сжато изложению лингвистической информации, иллюстрируют характеристики языкового явления интересными историко-филологическими фактами. Рубрики существуют ограниченное время (первая — июнь 2016 г., вторая — февраль 2019 г.).

Каждая публикация, включенная в микро рубрики, подготовлена специалистом в области филологии, исследователем процессов и явлений, существующих в языке. Читателю предоставляется возможность перейти по ссылке на краткую информацию об авторе и при должной степени заинтересованности познакомиться не только с научными регалиями последнего, но и с его исследовательской практикой.

Следующая форма репрезентации популярной информации о русском языке — речевые портреты деятелей культуры (и в одном случае социального явления).

«Слова, придуманные Малевичем» (<https://arzamas.academy/materials/568>). Авторская цель — сформировать речевой портрет Казимира Малевича,

проанализировать влияние его словесных образов и метафор (авторских неологизмов) на русский язык.

Лид знакомит с вкладом Казимира Севериновича не только в изобразительное искусство, но и в словарный состав языка. Во втором абзаце представлена историческая справка о юности Малевича, о людях, которые повлияли на него в годы становления личности. Здесь же журналист предлагает читателю самостоятельно исследовать словотворчество поэта Велимира Хлебникова, сделать вывод о взаимном влиянии двух представителей художественного мира.

Затем анализируются словесные образы в картинах Малевича. Автор приводит в качестве примера несколько работ художника и объясняет, как словесные метафоры включены в его полотна. В текст публикации встроен интерактивный элемент — фотогалерея произведений, которую читатель может листать.

Следующий блок информации подается в формате словаря. Он небольшой (в нем всего 10 слов), каждое подробно объясняется. Здесь представлены такие понятия, как «*всезверь*», «*земляниты*», «*кинореска*» и др. Они формируют особый мир Малевича, раскрывают его философию. Например, «*Всезверь — это обобщенная сущность окружающего мира, на который воздействует человек*». После каждого определения автор ссылается на конкретные теоретические работы художника. Цитирование первоисточников помогает аудитории лучше понять смысл авторских неологизмов Малевича.

Отметим еще раз, что материал, помимо текста, включает в себя интерактивную галерею и словарь, объединение трех форм репрезентации создает комфортную среду для современного читателя. Публикация ориентирована как на тех, кто интересуется русским языком, так и на тех, кто изучает изобразительное искусство.

«*Лексикон тунеядства*» (<https://arzamas.academy/materials/676>). Публикация предлагает взгляд на «советское» социальное явление с историко-лингвистической точки зрения. Журналист рассказывает о возникновении уголовного преследования тунеядства, о различных социальных группах, существующих вне закона, и «*нетрудовых доходах*». Углубляясь в историю, аудитория пополняет словарный запас соответствующей лексикой, которая редко используется в современной коммуникации, но тем не менее расширяет кругозор и личный лексикон.

Подзаголовок представляет проблему материала: «*Что объединяет шабашников, рантье, проституток, священников, самогонщиков, инвалидов и производителей грампластинок*». Журналист формирует у читателя необходимые эмоции и переходит к исторической справке о начале борьбы с тунеядством.

Следующий структурный элемент — словарь, где собраны понятия практически на каждую букву алфавита, способные раскрыть названное явление подробно и наглядно. Определение понятия — отнюдь не классическая словарная статья из академического справочника, построенная по общеизвестной схеме. Поскольку цель автора — рассказать о социально-лингвистических реалиях, каждая словарная статья представляет собой определенное историческое событие (факт), вставную историю. При этом сами тексты являются фрагментами публикаций

(цитатами) из газет 1960–1980 гг. Результатом становится структурированная по цитатным (словарным) определениям филологическая история общественной борьбы с обозначенными социальными группами и моделями поведения.

Для объяснения некоторых слов не используется текстовое описание. Например, слово «гадалки» трактуется через видеоролик, фрагмент киножурнала «Фитиль» — «Карты не врут». Таким же образом раскрывается понятие «фарцовщики». Другие определения представлены в смешанном формате: через видео и текст (например, «сатира» и «грампластинки»). Переключение с текстового контента на видео (и наоборот) удерживает внимание, обуславливает прочтение словаря от начала до конца.

Кроме того, публикация разрушает классическое понимание сущности словаря, демонстрирует его использование в качестве медийного жанра. Словарная форма открывает перед журналистом возможность упаковки множественных разноплановых фактов и ситуаций прошлого в одно медийное произведение.

Проанализировав публикации портала «Арзамас», мы выявили два игровых материала (игра, мультиформатный спецпроект) и шесть текстовых. В последних прослеживается тенденция структурирования информации и поиска новых форм подачи, наиболее популярной становится словарь. С точки зрения тематической составляющей, авторы уделяют особое внимание освещению вопросов русского языка в историческом аспекте. Большинство проанализированных источников созданы на стыке двух областей знания — лингвистики и истории (в том числе истории литературы и искусства). Они посвящены авторским словарям и словарю определенного социального явления, а также историческим особенностям возникновения русского языка. Микрорубрики обращены к темам заимствований и к истории алфавита.

«Мел» (<https://mel.fm>). Это медиа, рассказывающее об образовании в России и мире в различных аспектах. Особое внимание портал уделяет вопросам языкознания, филологии, лингвистики. На сайте представлен раздел «Грамотность», куда входят четыре рубрики: «Как говорить», «Как писать», «Что это значит», «Грамотный ответ». Также «Мел» затрагивает вопросы воспитания. Мы проанализировали одиннадцать материалов данного издания, в настоящей публикации представлен анализ двух, результаты работы с остальными будут отражены в выводе.

«Почему глагол “является” лучше оставить привидениям» (https://mel.fm/gramotnost/gramotny-otvet/6194308-is_an). Публикация посвящена процессу заимствования и закрепления в родном языке английского глагола-связки «являться» и последующему его переходу в разряд канцеляризмов, которые нежелательно использовать в речи.

После лида, в котором анонсируется проблема материала («Продолжаем избавляться от канцеляризмов»), следует графическое изображение с демонстрацией речевой нормы и ее нарушения.

В текстовом описании еще раз уточняется правильный вариант. Ироническая аналогия привлекает внимание читателя («Являться может разве что

привидение»), после чего журналист объясняет, почему не нужно использовать названное слово в процессе коммуникации (*«речь канцелярит уж явно не красит»*). Для большей убедительности проводится сравнение с английским языком, в котором глагол-связка уместен и более того необходим с точки зрения грамматики. Автор демонстрирует, что в русском нет грамматической обусловленности, поэтому рассматриваемый глагол звучит и воспринимается неорганично.

Формой репрезентации становятся графические карточки и текст. В целом публикация предлагает тему для размышлений, читателю предоставляется выбор (использовать лексему или избегать ее), вывод отсутствует. Автор иронизирует по поводу незнания грамматического строя языка его носителями, формирует ситуацию, которая мотивирует разобраться в неочевидных правилах употребления слов.

«9 ошибок в песнях, которые бесят филологов: к доске идут Лагутенко, Шевчук, Монеточка и другие» (https://mel.fm/gramotnost/kak-govorit/8236910-songs_mistakes). Публикация посвящена нарушениям (зачастую сознательным) норм русского языка в творчестве представителей шоу-бизнеса: речь идет об акцентологических ошибках в известных музыкальных композициях.

В лиде фиксируется проблема, а также присутствует обращение к аудитории, приглашающее к диалогу. Следующие абзацы состоят из карточек с указанием правильного и неправильного употребления слова и примеров из известных песен с кратким аналитическим комментарием. Рассматриваются песенные тексты групп «Браво», «Руки вверх!», «Мумий Тролль» и др. Автор иронизирует по поводу ошибок в композициях известных музыкантов: *«Гораздо больше обидно за группу "Пилот" из культурной столицы... Да нет, не позвонит!», «Чтобы не доводить никого до слез, в этом слове лучше ставить ударение на последний слог: "соврала" (врать или не врать — это уже дело ваше!)»*, побуждает аудиторию к критической оценке популярных артефактов и собственных представлений об акцентологических правилах.

Форма карточек передает минимум информации, поясняющий текст раскрывает правило подробнее. Узнаваемые песенные примеры вместе с саркастическими комментариями журналиста облегчают восприятие нормы и изучение объясняющей части.

Из одиннадцати публикаций портала было выявлено семь текстовых (одна из которых дополнена видео) и четыре игровых. Среди публикаций, опирающихся в первую очередь на текст, присутствуют три интервью-монолога (с экспертами), еще два материала в форме карточек с поясняющим текстом, один аналитический с видеофрагментами и тематическая подборка.

Среди игровых материалов отмечены интерактивный кроссворд, тест и два ребуса. Спектр затрагиваемых языковых явлений в публикациях «Мела» достаточно широк. Редакция поднимает темы от заимствований, артиклей, неологизмов до пословиц и поговорок, фразеологии, этимологии, морфологических и грамматических ошибок. В двух публикациях освещаются особенности интернет-языка и его влияния на современный русский.

«**The Village**» (затем — «**Чойс**») (<https://www.the-village.ru>) (в настоящее время сайт издания заблокирован, материалы, использованные в статье, были опубликованы до момента блокировки). Лайфстайл-издание, для тех, кто следит за трендами, интересуется культурой, дизайном, модой, психологией, урбанистикой, жизнью города. Мы проанализировали пять материалов, посвященных русскому языку, в целях уменьшения объема статьи приводим только сокращенный отчет о проведенной работе.

Все публикации «The Village» представлены в традиционном текстовом формате: подборка мнений экспертов, вопрос эксперту, интервью (в том числе интервью-монолог). Один материал («*Фонетист Михаил Штудинер правильно произносит топонимы Москвы*») сопровождается интерактивными элементами (подборка роликов с произношением).

Издание популяризует актуальные языковые явления: особенности интернет-языка, неологизмы, изменения повседневной лексики, правила постановки ударения. Один материал («*Как устроен язык жителей Урала. И существует ли уральский говор — отвечает доктор филологических наук*») посвящен региональной специфике: особенностям уральской речи.

«**ВОС**» (<https://w-o-s.ru>). Портал «ВОС» — молодежный интернет-ресурс, ориентированный на доверительный разговор с аудиторией, развлекательный характер контента, большинство публикаций посвящены межличностным проблемам, типам и особенностям взаимоотношений, вопросам субкультур. Одна из рубрик сайта («Даль») представляет проблематику, связанную с русским языком и литературой. Мы проанализировали пять публикаций, в целях уменьшения объема статьи приводим один пример анализа и отчет о проведенной работе.

«*Иллюстрированные правила русского языка: орфография*» (<https://w-o-s.ru/article/4203>). В публикации представлена проблема орфографических ошибок, явление обозначено уже в заголовке. Способами репрезентации стали текст и комикс, героями — выдуманные персонажи. «*Встречайте: Игорь, Олег, Катерина, Елена, Святослав и другие воины... выставляют свою жизнь напоказ ради того, чтобы мир стал чуточку лучше*».

Правила излагаются кратко, некоторые объясняются саркастически, с элементами пародии на вульгарное толкование: «*“Иммиграция” — это когда понаехали, “эмиграция” — когда свалили. Если понаехали в Москву из провинции — это просто внутренняя миграция. Что именно вы хотели сказать?*» К каждому пункту прилагается пример из двух предложений, чтобы читатель самостоятельно выявил разницу. Примеры провокативны, их содержательное наполнение может быть подчеркнуто сниженным или предполагающим комический эффект: «*Никто не общался с Константином, потому что его слова вылетали вперемешку с плевками. / У Григория все было вперемежку: слова, плевки, слова, плевки — но с ним тоже никто не общался*». Кроме того, правилу соответствует иллюстрация, в развлекательной форме уточняющая контекст выбора написания.

Автор иронически репрезентует ситуацию знакомства (особенно первого!) с правилами правописания во взрослом возрасте, взаимодействует с придуманными героями и читателями с позиции ментора и большой долей сарказма.

Все рассмотренные материалы сайта используют игровые (интерактивные) формы репрезентации контента. Один включает в себя элементы комикса, остальные (четыре теста) созданы на базе различных тестовых моделей: представление вариантов ответа в виде графических изображений, предложение дополнить пословицу, выбор краткого ответа «верно» и «неверно», прогнозирование значения слова по примеру его использования. В целом ресурс предлагает игры, позволяющие получить необходимые знания о языке — от «школьных» правил орфографии и скороговорок до современных устойчивых выражений.

Заключение

Проанализированные публикации можно классифицировать по формам репрезентации, тематике, типам представленных языковых явлений. Из тридцати семи выбранных материалов семнадцать представлены в мультимедийных и интерактивных (игровых) формах, двадцать имеют в своей основе традиционный текст. Среди первой группы можно выделить тест, собственно игру, комикс, кроссворд, ребусы, мультимедийную энциклопедию с интерактивной картой, а также лонгрид и мультиформатный спецпроект, который авторы называют «ликбезом». Наиболее популярным стал тест: он встретился девять раз. В форме игры представлены два материала, также есть два материала-кроссворда (остальные встречаются по одному разу).

Среди традиционных текстовых публикаций присутствуют экспертное интервью, словарь, подборка, интервью-монолог, историческая справка, карточки с поясняющим текстом, аналитическая публикация. В текстовых материалах часто встречаются интерактивные элементы: видеоролики, аудиозаписи.

Наиболее интересны, на наш взгляд, формы, которые связаны с немедийными сферами деятельности. Так, кроссворды и ребусы пришли в тематические публикации из сферы интеллектуального досуга и органично встроились в жанровую парадигму научно-популярного направления.

Еще более привлекает внимание словарь, ставший актуальным в журналистских практиках. Будучи формой представления академического знания, в постмодернистскую эпоху он (словарь) мигрирует в сферу художественной литературы, а затем в медийное пространство. В случае журналистской репрезентации словаря в качестве набора (единства) тематически обусловленных контекстов можно говорить об использовании элементов художественных практик в журналистском материале и, как следствие, игры с ожиданиями аудитории на уровне персонального интеллектуального багажа (фоновых знаний) каждого ее представителя. В этом случае можно, вероятно, говорить об изменении критериев отнесения публикации к категории игровых.

Тематическое разнообразие. Наиболее популярным языковым явлением сразу в нескольких СМИ стали неологизмы (встретились в материалах «Арзамаса» «Мела» и «The Village» (в настоящее время сайт издания заблокирован)), диалекты («The Village», «ПостНаука», «ВОС»), постановка ударения («The Village», «ПостНаука», «Мел»), интернет-язык («Мел» и «The Village»), пословицы и поговорки («Мел», «ВОС»), орфография («ТАСС», «ВОС», «Мел»).

Уникальные темы присутствует у «Арзамаса» (авторская лексика, лексика, связанная с историей общественной жизни, заимствования морфем), «Мела» (русские соответствия английским артиклям, парные рифмованные слова, заимствование глагола-связки), «ПостНауки» (лексика 1990-х), «N+1» (лексические пробелы), «The Village» (уральский говор).

Проанализировав формы репрезентации и тематическое разнообразие публикаций, можно выделить следующую закономерность. Чаще всего игровые решения использовались в процессе популяризации орфографии и единиц, пришедших в язык из устного народного творчества. Это может быть связано с функциональной предназначенностью материала. В публикациях, ориентированных на применение знаний в реальной жизни, интерактивная деятельность пользователей способствует наиболее эффективному усвоению материала. В них может отсутствовать теоретический блок, но это не означает, что материал написан в развлекательных целях. Чаще всего теория встроена в интерактивную часть и становится доступна в процессе взаимодействия со структурой игры.

Интерактивная репрезентация пословиц и поговорок может быть обусловлена стремлением сохранить представления об отечественном фольклоре и поднять его социальную значимость. Применение актуальной и востребованной формы подачи информации способствует привлечению внимания поколения геймеров к древнейшим языковым явлениям.

В мультимедийные формы упакованы большие массивы информации, которые пользователь не воспримет в объемном тексте. В нашем случае так представлены спецпроекты.

Процесс медийной популяризации русского языка имеет все условия, чтобы стать трендом. Развивающиеся интернет-технологии позволяют осваивать новые формы, а постоянно изменяющийся и развивающийся язык предполагает изобилие тем для научного анализа и популярных публикаций.

Дивеева Н. В. Научная популяризация как одна из актуальных задач журналистики в условиях высоких технологий и рыночной экономики // Акцент. 2012. № 7–8 (110–111). С. 13–16.

Жаровский Е. Р. Особенности освещения культуры в СМИ Крымского полуострова // Вопр. теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 1. С. 173–191.

Кадибагомаева З. А., Юсупова П. Д. Лингвокультурологический аспект изучения языковых явлений // Системные технологии. 2015. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-aspekt-izucheniya-yazykovyh-yavleniy> (дата обращения: 12.03.2022).

Лазутина Г. В. Профессиональный анализ журналистского текста как метод научного исследования // *Вопр. теории и практики журналистики*. 2014. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyu-analiz-zhurnalistskogo-teksta-kak-metod-nauchnogo-issledovaniya> (дата обращения: 28.03.2022).

Парафонова В. А. Научно-популярные журналы в дореволюционный период // *Медиаскоп*. 2011. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/897> (дата обращения: 17.02.2022).

Тертычный А. А. Быть ли научно-популярной журналистике? // *Вестн. ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика*. 2013. № 2. С. 212–217.

Щербакова Г. И. Научно-популярная публикация в СМИ: проблема теоретического основания // *Вестн. ВГУ*. 2018. № 1. С. 182–190.

Яковенко И. А. Рынок научно-популярных журналов. Аналитический обзор // *Pressaudit.ru*. 2012. URL: <http://pressaudit.ru/gynok-nauchno-populyarnyx-zhurnalov-analiticheskij-obzor/> (дата обращения: 20.02.2022).

Статья поступила в редакцию 31.08.2022 г.

Научная статья

УДК 070:654.198 + 159.942 + 81'373.4 + 811.161.1'42 + 78.05

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.065

УДЕРЖАНИЕ ВНИМАНИЯ АУДИТОРИИ В МУЗЫКАЛЬНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОМ РАДИОЭФИРЕ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Татьяна Григорьевна Букина

Уральский юридический институт МВД России,

Екатеринбург, Россия,

tf30@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3249-1783>

А н н о т а ц и я. В статье рассматриваются лингвистические приемы удержания внимания аудитории на музыкально-развлекательной радиостанции «Европа Плюс». В качестве главного приема автор выделяет создание эффекта напряжения в радиоэфире. Данный прием моделируется с помощью таких лексических средств, как эмоционально-тональная лексика (и позитивной, и негативной окраски), лексика с так называемой «тревожной» семантикой, а также с помощью нелинейного построения эфира: проспекции и ретардации. Делается вывод, что наибольшего эффекта можно достичь при конвергенции приемов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: радиоэфир; эмоционально-тональные средства; лексика с «тревожной» семантикой; проспекция; ретроспекция; ретардация; конвергенция приемов

Б л а г о д а р н о с т и. Автор благодарит бакалавра факультета журналистики и медиакоммуникаций АНО ВО «Гуманитарный университет» Гашенко Владислава Фиделевича за предоставленную эмпирическую базу исследования.

RETENTION OF AUDIENCE ATTENTION IN MUSIC AND ENTERTAINMENT RADIO BROADCASTING: LINGUISTIC AND PRAGMATIC ASPECT

Tatiana G. Bukina

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,

Ekaterinburg, Russia,

tf30@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3249-1783>

Abstract. The article examines the linguistic methods of keeping the audience's attention on the music and entertainment radio station "Europe Plus". As the main

© Букина Т. Г., 2022

technique, the author highlights the creation of tension on the radio air. This technique is modeled with the help of such lexical means as emotional and tonal vocabulary (both positive and negative coloring), vocabulary with the so-called “anxious” semantics, as well as with the help of non-linear construction of the broadcast: prospection and retardation. The conclusion is made that the greatest effect can be achieved through the convergence of various techniques.

Key words: radio broadcasting; emotional and tonal means; vocabulary with «anxious» semantics; prospection; retrospection; retardation; convergence of techniques

Acknowledgements. The author would like to express her sincere gratitude to Vladislav Fidelevich Gashenko, a Bachelor of the Faculty of Journalism and Media Communications, ANO VO “Humanitarian University”, for providing the empirical base of the study.

Радио в современном мире — мире медийных технологий не теряет актуальности: оно все так же является близким к потребителю и динамично развивающимся средством массовой информации. Современное радио с годами упрочивает свои позиции в рейтинге актуальности и все глубже внедряется в интернет-пространство, становясь одной из сложных, но в то же время органичных систем современной массовой коммуникации. «Особые ресурсы радио обусловлены его технологической спецификой», — отмечает Ю. В. Ткаченко [Ткаченко]. По мнению исследователя, радио сегодня достигает высочайшего уровня оперативности, а «коммуникативная природа современного радиовещания, его диалогическая сущность вовлекают слушателя в радиийное действо, делают его активным участником происходящего в студии» [Там же].

Позиционирование радио в интернете ведет к важной тенденции развития современного радиовещания — конвергенции СМИ, когда все типы информационного содержания в различных сочетаниях друг с другом создают единый медийный продукт. В связи с этим, по мнению Г. В. Спиридоновой, «современное радио должно не только осваивать новые каналы распространения программ, но и умело использовать возможности, предоставляемые цифровыми технологиями» [Спиридонова, с. 34].

В современном радиоэфире можно выделить 4 типа радиостанций по содержанию передач: смешанные, информационные, религиозные, музыкально-развлекательные (см. об этом: [Клюев, с. 96–98]). При этом наиболее востребованными, популярными из них оказываются музыкально-развлекательные. Популярность музыкально-развлекательных радиостанций подтверждает медиаисследовательская компания Mediascore, согласно данным опроса которой самый популярный контент среди радиослушателей — музыка. На музыкальные программы приходится 47 % всех прослушиваний, следом идут музыкально-развлекательные программы — 19 %; общественно-политические программы — 11 %; информационно-развлекательные и познавательные программы — 6 % [Исследовательская компания Mediascore].

По данным европейской радиокарты, только в Екатеринбурге в FM-диапазоне работают более 30 радиостанций, из них 22 музыкально-развлекательного

характера [Радиосанции в Екатеринбурге]. Получившие экономическую свободу отечественные музыкально-развлекательные радиостанции стремятся расширить свою аудиторию, поскольку от этого зависит их доход и возможность существовать и развиваться на медиарынке.

Совершенствование работы радиостанций связано с их финансовым состоянием, а финансирование станций напрямую зависит от степени вовлечения аудитории в радиоэфир. Суммарное суточное количество слушателей музыкально-развлекательной радиостанции отражает рейтинг радиостанции и, как следствие, влияет на заинтересованность потенциальных рекламодателей в данной радиостанции. От количества рекламы зависит бюджет и, соответственно, возможности музыкально-развлекательной радиостанции.

Современное радио трансформировалось, стало более сложным, в результате чего изменился и сам подход к работе. Диктор должен следить не только за ходом эфира, но и за откликом аудитории в социальных сетях и мессенджерах. Полученную информацию необходимо качественно интегрировать в радиопрограмму. На этом этапе огромную роль играет и грамотность ведущего, способного создавать остроумные выходы, и его образ. Основная задача радиоведущего, осуществляющего деятельность в линейном эфире развлекательной радиопрограммы, заключается в реализации определенной коммуникативной стратегии речевого поведения и тактик, направленных на вовлечение в диалог и удержание внимания адресата (аудитории).

Эмпирическим материалом для исследования лингвистических приемов удержания внимания аудитории в радиоэфире послужило утреннее шоу «Бригада У», которое транслируется в эфирной сетке музыкально-развлекательной радиостанции «Европа Плюс» с января 2006 г. Данная программа выходит ежедневно по будням с 7:00 до 10:00 утра по московскому времени. Вещание радиосоу осуществляется во всех регионах Российской Федерации, где имеется указанная радиостанция, а также в странах СНГ и Балтии.

«Бригада У» ориентирована на слушателя, который собирается на работу, добирается до работы на личном автомобиле, такси или общественном транспорте, а также на работников офиса.

В утреннем эфире делается ставка на интерактивную составляющую: около 30 % эфирного времени занимают диалоги с радиослушателями (посредством телефонных звонков, мессенджеров, сообщений в социальных сетях), также ведущие приглашают в эфирную студию как звезд, так и обычных слушателей по определенному случаю. Например, в День студента могут пригласить студентов. Остальная часть (70 %) эфирного времени — диалоговая, во время которой ведущие используют различные приемы для удержания внимания аудитории. Наша задача — рассмотреть и систематизировать эти приемы.

Радиоведущий должен сделать свой выход образным и ярким, запоминающимся, создать определенное настроение у слушателей, вызвать эмоцию. «Эмоции индивидуальны, поэтому даже не самая свежая мысль или идея, выраженная оригинальным способом, рассмотренная под новым углом, может подействовать

на аудиторию самым серьезным образом и даже быть принята как руководство к действию» [Барабаш, с. 84]. Иными словами, ведущий должен заинтересовать и заинтриговать аудиторию. Ставка на эмоции в данном случае — одна из основных. При этом следует отметить, что роль ведущего не сводится лишь к тому, чтобы привлечь внимание слушателя к эфиру, важно удержать адресата на данной радиоволне, не дать ему переключиться на другую радиостанцию.

Главным приемом удержания внимания аудитории является создание в программе эффекта напряжения [Майданова, с. 184], который моделируется с помощью эмоциогенных ситуаций новизны, необычности, ситуаций, возникающих при столкновении с препятствием, что вызывает у аудитории удивление, интерес, нетерпение узнать развязку истории [Фресс, Пиаже, с. 133–145] и, соответственно, способствует удержанию ее внимания.

Реализуется эффект напряжения с помощью средств эмоциональной окраски текста [Булатова, Ефимова, с. 69]. Эмоциональные средства включают в себя лексику, которая создает настроение в эфире.

Эмоционально окрашенная лексика — лексические единицы, которые несут в себе положительную или отрицательную оценку. Они не только обозначают предметы или явления, но и наделяют их дополнительным смыслом, формируя определенную атмосферу, что в некоторых случаях способствует удержанию внимания аудитории [Маркелова, с. 55]. К такому приему часто прибегают ведущие утренних шоу. В эфире от 08.02.2022 речь шла об антипремии «Золотая малина» — награде за худшие кинокартины. Ведущая Вики, говоря о фильме, не называет его, но характеризует словом с отрицательной семантикой — «ужасный» (очень плохой, скверный [Лопатин]).

В и к и: Каждый год, каждый год помимо «Оскара» и других каких-то очень классных наград в мире проходит «Золотая малина». К слову, я уважаю эту награду. Антинаграду, можно сказать.

В е л: Да, ее все уважают, пока не получают премию.

В и к и: Не, просто один раз я посмотрела один ужасный фильм.

Очевидно, что данная лексическая единица является своего рода крючком, с помощью которого удерживается внимание слушателя, которому интересно узнать, о каком именно фильме идет речь (ведь название фильма не было сразу произнесено, но предполагается, что будет произнесено позже). В том же радиовыходе ведущие произносят такие оценочные слова, как *«худшая режиссура»*, *«худший сценарий»*, *«отвратительная игра»*, и упоминают известного киноактера Брюса Уиллиса. Дикторы говорят, что 8 фильмов этого актера номинированы на антипремию «Золотая малина». При этом ведущие не произносят название кинокартин Брюса Уиллиса (хотя это интересно), но обсуждают их. И затем они смещают фокус внимания на другие фильмы.

В выпуске радиопередачи от 22.02.2022 ведущая Вики начинает диалог с фразы *«очень бурная ночь была у одного американца из штата Флорида»*. Слово «бурный» используется в значении «непокойный, полный волнений; страстный,

неистовый» [Лопатин]. Данная лексическая единица интригует слушателя, так как ему интересно узнать, почему у американца была бурная ночь. Однако ведущая не сразу рассказывает суть истории. Вместо этого она дает характеристику самого человека с особой интонацией: «Он был такой *пря*м *очень хороший*», — из чего слушатель делает вывод, что человек, о котором идет речь, скорее всего, был пьян. Догадку диктора подтверждает соведущий, который с иронической интонацией подчеркивает сказанное: «*Совершенно трезвый*». Затем следует описание ситуации, как американец выходит из бара и, не найдя своей машины, угоняет чужую:

В е л: Я думаю, именно так развлекается любой молодой человек. Ну, что же происходит в этом мире? Я обычный честный гражданин....

В и к и: Тогда он решил, что самое классное, что надо будет сделать — это угнать чужую машину, чтобы искать свою.

В е л: Нормально...

В и к и: Угнал, значит, машину. Начал на ней ездить по городу. Искать свою, естественно.

Примечательно, что дикторы в качестве оценочной лексики используют слово «*честный*», тогда как каждому понятно, что честный гражданин никогда не воспользуется чужим имуществом. В целом стоит отметить, что в данном фрагменте были использованы слова с положительно-оценочной семантикой (*хороший, честный*) в ироничном ключе. Это добавляет в контекст истории дополнительную смысловую нагрузку, эмоцию и способствует удержанию внимания аудитории. Также слово «*бурный*» в начале радиовыхода является своеобразным словом-крючком, которое тоже удерживает внимание аудитории, заставляя прослушать историю от начала до конца.

Стоит отметить, что не всегда для удержания внимания аудитории ведущие применяют слова с отрицательной или иронической оценкой. Наряду с данными лексическими единицами используются слова с положительной оценкой. Так, в том же эпизоде утреннего шоу Вики рассказывает о популярном синем пиве, подчеркивая его особенность — оно «крутого цвета» и «красивенькое»:

В и к и: Итак, во Франции становится популярным синее пиво. Вот. Оно такого *пря*м очень крутого цвета, я сейчас покажу. *Пря*м морской, морской. Вот. Красивенькое?

Д ж е м: Ой! Красиво.

В и к и: Да! И почему оно синее?

В е л: Как сразу хочется...

Жаргонизм «*крутой*» используется в значении «отличный, прекрасный, заслуживающий одобрения» [Кузнецов, с. 186]. Слово «*красивый*» — «приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий» [Там же, с. 76]. Почему о синем пиве ведущие говорят с одобрением и с использованием слов с положительной оценкой (*крутой, красивенькое*), слушатели не знают вначале, но узнают позже в процессе диалога, когда ведущие сообщают о его полезных свойствах и о том, что для производства напитка используются специальные

водоросли, которые подкрашивают жидкость. Примечательно, что, говоря о водорослях, дикторы тоже используют слово с оценочной лексикой *«прекрасные»*. Таким образом, удержание внимания аудитории происходит за счет положительной оценки явления, которое само по себе вызывает удивление (наверное, мало кто слышал о синем пиве), и его последующего толкования.

В особую группу эмоционально-тональной лексики отнесем слова с так называемой «тревожной» семантикой. Данные лексические единицы удерживают внимание слушателя за счет создания в эфире эмоционального состояния надвигающейся тревоги, страха, неопределенности и даже ужаса. О напряжении в этом случае можно говорить не только как о лингвистическом, но и как о психологическом понятии. При этом слушатель хорошо понимает, что никакого «ужаса» в развлекательном эфире быть не может. Именно на таком эмоциональном контрасте строится механизм удержания внимания.

В эфире от 16.02.2022 ведущие используют слово «ужас», чтобы создать определенное настроение (мрачное), готовя аудиторию к получению какой-то неприятной информации. Прежде чем рассказать слушателям историю, дикторы создают атмосферу тревожности, употребляя слова *«жуткий»*, *«мерзкий»*: «Жуткий — вызывающий чувство ужаса» [Лопатин]; «Мерзкий — отвратительный, гадкий» [Там же]. Используя указанные лексические единицы, дикторы интригуют слушателей:

В и к и: У меня тут есть такая жуткая новость, она такая жуткая и немножко мерзкая.
Д ж е м: Ой, не таких мы новостей ждали сегодня.

Более того, ведущие не прерывают интригу и не рассказывают «жуткую» и «мерзкую» историю сразу. Напротив, они продолжают держать слушателей в неведении, говоря о том, что речь пойдет о новостях, *«как из фильма ужасов»*. Также просят слушателей не завтракать в момент, когда они будут говорить об этом. После того как дикторы создали в эфире атмосферу страха и тревожности, они рассказывают историю об американце, на которого во время ремонта с потолка упали зубы.

В и к и: Вообще оказалось, что сверху над ним раньше была стоматология, и, видимо, когда лечили зубки и какие-то вырывали, они иногда падали в какую-то щель в полу.

В и к и: Я надеюсь, что это правда, и будем ждать конца года.

Итак, в качестве промежуточного вывода можно отметить, что для радиоэфира, где невозможен зрительный контакт, важную роль играет лексический подбор. Лексика должна быть ненейтральной. И если наша задача не просто привлечь, а еще и удержать внимание аудитории, следует обязательно сохранять интригу в развертывании сюжета, т. е. как можно дольше удерживать слушателя на заданной волне. Эта интрига, напряжение сохраняется за счет слов-крючков, которыми является эмоционально-тональная лексика, в том числе лексика с «тревожной» семантикой.

Еще одна группа приемов удержания внимания слушателя связана с созданием напряжения через нарушение хронологии сюжета. Это такие приемы, как проспекция, ретроспекция и ретардация [Колесниченко, с. 208].

Проспекция, или забегание вперед, — ситуация, когда читателю сообщается информация, которая непонятна и которая провоцирует вопрос: «Что это?» [Там же]. Чтобы получить ответ на вопрос, слушатель (равно как читатель или зритель) должен следить за ходом рассказа радиоведущего.

В эфире от 03.02.2022 к проспекции ведущие прибегают в одном из эпизодов шоу, где они подозревают свою коллегу в том, что она чего-то не договаривает:

Д ж е м: А, Вики, мне кажется, ты нам что-то не договариваешь.

В и к и: Я?

В е л: А ты ничего не хочешь рассказать нам?

В и к и: Я все утро вам что-то говорю. Уже сразу одновременно несколько новостей рассказываю.

В приведенном фрагменте дикторы выясняют у соведущей, в чем причины ее молчания и когда она уже начнет рассказывать свои интересные новости. В этот момент создается эффект напряжения, слушателю не терпится узнать, что не договаривает Вики. В чем ее подозревают коллеги? Разрешается ситуация тем, что Вики анонсирует две новости, о которых планирует рассказать через некоторое время: про флешмоб и известного рэпера Кани Веста, которому не разрешили вносить правки в фильм с его участием. Анонсирование тоже способствует удержанию интереса слушателей, так как им интересно дослушать новости.

Часто ведущие прибегают к анонсированию событий, которые будут происходить в эфире. Это тоже является проспекцией и своего рода удержанием внимания, поскольку дикторы возбуждают интерес аудитории к дальнейшему разговору. Сказанное хорошо иллюстрирует следующий контекст (эфир от 04.02.2022):

Д ж е м: И что же нам Вики принесла?

В и к и: Я принесла Джефа Безеса. Неплохо, да? Его новую яхту.

В е л: Оп-па!

В и к и: Что с этой яхтой, почему недовольны жители Нидерландов.

Д ж е м: Ага?!

В и к и: Из-за его новой яхты. Я расскажу.

В этом анонсе внимание слушателей привлекается с первых же слов ведущего Джема «*И что же нам Вики принесла?*». Удерживается внимание за счет рассказа о миллиардере Джефе Безесе и его яхте, которой недовольны жители Нидерландов. Почему жители Нидерландов недовольны яхтой? Как она помешала им? Об этом слушатели узнают сразу после объявления второй части анонса про Москву:

В и к и: А еще, а еще Москва попала в один классный рейтинг.

В и к и: И это не рейтинг чего-то плохого, а рейтинг чего-то хорошего.

Подобные анонсы ведущие «Бригады У» используют в каждом выпуске утреннего радишоу. Цель — возбудить интерес у слушателей к дальнейшему прослушиванию истории.

Еще один прием, позволяющий завладеть вниманием слушателей, — ретардация. Ретардацией называют задержку действий посредством какого-либо рассуждения или параллельного сюжета [Колесниченко, с. 208]. В исследуемом эмпирическом материале данный прием вводится с помощью так называемых вопросов-загадок. Ведущие замедляют ход развития сюжета с помощью определенного вопроса, касающегося рассматриваемой темы или какой-либо другой темы. Так, в одном из выпусков шоу ведущая Вики объявляет новость о том, что *«на страницах бельгийских паспортов появятся герои комиксов»*. Диктор конкретизирует мысль, но ее развитие внезапно обрывает соведущий Вел своим вопросом-загадкой: *«Комиксы? Бельгийской культуры?»* Ведущий намеренно удивляется, что комиксы для бельгийцев являются чем-то особенным, и лукавит, будто не знает героев бельгийских комиксов. Основная цель — привлечение внимания к вопросу исторической значимости бельгийских комиксов и удержание внимания аудитории посредством замедления хода развертывания текущей новости.

В другом эпизоде шоу Вики рассказывает об американце, который делал ремонт в своем доме и нашел в потолке два чемодана (эфир от 04.02.2022):

В и к и: Американец делал ремонт в своей доме и нашел там два чемодана. В потолке. У него, видимо, там какие-то панели. Фу, какие уродские панели! Надо это все снять.

В е л: Во-первых, это значит, что в квартире были очень неровные потолки. Если прям такой зазор.

В и к и: Я не знаю, каким это образом было, но, в общем, два чемодана нашел.

Ведущая Вики не успевает ответить на главный вопрос *«Что находится в чемодане?»*, как соведущий уводит тему своим вопросом-загадкой о качестве потолков. После ответа на этот вопрос ведущая дочитывает новость о содержимом чемодана: оказывается, там находились деньги, которые человек направил на погашение ипотеки. Но и на этом вопросы не завершаются. Появляется ряд ироничных вопросов от ведущего Вела: *«Может быть, это какая-то новая социальная поддержка?»*, *«Почему в России никто не прячет деньги в стену?»*. Таким образом, с помощью вопроса-загадки и ироничных вопросов удерживается внимание аудитории.

Ретардация реализуется не только с помощью вопросов-загадок, но и посредством предположений, с помощью которых сюжетный ход тоже замедляется. В выпуске от 18.04.2022 как раз с помощью предположения сюжетный ход как бы растягивается. Ведущая Вики рассказывает новость о создании в штате Флорида робота-бармена. В этот момент Вел предполагает, что робот-женщина, скорее всего, некрасивая: *«Не могу сказать, что она красивая»*. После данного предположения внимание фокусируется на красоте изделия, и только потом ведущие начинают обсуждать ее функциональные особенности: *«Она обладает искусственным интеллектом, может смешивать до 120 разных коктейлей за час...»*. Конечно, красота изделия не настолько важна, как функциональные особенности

работа, поэтому аудитория дослушает выход до информации о функциональных возможностях робота-бармена. Примечательно, что в данном фрагменте прием ретардации реализуется и с помощью вопросов-загадок, когда, например, Вел спрашивает: «*В каком баре работает робот-бармен? Можно ли ей не оставлять на чай? Можно ли научить плохому?*» Эти вопросы не только приближают сюжетную линию к завершению, но и удерживают внимание аудитории.

Итак, подведем итог исследования. Главным средством удержания внимания аудитории в радиоэфире одной из крупнейших радиостанций России «Европа Плюс» является поддержание интереса к контенту с помощью создания эффекта напряжения. Данный общетекстовый эффект моделируется с помощью таких лингвопрагматических средств, как эмоционально-тональная лексика — лексика с положительной, отрицательной и «тревожной» семантикой. Кроме того, напряжение как лингвистический прием создается при нелинейной подаче материала — проспекции и ретардации.

Следует отметить, что нами затронуты лишь основные, наиболее распространенные приемы удержания внимания аудитории. Наряду с лингвистическими, несомненно, существуют и экстралингвистические приемы удержания внимания слушателя на выбранной им радиоволне. Изучение данных приемов открывает широкие перспективы для дальнейшего исследования радиоконтента.

Барабаш Н. С. Ведущий информационно-музыкальной радиостанции: становление профессии, специфика и методы работы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Булатова Э. В., Ефимова Т. Ю. Смысловая структура креолизованных медиатекстов малоформатных жанров // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры, 2003. № 2. С. 28–36.

Исследовательская компания Mediascope : офиц. сайт. URL: <http://www.mediascope.net> (дата обращения: 05.10.2022).

Клюев Ю. В. Радиожурналистика: основы профессии. М., 2015. 153 с.

Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста. М., 2013. 334 с.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. М., 1998. 944 с.

Майданова Л. М. Практикум по современному русскому литературному языку. М., 1993. 384 с.

Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М., 2013. 297 с.

Радиостанции в Екатеринбурге. URL: <https://radiomap.eu/ru/ekaterinburg> (дата обращения: 06.10.2022).

Русский толковый словарь В. В. Лопатина. URL: <http://http://www.вокабула.рф/словари/русский-толковый-словарь-лопатина> (дата обращения: 06.10.2022).

Спиридонова Г. В. Радио в глобальной медиаконкуренции // Всерос. журн. науч. публикаций. 2013. № 2 (17). С. 25–27.

Ткаченко Ю. В. Современное радио: медийные характеристики // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам LXV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2016. № 10(65). С. 80–83. URL: <http://sibac.info/conf/philolog/lxv/61820> (дата обращения: 04.10.2022).

Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1975. 145 с.

Статья поступила в редакцию 08.10.2022 г.

Научная статья

УДК 070.1:654.197 + 004.738.5 + 327:654.197 + 32.019.5

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.066

АНАЛИЗ ОСВЕЩЕНИЯ ВИЗИТА ВЛАДИМИРА ПУТИНА В КИТАЙ ТЕЛЕКАНАЛАМИ RT И CGTN

Чжан Мэн

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
1065704486@qq.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8221-5467>*

А н н о т а ц и я. Визит Президента России в Китай — всегда крупное событие, привлекающее широкое внимание средств массовой информации двух стран. В статье представлены результаты анализа освещения визита Владимира Путина в Китай в феврале 2022 г. международными телеканалами RT и CGTN.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика; медиа; CGTN; RT; международные СМИ; медиаобраз; пропаганда

Ф и н а н с и р о в а н и е. Автор спонсируется Китайским стипендиальным советом (CSC). Номер проекта: 201908090327.

ANALYSIS OF COVERAGE OF VLADIMIR PUTIN'S VISIT TO CHINA ON TV CHANNELS RT AND CGTN

Zhang Meng

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
1065704486@qq.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8221-5467>*

Abstract. The visit of the President of Russia to China has always been a major event, attracting wide attention of mass media of the two countries. The article presents the results of the analysis of coverage of Vladimir Putin's visit to China in February 2022 based on the material of the international TV channels RT and CGTN. The features of the coverage of this topic by two media are shown in terms of the number of messages and the tone of coverage.

Key words: journalism; media; CGTN; RT; international media; media image; propaganda

Funding information. The author is sponsored by the China Scholarship Council (CSC). Project number: 201908090327.

Введение

RT — международный телеканал с многоязычной сетью информационных и документальных программ. Основан в 2005 г. как альтернативное международным новостным корпорациям средство информации о событиях, происходящих в России и мире. Управляется АНО «ТВ-новости». Финансируется российским правительством из государственного бюджета. CGTN (China Global Television Network) — китайский международный новостной телеканал, ведущий трансляции на английском, русском, испанском, французском, арабском языках. CGTN является важным инструментом пропаганды и международного общения Китая, своего рода окном для экспорта имиджа страны. Эти два СМИ имеют как сходства, так и различия в стратегическом позиционировании, предложении контента и в выборе целевой аудитории.

4 февраля 2022 г. Президент России Владимир Путин прибыл в КНР с визитом по приглашению Председателя КНР Си Цзиньпина. В Пекине состоялись переговоры Владимира Путина и Си Цзиньпина. В ходе переговоров был принят пакет документов, в том числе совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. Президент России также посетил церемонию открытия XXIV зимних Олимпийских игр, прошедшую на Национальном стадионе в китайской столице. Визит Путина в Китай, несомненно, имеет важное международное значение, поэтому событие активно освещалось как на российском, так и на китайском телеканалах — CGTN и RT. В данной статье автор анализирует особенности этого освещения с различных точек зрения.

Методология и материалы исследования

В качестве основного метода исследования был использован контент-анализ выбранного эмпирического материала. Научную базу исследования составили работы российских и зарубежных исследователей, в частности, Е. Н. Богдан, Е. Л. Вартановой, И. В. Волковой, В. В. Клименко, Л. Т. Сафразьян и Ц. Цюй. Автор также опирается на труды Е. Л. Вартановой, посвященные теории медиа.

И. В. Волкова, В. В. Клименко и Л. Т. Сафразьян считают, что имидж политического лидера — это тот образ, который возникает в общественном сознании в результате воздействия личности лидера на социум, главным образом через СМИ. Средства массовой информации, с одной стороны, отражают образ, создаваемый самим лидером и его имиджмейкерами, а с другой стороны, сами формируют этот образ. Ц. Цюй указывает, что целью внешней пропаганды любых национальных СМИ является формирование положительного имиджа своей страны на международной арене. Е. Н. Богдан определяет понятие медиаобраза

государства как «выраженный в медийной среде образ страны, созданный посредством различных СМИ в сотрудничестве с разными сферами духовной деятельности и отражающий особенности текущего момента действительности» [Богдан, с. 5]. В условиях глобализации в связи с активным разноаспектным взаимодействием государств возник интерес к медиаобразам отдельных стран и народов. Поэтому все большую актуальность эта тема приобретает в контексте общемирового пространства и развития технологий и стратегий формирования медиаобраза [Ковач, с. 58].

Цель данного исследования: с помощью сравнительного анализа показать, как формируется медиаобраз лидеров стран у аудитории на международной арене, как освещается анализируемая тема, как показываются отношения между двумя странами в СМИ. Объектом исследования стали материалы на сайтах двух многоязычных телеканалов — RT и CGTN. Всего автором статьи были изучены 50 материалов, вышедших с 2 по 6 февраля 2022 г., из которых 21 материал был размещен на телеканале CGTN и 29 материалов — на RT. Критериями отбора послужила тематика материалов, а также ключевые слова: *Путин, Китай, Си Цзиньпин* и т. д.

Результаты исследования

Временное распределение количества сообщений двух СМИ об этом событии показано в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение количества сообщений RT и CGTN о визите Владимира Путина в Китай с 2 по 6 февраля 2022 г.

Канал	2 февраля	3 февраля	4 февраля	5 февраля	6 февраля	Общее число
RT	1	0	23	2	3	29
CGTN	1	6	9	4	1	21

Чтобы получить более глубокое понимание различий в концепциях новостей между RT и CGTN, автор делит 50 материалов на восемь категорий в зависимости от их содержания: предварительный разогрев, маршрут Путина, российско-китайские отношения, торговые обмены, Олимпийские игры, встреча лидеров двух стран, совместное заявление, влияние (табл. 2).

Анализируя данные, приведенные в табл. 2, можно заметить, что перед визитом Путина в Китай RT и CGTN соответственно «подогрели» это событие. RT опубликовал новость о том, что во время визита Президента России планируется принять солидный пакет двусторонних документов. А CGTN сообщил о том, что в преддверии своего визита в Китай Президент России Владимир Путин дал эксклюзивное интервью Шэнь Хайсюн, президенту и главному редактору China Media Group. Опубликовав интервью с Путиным, CGTN дал возможность читателям ознакомиться со взглядами Путина на зимние Олимпийские игры

в Пекине, китайско-российские отношения и т. д. Как видно из табл. 2, всего CGTN опубликовал семь новостей, а RT — только одну. Но RT дал больше информации о маршруте Путина, чем CGTN. Оба телеканала свои сообщения о прибытии Путина в Китай представили в виде текста и видео.

Таблица 2

**Тематическая классификация сообщений RT и CGTN
о визите Владимира Путина в Китай с 2 по 6 февраля 2022 г.**

Тематика	RT	CGTN	Общее число	%
Предварительный разогрев	1	7	8	16
Маршрут Путина	5	2	7	14
Российско-китайские отношения	4	4	8	16
Торговые обмены	2	1	3	6
Олимпийские игры	6	3	9	18
Встреча лидеров двух стран	3	3	6	12
Совместное заявление	3	1	4	8
Влияние	5	0	5	10

Сообщая о китайско-российских отношениях, RT отмечал, что они помогут смягчить кризис и будут способствовать снижению напряженности в мире. Это связано с международной обстановкой и положением, в котором находилась Россия в то время. А CGTN использовал такие заголовки, как «Китай и Россия: вместе ради общего будущего»¹, «Китай и Россия подтверждают поддержку основных интересов друг друга»². В целом и RT, и CGTN положительно оценили отношения России и Китая. Они подчеркивали, что двусторонние отношения России и Китая развиваются поступательно, в духе дружбы и стратегического партнерства.

Что касается темы экономических и торговых обменов между двумя странами, 4 февраля RT опубликовал новость, что Путин выразил уверенность в том, что торговый оборот России и Китая достигнет 200 млрд долл. В тот же день CGTN сообщил, что Китай придает особую важность экономическим и торговым обменам; в новостях звучит призыв к Китаю и России укреплять сотрудничество в области энергетики, чтобы продвигать крупные проекты сотрудничества в нефтегазовой отрасли.

Присутствие Владимира Путина на церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине было также важной частью визита. Как RT, так и CGTN сообщили, что Путин поприветствовал команду ОКР (Олимпийского комитета России) на открытии церемонии. Кроме того, 4 февраля RT опубликовал новость:

¹ China and Russia: Together for a shared future // CGTN. 06.02.2022. URL: <https://news.cgtn.com/news/2022-02-06/China-and-Russia-Together-for-a-shared-future-17qzCAyPMdi/index.html> (accessed: 15.06.2022).

² China, Russia reaffirm support on each other's core interests // CGTN. 04.02.2022. URL: <https://news.cgtn.com/news/2022-02-04/China-Russia-issue-joint-statement-17nD4B0yFHy/index.html> (accessed: 15.06.2022).

«Американский телеканал показал Путина во время прохода украинцев на церемонии открытия ОИ-2022»³. А у CGTN таких сообщений нет.

Что касается встречи лидеров двух стран в Пекине, RT цитировал Пескова, который заявил, что встреча лидеров была «теплой», «конструктивной» и «союзнической». CGTN также использовал позитивный тон: в заголовках присутствовали выражения «приятные моменты», «Олимпийская встреча».

В ходе саммита лидеров России и КНР было подписано 16 документов, включая совместное заявление. Это, несомненно, большое событие, которое привлекло внимание средств массовой информации обеих стран. В отличие от CGTN, RT в новостях опубликовал заявление о спортивных обменах между двумя странами — «Россия и Китай подписали заявление о проведении годов сотрудничества в области физкультуры и спорта»⁴. Кроме того, RT, говоря о вопросах безопасности России, сообщил новость о том, что Россия и Китай в совместном заявлении призывают Соединенные Штаты отказаться от планов по размещению ракет средней и меньшей дальности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и в Европе⁵. CGTN отдельно эту новость не выделил.

Еще одно различие между RT и CGTN заключается в том, что RT сообщил об оценке визита Путина в Китай. С одной стороны, он разместил информацию о комментариях США по поводу визита Путина в Китай, например: «Госдеп США: Си Цзиньпину нужно было убедить Путина “идти на деэскалацию” по Украине»⁶, «Псаки рассказала об отношениях США с Китаем на фоне встречи Путина и Си Цзиньпина»⁷; с другой стороны — информацию о влиянии этого визита на социальные сети, например: «Путин и Си Цзиньпин вошли в топ упоминаемых персон в англоязычных соцмедиа на фоне Игр в Пекине»⁸, «Путин возглавил топ упоминаемых персон в русскоязычных соцмедиа на фоне Игр в Пекине»⁹. Рейтинг сформирован, исходя из числа упоминаний в русскоязычных соцмедиа за сутки в контексте Олимпийских игр в Пекине. У CGTN подобных сообщений нет.

³ Американский телеканал показал Путина во время прохода украинцев на церемонии открытия ОИ-2022 // RT. 04.02.2022. URL: <https://russian.rt.com/sport/news/957419-putin-ukraina-delegaciya> (дата обращения: 15.06.2022).

⁴ Россия и Китай подписали заявление о проведении годов сотрудничества в области физкультуры и спорта // RT. 04.02.2022. URL: <https://russian.rt.com/sport/news/957505-kitai-rossiya-sotrudnichestvo-sport> (дата обращения: 15.06.2022).

⁵ Россия и Китай призвали США не размещать ракеты в Европе и АТР // RT. 04.02.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/news/957279-rossiya-kitai-ssha-rakety> (дата обращения: 15.06.2022).

⁶ Госдеп США: Си Цзиньпину нужно было убедить Путина «идти на деэскалацию» по Украине // RT. 05.02.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/news/957707-deeskalaciya-putin-si-czipnin> (дата обращения: 15.06.2022).

⁷ Псаки рассказала об отношениях США с Китаем на фоне встречи Путина и Си Цзиньпина // RT. 04.02.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/news/957655-belyi-dom-otnosheniya-pekin> (дата обращения: 15.06.2022).

⁸ Путин и Си Цзиньпин вошли в топ упоминаемых персон в англоязычных соцмедиа на фоне Игр в Пекине // RT. 04.02.2022. URL: <https://russian.rt.com/sport/news/957686-top-persony-socmedia> (дата обращения: 15.06.2022).

⁹ Путин возглавил топ упоминаемых персон в русскоязычных соцмедиа на фоне Игр в Пекине // RT. 05.02.2022. URL: <https://russian.rt.com/sport/news/958065-putin-upominanie-socmedia> (дата обращения: 15.06.2022).

Выводы

RT и CGTN являются важными международными СМИ в Китайской Народной Республике. Проведенное исследование показало, что между ними есть много общего и много различий, в частности, это подтверждает и освещение визита Владимира Путина в Китай. Всего автором статьи были изучены 50 материалов, вышедших в период с 2 по 6 февраля 2022 г., из которых 21 материал был размещен на телеканале CGTN и 29 материалов — на RT. Хотя у RT больше сообщений, чем у CGTN, но у CGTN более длинные новостные статьи, а также публикуются интервью с Путиным.

Россия и Китай на протяжении многих лет являются дружелюбными соседями и партнерами. В сотрудничестве между Китаем и Россией китайские СМИ играют незаменимую роль. Нетрудно заметить, что CGTN уделял больше внимания интервью Путина перед его приездом в Китай и пропаганде китайско-российской дружбы с целью создания дружественной среды для формирования общественного мнения и повышения социальных ожиданий. RT более сосредоточился на вопросах безопасности России и значении визита. Это было обусловлено международной обстановкой.

В целом сообщения двух СМИ о визите Владимира Путина в Китай носят позитивный характер. И RT, и CGTN положительно оценили отношения России и Китая. Оба канала подчеркивали, что двусторонние отношения России и Китая развиваются поступательно, в духе дружбы и стратегического партнерства.

В настоящее время СМИ, особенно международные, используются для формирования позитивного образа своих стран как у собственного населения, так и у населения других государств. С момента появления RT определил свою позицию — наблюдать за миром с российской точки зрения. А CGTN представляет голос Китая. Международные СМИ России и Китая могут поучиться друг у друга, чтобы лучше доносить до мира голоса своих стран.

Богдан Е. Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.

Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М., 2019. 224 с.

Волкова И. В., Клименко В. В., Сафразьян Л. Т. Имидж политических лидеров в СМИ // Мир России. 1997. Т. 6, № 3. С. 43–74.

Ковач О. А. Принципы конструирования медиаобраза государства // Медиасреда. Челябинск, 2019. С. 57–62.

Цюй Ц. О позитивном репортаже в зарубежном вещании // Современная коммуникация. 1991. № 2. С. 58.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022 г.

Научная статья

УДК 070.1:004.738.5 + 81'373 + 81'23:81'27 + 316.73:[008:327]

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.067

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

Светлана Олеговна Калганова^{1,2}

¹*Гуманитарный университет,
Екатеринбург, Россия,
svetit-vsegda@yandex.ru,*

<https://orcid.org/0000-0002-0194-0016>

²*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

А н н о т а ц и я. Статья посвящена проблеме происходящего в медиапространстве переосмысления лексических значений целого ряда идеологически окрашенных слов. Исследуются контексты, в которых сопоставляются эквивалентные понятия в рамках идеологического противостояния «Россия — Запад». Выявляются новые смыслы, приписываемые иноязычным эквивалентам под влиянием фактов общественной жизни. Показано, как на фоне иного, не соответствующего русской традиции понимания иноязычного эквивалента в русском слове актуализируются смыслы, связывающие его значение с реалиями российской жизни и российской культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лексическое значение; смысловое преобразование; актуализация смыслов; лексические эквиваленты; идеологический контекст; идеологическое противостояние; медиапространство

LEXICAL-SEMANTIC MAINSTREAMING IN THE CONTEXT OF CROSSCULTURAL COMPARISONS

Svetlana O. Kalganova^{1,2}

¹*The Liberal Arts University,
Ekaterinburg, Russia,
svetit-vsegda@yandex.ru,*

<https://orcid.org/0000-0002-0194-0016>

²*The Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

A b s t r a c t. The article addresses the issue of re-thinking lexical meanings concerning a wide range of ideologically biased words currently developing in media space. The author studies the contexts, which compare equivalent notions in the realm

of ideological confrontation between Russia and the West. New meanings are revealed attributed to foreign equivalents in response to the facts of public life. The article shows that having been set against traditional Russian understanding of foreign equivalent, Russian words actualize the meanings associated with realities of life and culture in today's Russia.

Key words: lexical meaning; semantic change; actualization of meanings; lexical equivalents; ideological context; ideological confrontation; media space

В условиях идеологической войны, особенно обострившейся в начале 20-х гг. XXI в., происходит смысловое преобразование многих слов в идеологической сфере. В течение последних двух лет мы внимательно изучали материалы СМИ пророссийской направленности, посвященные самым острым, самым злободневным политическим вопросам. Речь идет в первую очередь о программах радиостанции «Вести FM», таких как «Формула смысла», «Стратегия», «Иллюзия власти», «Восточная шкатулка», «Железная логика», «Полный контакт», а также о политических ток-шоу «Кто против?», «Вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия 1». Ведущие этих программ находятся буквально на переднем крае информационной войны. Так, Д. Куликов был в Донецке на референдуме о присоединении ДНР к России, С. Михеев начал выпускать программу «Человек Z» о героях спецоперации РФ на Украине, организовал фонд помощи беженцам и другим нуждающимся категориям граждан. Острота информационных поводов сочетается в перечисленных выше передачах с концептуальным подходом к изложению материала, горячие новости встраиваются в полемически заостренную по отношению к западной идеологии систему взглядов, направленную на защиту интересов российского государства. Эффективность работы журналистов оценила противная сторона, введя персональные санкции, в частности, против Д. Куликова, С. Михеева, В. Соловьева [Евросоюз запретил ввозить...; ЕС ввел санкции против...; Казначеев].

В исследуемом материале нам бросился в глаза активный процесс актуализации лексической семантики определенного круга слов, главным образом идеологически окрашенных, связанных с политической тематикой, с осмыслением самых злободневных событий. Актуализация состоит «в приспособлении виртуальных элементов языка к требованиям данной речевой ситуации» [Ахманова, 36].

Журналисты и их собеседники чувствуют необходимость в пояснении семантики используемых слов. Содержание, казалось бы, хорошо известных, давно устоявшихся понятий обсуждается, их смысловые признаки сопоставляются с современными реалиями российской и западной политической жизни, и в результате набор семантических компонентов уточняется, а в некоторых случаях основательно изменяется. Добавим, что потребность в определении понятий проявляется не только у участников перечисленных выше передач, материалы которых мы изучали особенно внимательно. Подобные обсуждения мы видели в публикациях и комментариях к ним на сайтах «Военного обозрения», «РИА Новости», «Взгляда», «Литературной газеты», в газете «Культура», в ряде телевизионных

передач, в популярных телеграм-каналах. Пояснения семантики используемых слов дают и политики, и чиновники, причем как российские, так и зарубежные. Следует отметить, что в периоды масштабных изменений в жизни страны внимание к слову всегда обостряется, появляется необходимость соотнести семантику языковых единиц и факты действительности, выработать систему понятий, позволяющих думать и говорить о новой реальности. Так было в Петровскую эпоху, так было в период формирования советской России и СССР [Шмелькова, с. 163–164], так было в 90-е гг XX в. [Вепрева; Шмелева], это происходит и сейчас. Интересно проследить, как на языковом уровне прорабатывается та информация, которая поступает в общественное сознание во время острых идеологических баталий.

Мы собирали материал в течение двух лет методом сплошной выборки. В итоге набралось больше двух десятков слов, использование которых вызывает у говорящих потребность в языковой рефлексии. Такие слова делятся на две группы: первая, наиболее многочисленная, касается внутреннего раскола российского общества, вторая связана с международной повесткой. Настоящая статья посвящена словам второй группы. Особенность этой группы слов в том, что их значения обсуждаются в контексте сопоставления с семантикой слов-эквивалентов в языках западных стран, в первую очередь в английском и немецком. Часть данной группы, связанная с темой «зеленой революции», уже рассмотрена нами в другой статье [Калганова, 2022].

В настоящем исследовании мы располагаем материал в виде словарных статей, описывающих традиционные значения лексических единиц и изменение составляющих их смысловых компонентов под влиянием тех или иных фактов политической жизни. При этом эксплицитно или имплицитно их значения в русском языке противопоставляются семантике слов-эквивалентов в языках стран — политических оппонентов.

Перейдем к анализу материала. Начнем с наиболее часто обсуждаемого слова — *демократия*. Повышенное внимание к нему объясняется тем глубоким разочарованием, которое испытывают люди, разрушившие свою страну ради символизируемых этим словом ценностей и с изумлением наблюдающие за их трансформацией в западном мире [Богомолов]. Сегодня слово «демократия», обживая нашу сферу общения, обзавелось новыми смыслами и оценочными коннотациями.

Приключения «демократии»

Вначале обратимся к отечественной традиции, которую фиксируют наши словари. М. Фасмер относит заимствование к эпохе Петра I [Фасмер, т. 1, с. 498]. В. Даль просто калькирует греческое слово: «Народное правление; народодержавие, народовластие, мироуправство, пртвоп. самодержавие, единоедержавие или аристократия, боярщина» [Даль, т. 1, с. 427].

Как видим, слово «демократия» издавна, вероятно, со времени своего рождения, существовало в контексте сопоставления, которое осуществлялось по ведущему признаку: власть чья? — народа (*mirь* у Даля; см.: [Даль, т. 2, с. 330]).

Базовый для советских словарей словарь под редакцией Д. Н. Ушакова дает следующее определение: демократия — «...форма правления, при которой власть осуществляется самим народом, массами, непосредственно или через представительные учреждения. В буржуазных странах демократия существует только формально. *Советский переворот дал невиданный в мире толчок развитию демократии... демократии социалистической (для трудящихся), в отличие от демократии буржуазной (для эксплуататоров, для капиталистов, для богатых).* Ленин [Толковый словарь русского языка].

Здесь противопоставление меняется: на первый план выдвигается поляризация «социалистический — буржуазный», что в дальнейшем на многие годы закрепляется, ср., например, в словаре Ожегова: демократия — «1. Политический строй, при котором власть принадлежит народу. *Социалистическая д. Страны народной демократии. Буржуазная д. (политический строй, при котором парламентаризм является прикрытием господства эксплуататорских классов, диктатуры буржуазии над трудящимися)*» [Ожегов, с. 154].

Таким образом, к нашему времени отечественная традиция пришла с двумя противопоставлениями: демократия — диктатура, социалистическая — буржуазная демократия. Теперь эпитеты меняются: демократия — «1. Форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод. **Подлинная, мнимая д. Формы, принципы демократии. Ограничение, подавление демократии. Борец за демократию. Расширять, укреплять демократию**» [Большой толковый словарь]. Идеальная картинка подлинной демократии предполагает, что весь народ выбирает президента, который затем принимает решения и действует в интересах своих избирателей, а также несет ответственность за эти решения. Вера в эту картинку сегодня пошатнулась, ср. реплику в комментарии к публикации «Сорос: главная угроза для США — это не Россия и не Китай»: «Диктатура кучки там давно, а не демократия» [Сорос: главная угроза для США...]. Говорящий противопоставляет то, каким он видит реальное положение дел, идеальной картинке «демократии» и констатирует отсутствие ее самого главного признака.

Отрицание самого основного признака «народная власть» в СМИ может происходить как замена слов: «демократия в Америке — это не демократия, это элитократия, т. е. власть кланов» [Формула смысла. 2022. 4 июля]. Это даже не замена слов, а замена «определения» при власти: вместо «демо-» — «элито-». Журналист Д. Куликов говорит о том же, но показывает, что такой демократия в США была с самого начала: «...государство США было образовано как демократия для узкой группы людей. Все остальные вообще никто. Ну, была градуировка: черные, латиносы, индейцы, китайцы — они совсем не люди, а всякие бедные и женщины — это полулюди» [Вечер с Владимиром Соловьевым. 2022. 12 июля].

За столетия функционирования в европейских и в русском языке семантика термина «демократия» дополнилась конкретизирующими смысловыми элементами. Прежде всего, как показывает политолог С. Судаков, в западноевропейской

и американской политологии постулируются следующие составные демократии: «Сменяемость власти, регулярные выборы, прозрачность формирования бюджета, и каждая из ветвей власти выполняет свою функцию, и ни одна из ветвей власти не имеет права давить на другую» [Иллюзия власти. 2022. 12 мая]. Каждый из этих признаков в наших СМИ обсуждается, сопоставляется с фактами политической жизни западных стран. Признак «сменяемость власти» в значении слова анализируется на примере американских президентских выборов 2020 г. Отмечается, что были нарушены все законы и процедуры, регулирующие выборную кампанию. По сути, все было отдано на откуп СМИ, поддерживающим демократическую партию. Информацией манипулировали на самом высоком уровне, например, политолог С. Судаков иллюстрирует это тем, как во время выборов Д. Байдена никто не стал раздувать скандал, связанный с его сыном, хотя там было все: деньги, наркотики, проститутки. Даже лояльные республиканцам СМИ отказались это печатать, опасаясь, что если демократическая партия проиграет, то им не поздоровится: «Да, мы согласны, что у вас правдивая информация, она снесет семью Байденов, но простите, мы слишком демократичны. Мы должны соблюсти те процедуры, которые у нас заведены» [Иллюзия власти. 2022. 12 мая].

Не менее драматичные процессы, по наблюдениям журналистов, происходят и в Европе. На примере Франции С. Судаков поясняет, что такое положение рождает неверие европейских избирателей в возможность на что-то повлиять. «Я не хочу сказать, что выборы во Франции были несправедливыми. Они были очень техничными. Француз, идущий на выборы, говорил: “Я не буду голосовать за Марин Ле Пен, потому что я знаю, что результаты будут подтасованы и ей никогда не дадут въехать в Елисейский дворец”. Тогда возникает вопрос: вы, европейцы, сами не верите в свою демократию. Что тогда вы нам продаете? Воздух? Иллюзию? А у вас самих демократия?» — так Судаков объясняет проигрыш Ле Пен, хотя она говорила то, что большинство французов хотело слышать [Там же]. Таким образом, выборы как вторая опора демократии оказываются фикцией, они не позволяют выбрать во власть достойных людей. Например, в российских СМИ со ссылкой на американские издания приводятся факты того, что состояние здоровья не позволяет президенту Д. Байдену не только принимать какие-то самостоятельные решения [В США испугались...], но даже прочитать подготовленный для него текст [Байден прочитал в эфире...]. Постоянно демонстрируется, что вице-президент Камала Харрис не способна построить осмысленную фразу [«Кто-то переработал»: в Сети высмеяли...].

Возникает вопрос: зачем такие люди были избраны на эти высокие посты? Журналист Д. Куликов объясняет: «...чтобы создавать декорацию, закрывающую реальные решения и реальных людей, которые эти решения принимают». Сменяемость власти позволяет списывать накопившийся негатив на предшественника и тем самым избегать всякой ответственности за прошлые неудачи и ошибки [Формула смысла. 2022. 22 июля]. «Вопрос о демократии можно теперь рассматривать как систему ухода от ответственности и систему сокрытия принятия реальных решений» [Там же. 15 апр.]. Декоративный характер приписывается

демократии также в следующей реплике: «Демократия — это один из худших вариантов управления, характеризующийся всегда взвешиванием для сравнения ценности прав одних и обязанностей других. Выиграет всегда тот, кто “взвешивает” и устанавливает правила этой “демократии”. Это просто красивая ширма для оболванивания большинства. Авторитарный режим несет меньше обмана и предполагает больше порядка и даже (!) ответственности. В то время, когда “абсолютная демократия” есть лишь власть толпы, охлократия» [Сорос: главная угроза для США...]. Степень ответственности политика высокого ранга перед избирателями прокомментировали практически все российские СМИ, процитировав слова главы МИД Германии А. Бербок: «Неважно, что думают мои немецкие избиратели, я хочу сдержать обещание людям Украины» [Кондратьева].

Наконец, признак «равноправие и независимость ветвей власти» опровергается приведенной выше историей о роли СМИ в выборах президента Байдена. Приписывается смысл «самая мощная, самая главная из всех ветвей власти — это СМИ». Политолог резюмирует: «Посмотрите, что СМИ сделали со всеми тремя ветвями властей. Они сказали: мы можем не входить ни в одну из этих ветвей, но мы можем сделать так, что вы просто не будете услышаны и все ваши действия будут растоптаны. Мы это сделаем фантастически быстро» [Иллюзия власти. 2022. 12 мая].

Таким образом, все три признака демократии в российских СМИ опровергаются и заменяются новым определением: «демократия в западном обществе — видимость, ширма».

Еще один признак, который актуализируется в значении слова «демократия», — «борьба». Этот периферийный признак виден в иллюстрациях к словарному толкованию: «борец за демократию», «расширять, укреплять демократию». В контекстах этот признак по-разному конкретизируется (борьба за что и с кем). Периодически вспоминают определение демократии, приписываемое Бенжамину Франклину: «Демократия — это договоренность между двумя хорошо вооруженными джентльменами» [tsitaty.ru]. Признак «борьба» конкретизируется как «борьба за свои интересы с равным противником». В определении Франклина фиксируется та точка в этой борьбе, когда наступает паритет сил.

Признак «борьба» может конкретизироваться как «борьба за интересы США с другими странами»: «...под демократией сейчас везде принято понимать власть американского народа. Если ты не согласен с волеизъявлением именно американского народа, то ты тиран» [Сорос: главная угроза для США...].

Часто признак «борьба» получает двуплановую конкретизацию: «борьба за интересы США, представленная как борьба за демократические ценности», т. е. актуализируется еще смысл «ложь»: «Демократии нет. Есть лишь демократические ценности, “защищая и оберегая” которые, можно “демократично” грабить и убивать» [Там же].

Признак «борьба» может представать как «борьба с инакомыслием с помощью насилия»: «Демократия — это власть демократов, которые демократично убивают

всех, кто против демократии» [Сорос: главная угроза для США...]. В последних высказываниях актуализируется также признак «жестокие, насильственные методы борьбы».

Различные признаки, конкретизирующие смысл «борьба», связывают понятие «демократия» со словами «фашизм», «колониализм», «миссионерство»: «Вот эта американская “демократия” и есть по сути фашизм» (по поводу требования подчиняться воле США) [Там же]; «Ну так Фидель Кастро еще предрекал Брежневу, если не ошибаюсь, что Россия еще будет воевать в Европе с фашизмом, который будет называться “демократия”» [Там же]; «Мы не должны всех “грести” под одну гребенку, делать под одну матрицу, которая в данном случае является американской. И вообще идея, что все, выйдя из колониального общества, должны прийти до того уровня организации общества, который есть в США, — это на самом деле абсолютно колониальная идея, и она ничем не отличается от той страшной колониальной идеи, с которой европейцы когда-то приходили в Азию, в Индию, в Китай и пытались объяснить, что христианство — это хорошо, а ваше, например, конфуцианство или синтоизм — это плохо, что те, кто веруют, спасутся, а те, кто не веруют, будут гнить и умрут. И навязывание этого стандарта привело в Азии к коллапсу, в том числе и европейской идеи, потому что любая западная идея пытается сама себя активно проповедовать. И вот когда мы говорим, что есть единый стандарт демократии и никакой другой демократии быть не может, это, конечно, от лукавого» [Восточная шкатулка. 2022. 8 февр.]. Очевидно, что во всех приведенных выше контекстах анализируемому понятию приписывается отрицательная оценка (семы «ложь», «насилие», «власть узкого круга лиц»).

Гримасы идеологической войны

ГЕНОЦИД

Это слово попало в контекст противопоставления, когда заявление президента В. Путина о геноциде русских на Донбассе канцлер Германии Шольц назвал смехотворным, поскольку он считает, что погибло не так много людей. Журналист рассуждает о слове «геноцид» как юридическом термине в русском языке и приводит его определение: «Для нас (геноцид. — С. К.) — юридическое понятие, за него есть юридическая ответственность: — уничтожение какой-л. группы по национальному, религиозному и т. д. признаку. Караться должно и само намерение геноцида». Формулировка журналиста совпадает с объяснением значения в толковом словаре: геноцид — «действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» [Ефремова]. Адресат соотносит с этим определением известные факты угнетения и уничтожения русскоязычного населения на Украине. Слово актуализирует смыслы «угнетение по национальному признаку», «в отношении русских на Украине».

Оценка какого-либо явления, когда уничтожают людей, объединенных принадлежностью к одной нации, религии и т. п., как геноцида всегда связана

с количеством пострадавших. С какого числа жертв это уже геноцид, а не просто отдельные случаи угнетения людей — установить невозможно, поэтому на данную тему нередко возникают споры, здесь важна процедура признания геноцида в отношении какой-либо группы людей мировым сообществом. Обычно это происходит через определенное (часто весьма продолжительное) время после соответствующих событий.

Например, геноцид армян со стороны Турции, происходивший в 1915 г., признали более ста лет спустя, в 2021 г., такие страны, как Америка, Россия, Франция, некоторые регионы Австралии, Великобритании, Испании, Мексики и Украины. Возражения Турции сводились к тому, что число жертв завышено. Аналогичный спор ведется по поводу отношения официального Китая к уйгурам [Национальный корпус языка]. Совсем недавно вопрос о геноциде советского народа подняли в Петербурге в связи с блокадой Ленинграда в годы Великой Отечественной войны [Блокаду Ленинграда надо признать геноцидом]. В этой части понимание данного слова О. Шольцем не противоречит нашему. Однако сколько бы ни было невинно погибших, в российской культуре это оценивается однозначно как трагедия, поэтому слово «смехотворный», использованное Шольцем, по контрасту актуализировало, многократно подчеркнуло негативную оценку, содержащуюся в слове «геноцид». Актуализируется исторический контекст — память о геноциде славян и евреев во время Второй мировой войны. Определение, подобранное канцлером ФРГ к слову «геноцид», резко контрастирует с сочетаемостными возможностями данной лексемы в русском языке.

НАЦИЗМ

Один из старейших и популярнейших советских словарей сообщает нам: нацизм — «германский фашизм» [Ожегов, с. 386]. То же самое читаем в современном словаре: нацизм — «германский фашизм» [Большой толковый словарь]. Юридическая энциклопедия расширяет толкование: нацизм — «название идеологии и практики гитлеровского режима в Германии в 1933–1945 гг. Сутью Н. являются тоталитарные террористические методы власти, а также официальная градация всех наций по степени их “полноценности”. Средством реализации идей Н. стали военная агрессия и геноцид. В ряде своих существенных черт сходен с фашизмом» [Юридическая энциклопедия]. Однако связь с Германией сохраняется.

В наши дни, в 10–20-е гг. XXI в., география меняется. Мы столкнулись с нацизмом на Украине. Язык немедленно откликнулся на это. Появились слова «укро-нацисты», «нацики» (по отношению к украинским сторонникам этой идеологии). Таким образом, в семантике слова происходит замена одного из компонентов. В условиях идеологической войны, когда обвиняемой в нацизме стороне совсем не хочется мириться с этим обвинением, семантика слова подвергается искажению, своеобразному камуфляжу. Такова замена: «нацизм» = «антисемитизм». Из этого суждения, как отмечает журналист и политолог Д. Куликов, следует первый вывод: «Если президент (Зеленский) еврей, то нацизма нет, потому что еврей не может быть антисемитом» [Вечер с Владимиром Соловьевым. 2022. 12 июля].

И нацистом тоже, конечно, быть не может. Есть и второй вывод: «Пока нацистская организация — это только против евреев, а против русских — это уже не нацизм» [Вечер с Владимиром Соловьевым. 2022. 12 июля].

Идеологический контекст поставляет аргументы против этих умозаключений. Во-первых, неважно, против какого этноса направлен «нацизм» [Там же]. Во-вторых, если нацизм = антисемитизм, то он вполне закономерен на Украине, которая так стремилась слиться с Европой. Слилась она или не слилась, но нацизмом заразилась, потому что германский нацизм/фашизм — естественное порождение расизма, в свою очередь, порожденного Европой. Приведем фрагмент разговора приглашенных на программу «Вечер с Владимиром Соловьевым»:

Д. Кулик о в: Расизм лежит в самом основании западноевропейской цивилизации. Это прослеживается из самой ее глубины. Более того, он настолько фундаментален и настолько культурен, потому что они культивировали его специально, включая все средства — литературы, политики и всего остального. Кстати, вот интересный вопрос: где были первые еврейские погромы? Они были в Испании! Открытые совершенно. А ведь это уже почти Новое время. А что в Англии было!

К. Шахназаров: Задолго до Гитлера из Англии выселяли евреев, из Испании выселяли евреев, из Франции выселяли евреев... [Там же].

При использовании слова «нацизм» в контексте событий на Украине смысловой компонент «враждебное, нетерпимое отношение» конкретизируется семантическими признаками: «к русским и русскоязычным», «со стороны украинского государства», «основанные на идее превосходства украинской нации». Такая конкретизация значения применительно к актуальной ситуации оставляет семантику слова в традиционных рамках: «основанная на ранжировании наций идеология, одним из средств которой является враждебное отношение к этносам, считающимся неполноценными».

Таким образом, семантика слова «нацизм» сохраняется, кроме одного компонента — «германский».

Детализируются и признаки, по которому украинские нацисты делят население страны на «своих» и «чужих». Если в гитлеровской Германии главными дифференцирующими признаками были физиологические признаки принадлежности к той или иной нации, то сейчас это любовь/ненависть к российскому государству.

Черты нацизма приписывают и русофобствующей Европе. Политтехнолог Андрей Перла в своем телеграм-канале сравнивает германский нацизм с современным европейским в отношении русских: «Русофобия — это, очевидно, самое точное слово для описания нынешней ситуации в Европе. Русских до одури боятся. А чтобы стать безопасным для Европы, надо перестать быть русским — то есть стать врагом Государства Российского <...> Впрочем, по сравнению с настоящим нацизмом виден некоторый прогресс: нацисты не давали евреям возможности отказаться от своего еврейства. Кровь есть кровь. Нынешние лидеры Европы допускают, что “хорошие русские”, уезжая из России, русскими быть откажутся» [Умный еврей при губернаторе. 2022. 10

сент.]. Язык фиксирует этот семантический сдвиг за счет нового словосочетания — «хороший русский».

СЕМЬЯ

В поле идеологических оценок втягиваются слова из, казалось бы, совершенно другой сферы.

В словаре В. Даля приведено традиционное толкование слова: семейство, семья — «совокупность близких родственников, живущих вместе», в тесном значении «родители с детьми». Женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью [Даль, т. 4, с. 173]. Семья рассматривается сегодня как важная традиционная ценность нации и характеризуется как союз мужчины и женщины, что закреплено в Конституции РФ.

В западном идеологическом лагере такое понимание подвергается яростным нападкам и отрицанию, понятие нормы размывается с детства: «Немецкое образование позволяет втюхать что угодно. Навязывание понятий родитель 1 и родитель 2 — это смерть традиционному семейному образу жизни. На родительском собрании нельзя говорить “я папа своего сына”, потому что рядом может сидеть мама — мать-одиночка или мать из однополого брака, там две мамы — это может оскорбить их. Это бред, и это вбивается в головы», — рассказывает писатель Владимир Сергеевко [Еврозона. 2021. 25 сент.]. В высказывании присутствуют противопоставленные друг другу понятия: «однополый брак» (уточняется его состав: «родитель 1», «родитель 2»; «две мамы»), неполная семья («мать-одиночка») и традиционная семья («традиционный семейный образ жизни», «я папа своего сына»). В слове «брак» за счет контекста («однополый») стирается ядерный смысловой компонент «мужчина и женщина». Понятие однополого брака получает резко отрицательную оценку как явление противоестественное, навязываемое немецким образованием, угрожающее существованию традиционного брака («смерть традиционному семейному образу жизни»). Неполная семья менее ярко, но тоже оценивается как негативное явление — «мать-одиночка». В противопоставление этим моделям вводятся обороты «традиционный семейный образ жизни», «я папа своего сына», которые поддерживают актуализацию в сознании слушателей общеязыкового значения слов «брак», «семья», и в нем на первый план выходит смысловой компонент «мужчина и женщина». Контекстом актуализируется положительная оценка (соответствующий норме, традиции).

СМИ фиксируют столкновение двух позиций по вопросу семьи также внутри РФ и оценивают точки зрения. «...вообще все, что касается нашего желания сохранить традиционную семью, сохранить какие-то традиционные семейные отношения внутри Российской Федерации, они сталкиваются тут же с достаточно широким кругом лоббистов. ...они, конечно, сориентированы на западный образ жизни. И они считают, что у нас должны быть широкие изменения в семейном законодательстве... как родитель № 1 и родитель № 2. Для нас, для российской семьи на сегодняшний день это вообще неприемлемо. Большинство из нас понимают, кто такая мама и кто такой папа. Большинство из нас, и в том

числе как дети, так родители, а я работаю очень много с детской средой, и дети с радостью называют маму мамой, а папу папой. Да, многие из них уже знают, что есть и другие виды сожительства взрослых людей, но для них это не пример [Институт семьи в контексте громких разводов...].

Пропаганда гендерной вариативности воспринимается людьми с российским менталитетом как угроза для их детей. Это заставляет некоторых эмигрантов возвращаться из Америки в Россию, чтобы не случилось ситуации, когда ребенок скажет: «Я был твоим сыном, а теперь я твоя дочка», т. е. смена ребенком пола для россиянина трагедия. Случаи из жизни зарубежных стран, когда, например, отца, возражавшего против смены ребенком пола, осудили, описываются как дикие [Плотникова].

В ряде СМИ подчеркиваются различия во внутрисемейных отношениях у американцев и у россиян. Политолог М. Бутина объясняет эти различия историческими причинами. На американский континент ехали в одиночку, нередко покидая семью навсегда. Из таких людей сформировалась американская нация. В России, наоборот, семья — это форма выживания, поэтому связи внутри семьи очень крепки. То, что в Америке считается нормой (детей после совершеннолетия отделяют от семьи, затем повзрослевшие дети отправляют родителей в дома престарелых или сдают им за деньги подвал в своем доме), кажется диким человеку российской ментальности. У россиян принято помогать детям в любом возрасте, а дети, в свою очередь, берут постаревших родителей к себе, чтобы ухаживать за ними.

Дети, предающие родителей, в Америке нормальное явление. Предавший отца Павлик Морозов — в России герой резко отрицательный [Богомолов].

В других СМИ (нам встретилось только на «Эхе Москвы») традиционная семья описывается как структура, где царит насилие по отношению к женщине и детям. Эта тема так или иначе поднимается, журналисты задают об этом вопросы, в частности, какие планируются законодательные меры для защиты женщины от домашнего насилия. А. Невзоров посвятил вопросу угнетения женщин в русской семье целую передачу, в которой, со ссылкой на Власа Дорошевича, рассказал о жутких случаях насилия над русскими женщинами со стороны мужей в дореволюционной семье и сделал заключение, что именно к такому типу семьи призывают те, кто ориентирует общество на традиционную семью [Невзоровские среды].

Таким образом, семантика слова «семья» в рамках идеологических споров приобретает дополнительный смысл: социальная группа, в которой традиционно царят жестокие и унижительные для одной из сторон отношения. Все-таки большинством народа такое «смысловое обогащение» не принимается.

Несовпадения...

ДРУЖБА, СОЮЗНИЧЕСТВО

Эти слова могут выступать в медиатекстах как синонимы для россиян и при этом противопоставляться тому, как их понимают на Западе.

Вспоминая опыт 90-х, попытки России дружить с западными странами, бывший разведчик-нелегал Андрей Безруков, проживший в США более 20 лет под видом обычного американца, отметил, что в российском понимании дружба между людьми и дружба между странами (союзничество) — это одно и то же. В ее основе — искренность, открытость. Он противопоставляет российское представление о дружбе западному (британскому и американскому), в основе которого прагматизм: «Когда вы говорите... о двуличном Западе-обманщике... надо учитывать, что у нас разные ментальности. ...Мы... предполагаем, что союзничество — это, прежде всего, быть с открытым сердцем, с душой нараспашку и все “по чесноку”, так сказать. А они так никогда не настроены. Для них союзник — чисто прагматическое понятие. Как говорит Генри Джон Темпл Палмерстон, премьер-министр Великобритании середины XIX века: “У нас нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны, и наш долг — следовать им...” Союзника можно обмануть, как британцы обманывали друзей по коалиции французов, даже не моргнув глазом. Американцы британцев и наоборот тоже не раз обманывали. У них нет понятия “открытой души”. И то, что мы надеялись на нечто подобное, — наша наивность. Еще со времен Колумба... были взяты на вооружение наступательность, прагматизм, захват, желание большего богатства и больших денег и попытки все, что плохо лежит, присвоить... Принцип прост: если у кого-то что-то плохо лежит и он не защищает это, мы заберем. Сила работает. Ты слаб? Все. Я у тебя оттяпаю кусок, твоя проблема, не надо быть слабым... Но как только они чувствуют нашу силу, все прекращается. Они сильных уважают». Исходя из этого, А. Безруков считает, что нам «надо привыкать разговаривать на том языке, который им понятен», необходимо «показывать силу, когда это надо, как показали в Крыму» [Сухомлинов].

Эти понятия описываются как тождественные и в текстах на тему дружбы народов в многонациональной России и в Советском Союзе. При этом эксплицитно или имплицитно такие отношения противопоставляются отношениям между западными странами и их колониями, отношениям между американцами и индейцами или неграми.

Но в СМИ есть и противопоставление дружбы между людьми и дружбы между государствами. Дружба между государствами, так же как и в приведенном выше западном понимании, основывается на прагматизме и отстаивании национальных интересов. Однако нет смыслов «обман партнера», «захват чужого силой». Способом отстаивания интересов называется договор. Например, «Московский комсомолец» пересказывает слова Владимира Путина, проводившего открытое занятие для детей 1 сентября: «По словам президента, дружба между странами носит прагматичный характер, а в случае с людьми — это совершенно другое. “Настоящая дружба — это когда мы не просто уважаем человека, а признаем, что он лучше нас, умнее, добрее. Вторая составляющая дружбы — когда мы готовы друга не просто поддержать, но при определенных обстоятельствах готовы на жертвы ради друга”, — сказал Путин». Затем пересказывается история о том, как на фронте его отца спас, рискуя жизнью, сосед [Путин рассказал школьникам о дружбе...].

Близкая точка зрения высказывается на ресурсе Яндекс.дзен, однако если Путин использует слово «дружба» по отношению к странам, то автор публикации на Яндекс.дзен полностью исключает эти отношения из понятия «дружба»: «Никакой дружбы между странами не существует в принципе! Состояние мира и партнерства между странами — это не дружба. Дружба — понятие межличностное. Дружить можно только на уровне людей. Между странами же все отношения договорные. Правительства разных стран постоянно пытаются договориться по тем или иным вопросам. При этом нормальным поведением при переговорах считается отстаивание национальных интересов. Если же мы той или иной стране идем на уступки в ущерб национальным интересам, то это никакая не дружба, а обычное предательство, возможно даже небескорыстное» [О дружбе между странами...].

Межличностной дружбе отношения между государствами противопоставлены по смысловому признаку «готовность идти на уступки в ущерб себе». Для межличностной дружбы это один из основополагающих признаков, а на уровне межгосударственных отношений подобное поведение приравнивается к предательству.

ПАТРИОТИЗМ

По данным М. Фасмера, слово «патриот» пришло к нам в эпоху Петра I [Фасмер, т. 3, с. 217]. Судьба заимствования оказалась непростой. Оно использовалось и в отрицательном смысле. Словари давно фиксируют выражение «квасной патриотизм», в частности у Д. Н. Ушакова значение формулируется так: «упрямая, тупая приверженность к бытовым мелочам национального быта», с пометами «книжн., публиц., ирон.» [Толковый словарь русского языка].

В период 90-х патриотизм стал немодным, мы, как уже говорилось, поклонялись не родине, а западному божеству. С охлаждением этого увлечения все постепенно начало возвращаться на круги своя. Как идеологически заряженное, слово не может не фигурировать в идеологическом дискурсе. При этом выявляется специфика смыслового наполнения слова в отечественной культуре. Патриотизм — «...любовь к отчизне, преданность своему отечеству, своему народу, выражающаяся в готовности отстаивать интересы родины. *Воспитывать в духе патриотизма. Пробуждать чувство патриотизма в душе. Патриотизм во время войны* // Чувство гордости за принадлежность к какому-л. коллективу, приверженность к какому-л. месту и т. п.» [Большой толковый словарь]. Те же признаки «преданность своей стране», «готовность активно отстаивать ее интересы» фиксируются в английском языке: «Patriotism — the quality of being patriotic; devotion to and vigorous support for one's country» [Oxford languages].

СМИ останавливаются на периферийном признаке «отношение к малой родине». И вот здесь-то выясняется, что «у американцев связи с малой родиной слабее, чем у россиян». М. Бутина аргументирует этот признак особенностями формирования американской нации, которую составляют люди, чьи предки оставили свою родину, а также нередко семью, и уехали на другой континент искать счастья [Формула смысла. 2021. 27 авг.]. Второй аргумент — специфика

современной американской жизни, когда человек ради, например, более интересной или высокооплачиваемой работы легко может переехать в другой штат. Рассказ об этом сопровождается комментарием журналиста: «У нас есть понятие родины. Мы не склонны к перемене мест». Благодаря словам журналиста «понятие родины» возникает сопоставление с русским пониманием слова «патриотизм». В таком контексте имплицитно актуализируется признак «россияне обычно привязаны к малой родине, к семье и друзьям, природе» [Дела житейские. 2022. 2 янв.]. Этот признак находит отражение в культуре, например, в песне на слова М. Матусовского: «С чего начинается Родина? ... с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе», в песне А. Варум: «Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться в городок, на нашу улицу в три дома, где все просто и знакомо, на денек», в песнях Окуджавы с его московскими двориками [Майданова, Чепкина, с. 289].

Благодаря питающей патриотическое чувство связи человека с родными людьми в понятии «патриотизм» выделяется признак «кровная связь»: «Любовь к Родине отражена в языке, причем это любовь “плотская”, кровная. На всех европейских языках “родина” — это “родитель”, “родной”. Отец — “отчизна”, “отечество”, patria, Vaterland, или мать. Αγάπη φίλα μάτηρ, “любимая мать,” обращается Пиндар к острову Эгине, родине восплаемого атлета» [Бартошевич-Жагель]. Утрата этой связи чревата кризисом национальной самоидентификации (национальной идентичности): «Понятие “человечество” эволюционно не подтверждается, — пишет современный немецкий исследователь Ф. Вукетис. — Представление о Земле как об общем доме есть абстракция. И именно в современных обществах, угрожающих полной утратой условий идентификации, тоска по Родине становится особенно острой... Притягательная сила понятия “Родины” особенно отчетливо обнаруживает себя в идее народа, в образах “Матери-Земли”, в мифологии “почвы и крови» (цит. по: [Михайленко, Нестерова, с. 135]). Как видим, данный признак противопоставляет российское и американское представление о патриотизме, но является общим для этого понятия в европейских языках.

Слово «патриотизм» связывается со словом «общество», тоже обсуждаемым в СМИ. Так, в передаче «Формула смысла» политолог Р. Ищенко противопоставляет традиционное общество, в котором люди эмоционально привязаны к дому, американскому «кочующему» обществу [Формула смысла. 2022. 1 июля]. Другие контексты противопоставляют патриотизм россиян наплевательскому отношению американских корпораций к своей стране. Руководствуясь корыстными интересами, последние спокойно могут ее разрушить, пустить по миру [Стратегия. 2021. 1 нояб.]. Имплицитно актуализируется смысловой признак «забота об интересах своей страны».

СТАРОСТЬ

В контексте разговора об очередном конфузе, случившемся из-за состояния президента Д. Байдена, журналист начал сетовать, что в Америке все стремятся превратить в шоу и пожилой президент становится заложником этого

бизнес-политического действия, его заставляют вести себя не сообразно возрасту, например, кататься на велосипеде. И тут у журналиста возникает необходимость пояснить, что значит старость, чем она ценна: «Старость — это мудрость, какой-то жизненный опыт. За это уважают старых людей, а вовсе не за умение кататься на велосипеде» [Железная логика. 2022. 14 июля]. Актуализируются смыслы, связанные с положительным результатом пожилого возраста.

... и совпадения

ИМПЕРИЯ

Год назад мы писали о семантических изменениях слова «империя», о попытках его нового смыслового наполнения в речи политологов, журналистов, государственных деятелей, выступающих в СМИ. Эти изменения были обусловлены поисками новой идеологической концепции, которая могла бы объединить российское общество, наметить перспективу развития государства [Калганова, с. 50–51]. В частности, мы обращали внимание на изменение оценочных контекстов для данного слова. Если в советское время писали об отрицательных чертах Российской империи или критиковали западное обозначение СССР как «империи зла», то в современном российском медиапространстве слово «империя» начало менять семантику, сочетаемость и приобрело положительную идеологическую оценку. Однако до недавнего времени сохранялось противопоставление положительной оценки понятия «империя» в словах россиян и отрицательной — в пересказе текстов западных журналистов (ср. заголовки публикации в «Новой газете» о ситуации в современной России: «Между безумием имперским и капиталистическим»). Теперь, после того как СМИ рассказали о предложении британского премьер-министра Бориса Джонсона воссоздать Римскую империю, наметилось полное исчезновение отрицательной коннотации у данного слова. Сразу начала меняться и парадигматика лексемы: стала размываться оппозиция «империя — демократия», появилась оппозиция «империя — хаос». Проиллюстрируем эти выводы выдержками из беседы журналиста Д. Куликова и А. Лосева, члена президиума Совета по внешней и оборонной политике, в программе «Формула смысла»:

Д. Куликов: Борис Джонсон сказал, что надо воссоздать Римскую империю. Вернул слово «империя» в лексикон соплеменников, со знаком плюс... Раньше они обвиняли Россию в имперском сознании, а сейчас у них мечта о своей империи с Лондоном в центре. О демократии уже не помнят.

А. Лосев: Империя — способ организации жизни общества. На протяжении веков существовали разные типы империй: Рим домината и Рим принципата, Византия, Россия, Советский Союз — все это совершенно разные типы империй. К этому слову надо относиться позитивно. Это не монархия, это способ организации жизни людей, территории, управления, способ создания структур, противостоящих хаосу [Формула смысла. 2022. 1 июля].

Как видим, в определении А. Лосева значение слова максимально расширилось и, по сути, свелось к родовому признаку. Учитывая приведенные примеры,

можно сформулировать еще один дифференциальный семантический признак — «многонациональное государство».

Подведем итог.

Основу семантических противопоставлений составляют идеологемы, вместе с тем в поле идеологических оценок втягиваются слова, не являющиеся идеологемами (семья, старость, дружба, союзничество), но выражающие важные для российской культуры смыслы. В результате набор семантических компонентов уточняется, значению приписываются новые смыслы, либо дополняющие (нацизм), либо заменяющие (демократия, семья) признаки, составляющие словарное значение.

Противопоставление слов-эквивалентов может происходить за счет выдвижения на первый план периферийных признаков при неизменности ядерных компонентов значения (патриотизм, дружба, союзничество, старость).

Актуализация значения может касаться только оценочного компонента (геноцид, империя). Сходные процессы, происходившие в 90-е гг. прошлого века, описывала И. Т. Вепрева, исследуя рефлексивы [Вепрева, с. 242–286].

Смысловые сдвиги приводят к расширению сочетаемостных возможностей слов, к появлению новых дериватов.

В заключение отметим, что процесс актуализации значений слов происходит по всему медиaprостранству: и в СМИ, и в комментариях к медиапубликациям, и в блогах, и в социальных сетях, и в мессенджерах — везде практически ежедневно мы встречаем стремление объяснить значение используемых лексем, словно люди вдруг обнаружили, что современную реальность нельзя описать привычными словами. Наш список слов продолжает пополняться.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 598 с.

Байден прочитал в эфире подкаста с телесуфлера «конец цитаты» // Взгляд. 2022. 8 июля.

Бартошевич-Жагель О. Развод с Родиной // Культура. № 5. 2021. 27 мая.

Блокаду Ленинграда надо признать геноцидом // Военное обозрение. 2022. 22 сент.

Богомолов К. Манифест режиссера. Похищение Европы 2.0 // Новая газета. 2021. № 14. 14 февр.

Большой толковый словарь. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 12.07.2022).

В США испугались изменений в поведении Байдена // Взгляд. 2022. 1 окт.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. 380 с.

Вечер с Владимиром Соловьевым // Россия 1. 2022. 12 июля.

Восточная шкатулка // Вести ФМ. 2022. 8 февр.

Гаврилова М. В. Семантическое развитие понятия «демократия» в русском политическом дискурсе // Символическая политика : сб. науч. тр. М., 2014. Вып. 2 : Споры о прошлом как проектирование будущего. С. 250–263.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 1, 2, 4.

Дела житейские // Вести ФМ. 2022. 2 янв.

- Еврозона // Вести ФМ. 2021. 25 сент.
- Евросоюз запретил ввозить в Россию дорогие авто и ввел санкции против олигархов // Новые ведомости. 2022. 16 марта.
- ЕС ввел санкции против Шойгу, Захаровой, Соловьева, Симоньян и еще против 400 россиян // ТАСС. 2022. 24 февр.
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 05.07.2022).
- Железная логика // Вести ФМ. 2022. 14 июля.
- Иллюзия власти // Вести ФМ. 2022. 12 мая.
- Институт семьи в контексте громких разводов. Влияние западных лоббистов на традиционные семейные ценности : интервью с Е. Афанасьевой, сенатором РФ // Эхо Москвы. 2020. 6 авг.
- Казначеев С.* Четкий: Гражданская позиция и стиль аналитики Сергея Михеева // Лит. газ. 2020. 7 июля.
- Калганова С. О.* Зеленые ценности: благо или угроза (на материале российских СМИ) // Актуальные проблемы медиапространства: от теоретических аспектов до практической реализации : сб. науч. ст. / под ред. Е. В. Мартыненко. М., 2022. С. 169–178.
- Калганова С. О.* Поиски идеологической концепции и семантика идеологемы // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 3. С. 46–61.
- Кондратьева В.* Глава МИД Германии сочла жителей Украины важнее своих избирателей // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2022/08/31/berbok_ukraina/ (дата обращения: 31.08.2022).
- «Кто-то переработал»: в Сети высмеяли «содержательное» выступление Камалы Харрис // РИА Новости. 2022. 16 мая.
- Майданова Л. М., Чепкина Э. В.* Медиатекст в идеологическом контексте : монография. Екатеринбург, 2011. 304 с.
- Михайленко В. И., Нестерова Т. П.* Тоталитаризм в XX веке: теоретический дискурс. Екатеринбург, 2000. 196 с.
- Национальный корпус языка. 2003–2022. URL: <https://processing.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 08.07.2022).
- Невзоровские среды // Эхо Москвы. 2020. 12 авг.
- О дружбе между странами // Яндекс-дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/simplewords/odrujbe-mejdu-stranami-5dbe7a303639e600adc21490> (дата обращения: 10.07.2022).
- Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М., 1963.
- Плотникова Л.* Канадца посадили в тюрьму за то, что он называл свою дочь дочерью // Комс. правда. 2021. 22 марта.
- Путин рассказал школьникам о дружбе на примере своей семьи // Моск. комсомолец. 2021. 1 сент.
- Сорос: главная угроза для США — это не Россия и не Китай // Военное обозрение. 2022. 13 июля.
- Стратегия // Вести ФМ. 2021. 1 нояб.
- Сухомлинов В.* Андрей Безруков: «Еще лет десять США будут больной державой» // Лит. газ. 2021. № 11, 17 марта.
- Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. М., 1935–1940. Т. 1. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/786962> (дата обращения: 10.07.2022).
- Умный еврей при губернаторе : [телеграм-канал]. 2022. 10 сент. URL: <https://t.me/governorsjew/4561>
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1964–1973. Т. 1, 3.
- Формула смысла // Вести ФМ. 2021. 27 авг.
- Формула смысла // Вести ФМ. 2022. 15 апр.
- Формула смысла // Вести ФМ. 2022. 1 июля.
- Формула смысла // Вести ФМ. 2022. 22 июля.
- Формула смысла с Т. Сергейцевым // Вести ФМ. 2022. 4 июля.

Цитаты и афоризмы : [сайт]. URL: <https://tsitaty.ru/q/demokratiya-eto-dogovor-o-pravilah-mezhdu-horoshho-vooruzhennyimi-dzhentlmenami> (дата обращения: 16.09.2022).

Шмелева Т. Ключевые слова текущего момента. Красноярск, 1993. 44 с.

Шмелькова В. В. Отражение в лексике русского языка динамики развития русской культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 161–167.

Юридическая энциклопедия. URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru (дата обращения: 12.07.2022).

Oxford languages. URL: <https://languages.oup.com> (accessed: 09.07.2022).

Статья поступила в редакцию 23.09.2022 г.

Научная статья

УДК 82-941 + 141.4 + 27-584 + 279.99

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.068

«ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ КАТЕХИЗИС ИСТИННЫХ ФРАНКМАСОНОВ» И. В. ЛОПУХИНА КАК ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ МАСОНСКОГО ИДЕАЛА ЧЕЛОВЕКА

Елена Евгеньевна Приказчикова

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

miegata-logos@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9018-6213>

А н н о т а ц и я. В статье анализируется проблематика «Нравоучительного катехизиса истинных франкмасонов» И. В. Лопухина в составе трактата «Духовный рыцарь, или Ищущий премудрости» (1791). «Нравоучительный катехизис...» рассматривается как текст, в котором отражается путь формирования масонского идеала человека с ориентацией на философию розенкрейцерства. Цель статьи: доказать, что ответы на 40 вопросов «Нравоучительного катехизиса...» представляют собой этическую основу творчества И. В. Лопухина. Опираясь на методики идейно-тематического и субкультурного анализов, автор статьи выделяет следующие темы, поднимаемые И. В. Лопухиным: доказательство христианского начала масонского учения, описание «научного» познания масонами христианских таинств, процесс совлечения с человека ветхого Адама и торжество возрожденного человека, живущего в царстве Астрии. В «Нравоучительном катехизисе...» присутствует опровержение правительственных слухов о масонах как о политических врагах России, подробно описывается этическая составляющая частной жизни истинного франкмасона, включая его отношение к семье, слугам, собственности. В конце статьи говорится о дальнейшем развитии традиции «духовного рыцарства» в трудах русских мыслителей и писателей XIX–XX вв.: от славянофилов до культуры Серебряного века.

© Приказчикова Е. Е., 2022

К л ю ч е в ы е с л о в а: русское масонство XVIII в.; «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов»; И. В. Лопухин; розенкрейцерство; «духовный рыцарь»

**“THE MORALIZING CATECHISM OF TRUE FREEMASONS”
BY I. V. LOPUKHIN
AS A WAY OF FORMING THE MASONIC IDEAL OF MAN**

Elena E. Prikazchikova

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
miegata-logos@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9018-6213>*

A b s t r a c t. The article analyzes the problems of I. V. Lopukhin’s “Moralizing Catechism of True Freemasons” as part of the treatise “The Spiritual Knight, or the Seeker of Wisdom” (1791). “The Moralizing Catechism” is considered to be a text that reflects the way of formation of the Masonic ideal of a person with a focus on the philosophy of Rosicrucianism. The purpose of the article: to prove that the answers to 40 questions of the “Moralizing Catechism” are the ethical basis of I. V. Lopukhin’s work. Based on the methods of ideological-thematic and subcultural analyses, the author of the article highlights the following topics raised by I. V. Lopukhin: proof of the Christian origin of Masonic teaching, description of the “scientific” knowledge of the Christian mysteries by Freemasons, the process of removing the “Old Adam” from a person and the triumph of the “Reborn man” living in the kingdom of Astrea. The “Moralizing Catechism” contains a refutation of government rumors about Masons as political enemies of Russia, describes in detail the ethical component of the private life of a true Freemason, including his attitude to family, servants, property. At the end of the article, the development of the tradition of “spiritual chivalry” in the works of Russian thinkers and writers of the 19th–20th centuries is outlined: from the Slavophiles to the culture of the Silver Age.

К е у в о р д s: Russian Freemasonry of the XVIII century; “The Moralizing Catechism of the True Freemasons”; I. V. Lopukhin; Rosicrucianism; “spiritual chivalry”

Масонская субкультура оказала большое влияние на формирование русской культуры XVIII в. Философ Н. А. Бердяев связывал с деятельностью масонов наступление «эпохи разрыхления русской души», когда стала «образовываться русская всечеловечность, характерная для XIX века» [Бердяев, с. 20]. По мнению британского слависта И. де Мадариага: «Наверно, нигде в Европе масонство не сыграло такой большой роли в развитии культурной жизни... как в России» [Мадариага, с. 829].

Важнейшую часть масонского учения занимал миф о человеке. В масонской антропологии человек рассматривался как ветхий Адам, падшее существо, которое благодаря остающемуся внутри него «божественному свету» и собственным усилиям может пройти тернистый путь внутреннего духовного возрождения.

В качестве примера подобного возрождения масоны рассматривали путь Иисуса Христа как образец пути идеального Богочеловека. Жизнь, смерть и воскресение Иисуса Христа давали надежду брату масону на возвращение своей утраченной в результате грехопадения божественной сущности. Как следствие, сам масонский миф о человеке являлся своеобразной мистерией «возрождения» человеческого духа, совлечения с него оболочки ветхого Адама. Как писал С. М. Некрасов, «...разрушение испорченного, порочного и несовершенного (“ветхого, брюховного”) человека, и создание нового, — духовного, избавленного от пороков и заблуждений (“ментального”), — должно было составлять основное занятие (по масонской терминологии — работу), членов лож» [Некрасов, с. 54]. Масоны считали, что истинным христианином можно стать, только пройдя через длинный и трудный путь всевозможных «искушений» плотского мира, его «страстей», совершая при этом насилие над собственной «злой» волей. В результате, по мнению В. И. Сахарова, «лишь возрожденный человек может упорядочить, просветлить духом и верой, гармонизировать неустроенный мир косной материи и привести человечество к новому веку Астреи, блаженству, гармонии, честному миру...» [Сахаров, с. 10].

Русская масонская субкультура, как и большинство европейских (континентальных), берет свое начало от английского масонства, которое можно считать колыбелью масонской субкультуры как таковой [Jacob, 1981, 1991; Katz]. С. П. Карпачев отмечал, что термин «франкмасон» появился в английских документах еще в конце XIV в. При этом английская традиция связывает его со «...свободными камнями мягких пород: мрамором, известняком и пр., которые, в отличие от обыкновенных камней, использовались для более тонкой художественной работы. Термин первоначально обозначал более квалифицированных работников» [Карпачев, с. 8]. В данном случае речь идет о ритуалах средневековых строительных (цеховых) братств¹. Сама же история масонства XVIII в. начинается в 1717 г., когда в день св. Иоанна Крестителя, 24 июня, четыре лондонские ложи объединились в Великую ложу Лондона. В 1738 г. Великая ложа Лондона получила название «Великая ложа Англии». Именно от нее, по справедливому мнению С. П. Карпачева, «...шло распространение на европейский континент и по всему миру английской системы масонства. Она стала материнской для большинства масонских лож мира» [Там же, с. 11].

В 1731 г. английский капитан Дж. Филипс был назначен провинциальным великим мастером всех лож России. Однако, как проясняет Т. М. Файзиев, практически все английские ложи первой половины XVIII в., возникающие на континенте, «были закрыты для местных жителей; они учреждались иностранцами для своих соотечественников» [Файзиев, с. 141].

К 1740-м гг. в английском масонстве возникает тенденция к созданию более благородной генеалогии масонского братства, чем цеховые союзы средневековых

¹ Подробно об этом см.: *Daynes G. Pi. The birth and growth of the Grand Lodge of England (1717–1926). L., 1926. 187 p.*; *Киясов С. Е. От гильдий каменщиков к философским ложам (масонские метаморфозы в Англии XVI–XVII вв.) // Диалог со временем. 2009. № 27. С. 353–361.*

каменщиков. Одним из первых идеологов нового масонства стал шотландский дворянин Михаил Рамсей (Эндрю Майкл Рамсей, шевалье Рэмзи), который выдвинул концепцию о происхождении масонов от ордена рыцарей Храма (храмовников), уцелевшие члены которого после разгрома 1307 г. и упразднения ордена в 1312 г. укрылись в Шотландии [Gould]. Шотландское масонство считало, что первые три масонские степени (Иоанновы степени, названные в честь Иоанна Крестителя) ученические, в то время как истинное масонство можно найти лишь в высших степенях. Таким образом, в масонстве возникла концепция «тайного знания», которая оказала влияние на все последующие направления масонства, включая розенкрейцеров.

Именно с розенкрейцерством была связана мистическая составляющая русского масонства. Начало «Братству Розы и Креста» было положено деятельностью немецкого мистика Христиана Розенкрейца, жившего в XV в., жизнь которого была описана в работе «Fama Fraternitatis» («Слава Братства»). В 1710 г. пастор из Силезии Зигмунд Рихтер опубликовал трактат «Теоретико-практическая теософия. Истинное и полное приготовление философского камня братства от ордена злато-розового креста», в котором излагались основы розенкрейцеровского учения. Первая розенкрейцеровская масонская ложа была создана в 1757 г. во Франкфурте. Она носила название «Братство золотых розенкрейцеров» или «Братство злато-розового креста». Достаточно быстро философия розенкрейцерства пришла в Россию, где ее последователями стали писатель М. М. Херасков, его двоюродный брат князь Н. Трубецкой и один из идеологов русского масонства Иван Владимирович Лопухин, видный государственный деятель Российской империи, действительный тайный советник и сенатор. При этом русские масоны не только воспринимали западноевропейский опыт вольных каменщиков, они демонстрировали ярко выраженную национальную составляющую масонской нравственной идеологии, которая касалась, прежде всего, отношений «внутренней церкви» и «внешней церкви».

Лопухин стал членом общества розенкрейцеров в 1782 г. В 1783 г. Лопухин организовал свою типографию, которая вместе с университетской типографией Н. Новикова стала основным пропагандистом масонской литературы в России. Так, именно в типографии Лопухина печатался известный масонский журнал «Магазин свободнокаменщический» (1784). 31 мая 1784 г. под управлением Лопухина открылась ложа «Блистающей звезды». Именно Лопухина Н. К. Пиксанов называл ведущим «теоретиком и публицистом русского масонства» [Пиксанов, с. 254]. Перу Лопухина принадлежат трактаты «Некоторые черты о внутренней церкви, о едином пути истины и о различных путях заблуждения и гибели» (1789) и «О ЗНАОΣΟΦΣ Искатель премудрости, или Духовный рыцарь» (1791)².

Именно в «Духовном рыцаре» Лопухина А. С. Янушкевич увидел «первый в русском общественно-культурном сознании опыт воспитания “внутреннего

² В эпоху Екатерины II произведение распространялось в списках. Первое издание «Духовного рыцаря» было осуществлено после 1799 г., второе — после 1810 г.

человека» [Янушкевич, с. 156]³. Данная характеристика исследователя относилась главным образом к нравственно-этическому композиционному центру трактата — «Нравственному катехизису истинных Ф---к М---в»⁴.

«Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов» был написан Лопухиным до создания «Духовного рыцаря», еще в 1788 г. В 1790 г., чтобы повысить уровень авторитетности своего текста, Лопухин переводит его на французский язык и под названием «Catechisme moral pour les vrais F. M.» издает как сочинение, полученное из-за границы.

Н. Д. Кочеткова, вслед за А. Г. Суровцевым, автором книги «Иван Васильевич Лопухин. Его масонская и государственная деятельность» [Суровцев], предположила, что поводом к созданию этого произведения были споры автора «Нравоучительного катехизиса...» с Платоном Левшиным (архиепископом Платоном) о масонстве, которые «подали Лопухину мысль сочинить “Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов”, в котором он стремился обосновать тождественность масонства и христианства» [Кочеткова, с. 230].

Можно предположить с большой долей вероятности, что, создавая катехизис *истинных* масонов, Лопухин тем самым вступал в полемику с Екатериной II, создававшей «шутовские катехизисы» масонов, дискредитируя тем самым их в глазах русского общества⁵. Так или иначе, представляя собой идейно-нравственную основу масонского творчества Лопухина, «Нравоучительный катехизис...» впоследствии включался автором и в состав «Духовного рыцаря», и в состав трактата «Несколько мыслей о внутренней церкви» (2-е изд. 1798 г.), и в состав его записок. Н. Д. Кочеткова писала о «Катехизисе»: «В книге, получившей одобрение К. Эккартсгаузена и переведенной также на нем. и фр. языки, нашли отражение попытки Лопухина соединить христианство с некоторыми идеями Х.-А. Гаугвица, И. Арндта, Я. Бёме и др.» [Там же]. А. Г. Суровцев высказывает справедливое мнение, что в «Нравоучительном катехизисе...» «представлена внутренняя сторона масонства, его отличительные черты и особенности» [Суровцев, с. 44].

«Нравоучительный катехизис...» состоит из 40 вопросов и ответов на них. Начинается произведение с вопроса «Истинный ли ты Ф. М.?»⁶, а заканчивается вопросом «Когда всякое Странствие, Труд и Работа престанут?». Отвечая на эти вопросы, Лопухин последовательно рассматривает все аспекты взаимоотношений франкмасонов с миром: взаимоотношения с христианской церковью, с государем,

³ Для сравнения, в художественной литературе масонства этот путь будет прекрасно отражен в поэме М. М. Хераскова «Владимир Возрожденный», где возрождение князя Владимира как раз и означает переход от «тварного» человека, ветхого Адама к человеку «внутреннему».

⁴ Помимо «Нравоучительного катехизиса...» в трактате есть часть «Общие правила духовных рыцарей или ищущих премудрости» и авторские комментарии к трактату под названием «Любопытству Читателя» и «Еще из Сердца того же Автора». В «Общих правилах духовных рыцарей» подробно описывается обрядовая сторона масонской деятельности, включая «приготовление» кандидата к вступлению в ложу, обряды столового собрания, праздники общества и рыцарские одежды. В комментариях Лопухин рассказывает историю создания трактата, повествует о происхождении истинного «каменничества древней системы», размышляет о влиянии истинного каменничества на церковь христианскую и дает краткие сведения о внутренней церкви и об образе истинного мастера этой церкви.

⁵ Речь идет о работах Екатерины II «Тайна противонелепого общества» и «Общество незнающих».

отношения к родителям, жене и детям, к противникам, к подчиненным («подвластным»), к людям вообще. Что касается «внутренней стороны масонства», то принципиально важными для Лопухина оказываются вопросы, связанные с таинствами ордена, с отношением к войне, с «употреблением» собственного имени, с отношением к пище и питью, с подготовкой к собственной смерти. Наконец, присутствует вопрос, связанный с началом и концом истинной работы брата масона в нравственности.

Одна из основных задач, которую решает Лопухин своим «Нравоучительным катехизисом...», доказать христианское начало масонского учения. Более того, ему необходимо внушить читателям мысль о том, что именно масоны являются по духу истинными христианами. На вопрос 3 «Какая Цель Орд. Истинных Ф. М.?» дается ответ: «Главная Цель его та же, что и Цель Истинного Христианства» [Лопухин, с. 31]⁶.

Соответственно, главным долгом истинного Ф. М. (вопрос 4) объявляется задача «Любить Бога паче всего и ближнего как самого себя» (с. 32). В качестве главного упражнения (работы) истинных Ф. М. выступает «Последование Иисусу Христу» (с. 32). Тем не менее уже с первого вопроса катехизиса намечается отличие между ортодоксально христианским и собственно масонским взглядами на мир. На вопрос «Истинный ли ты Ф. М.?» следует ответ: «Мне известны та невидимая и неустроенная Земля, и те Воды, на коих носился Дух Великого Строителя Вселенной при ее сотворении» (с. 31). Этот ответ, во-первых, сразу определяет Бога как Великого Архитектора Вселенной (Великого Геометра), что было характерно не только для масонов, но и для эпохи Просвещения в целом, а во-вторых, указывает на тайный характер знаний, присущий братьям, особое масонское искусство, позволяющее им постигать тайны «невидимой и неустроенной земли и вод». Характерно, что П. Бартев, издавая записки И. В. Лопухина в «Русском архиве» (1884, № 9), оставил следующий комментарий к «Нравоучительному катехизису...»: «Человек, оглашающий печатно во главе своего нравоучения слова: "Мне известны та невидимая и неустроенная земля и те воды, на коих носился дух великого Строителя вселенной при ее сотворении"... тем самым отводит себя в область невменяемости» [П. Б., с. 153]. Определяя обязанности истинного Ф. М. по отношению к внешнему богослужению, т. е. официальной церкви, Лопухин предписывает брату масону, «почитая его Установления и Обряды», пользоваться ими «как средством для внутреннего» (богослужения. — *Е. П.*). Тем самым обряды христианской церкви рассматриваются в «Нравственном катехизисе...» лишь в качестве первой (внешней) ступени постижения человеком божественного мира и тайн собственной души. А. Г. Суровцев еще в самом начале XX в. обратил внимание на то, что седьмой вопрос «Нравственного катехизиса...» — «Где истинный Ф. М. должен совершать свою работу?», учитывая проповедуемое масонами воздержание, отчасти сближал их орден с монашеским братством.

⁶ Все дальнейшие ссылки на «Духовного рыцаря» даются по этому изданию: [Лопухин, 1994], с указанием страниц в круглых скобках.

Различной была только их сфера деятельности: «Монах удалялся от мира, дабы молитвою и постом заслужить любовь Бога; масон же должен был действовать среди мирян, наставляя и вразумляя уклонившихся от пути истины» [Суровцев, с. 34]. Действительно, в «Нравственном катехизисе...» читаем следующее о сфере деятельности Ф. М., которые совершают свою работу: «Посреди сего Мира, не прикасаясь сердцем к суетам его, и в том состоянии, в которое каждый был призван. I. Кор. VII. 20» (с. 32).

Большое место в «Нравоучительном катехизисе...» отводится описанию масонского искусства, которое, по Лопухину, состоит (10-й вопрос) «в Науке ведать тайны Царствия Божия, кои другим сообщают они в притчах» (с. 32). Таким образом, последовательно проводится мысль о том, что масоны претендуют на «научное» (по факту — мистическое) познание христианских таинств. В особенности это относится к мастерам масонских лож, которых Лопухин называет «Мудрые Отцы истинных Фк. Мв.» (с. 32). Пребывая в «обновленном Едеме» (с. 32), Мудрые отцы владеют таинством ордена, которое приобретает исключительно «Возрождением» (вопрос 13). Этим таинством открывается, в соответствии с 14-м вопросом, «то, чего око не видело и ухо не слышало, и на сердце Человеку не всходило: сие то — Бог чрез Таинство оное открывает возлюбленным своим» (с. 32–33). Основной отличительной чертой брата Ф. М., владеющего орденскими таинствами, является, во-первых, обладание необыкновенной силой знания, силой масонского искусства, что, собственно, и делает его, по масонской терминологии, Богочеловеком, а во-вторых, что не менее важно, принципиальное нежелание использовать эту силу для собственных нужд. Отвечая на 16-й вопрос о свойствах подобного человека, Лопухин пишет: «Он должен быть таков; что хотя бы имел способ излечать все болезни тела и жить несколько сот лет по примеру древних Праотцов, со всем тем мог бы терпеливо сносить... не помогая себе, жесточайшую боль; и быть в готовности на завтра умереть без роптания; также чтоб был готов сносить величайшую бедность, обладаючи способами производить богатства, превосходящие богатства всего мира; и имея средство беседовать с Ангелами, мог бы смиренно пребывать в глубочайшем невежестве, когда то угодно Воле Источника Света: и имея с Иисусом Навином силу остановить Солнце, и с Илиею отверзать и затворять Небо, считал бы себя менее всех; и мог бы скитаться без роптания по земли, не имея места, где на оной приклонить главу свою» (с. 33). А. И. Незеленов еще в XIX в. высказал предположение, что в данном случае находят отражение «...верования Лопухина, что масонство владеет тайнами делать золото и приготавливать универсальное лекарство и т. д. Такое верование не высказано в “Катехизисе” прямо и искренно, но на него сделаны довольно определенные намеки» [Незеленов, с. 172].

Определяя границы истинной работы в нравственности (вопросы 38, 39), Лопухин связывает данный процесс с совлечением ветхого Адама. Работа оканчивается, когда «ветхий Адам совлечен совершенно» (с. 37). Само же страдание, труд и работа перестанут быть нужны с наступлением масонского века Астреи, золотого века, который в этот период «распространится везде и явится внешне»

(с. 37). Как пояснял В. И. Сахаров, «золотой век Астреи предстает у масонов веком, в котором не будет законов, власти, наций, границ и собственности, т. е. это знакомая всем нам по коммунистической мифологии картина социального рая на земле, но в масонской интерпретации она выглядит иначе, ибо в ней есть существенный момент, для марксистов неприемлемый, — идея свободы человеческой воли» [Сахаров, с. 119].

Важнейшей задачей «Нравоучительного катехизиса...» было опровержение активно распространяемого правительством представления о масонах как о политических врагах российского государства. Это представление благополучно пережило екатерининскую эпоху и нашло свое яркое отражение в «Записке о мартинистах» Ф. В. Ростопчина 1811 г. Ростопчин отзывался в ней о мартинистах как об обществе «столько же достойном презрения, сколько опасном», секте, которая «не что иное, как потаенный враг правительств и государей» [Ростопчин, с. 81]. Кстати, Ростопчин писал это еще при жизни Лопухина, которого характеризовал в «Записке...» следующим образом: «Лопухин, человек самый безнравственный, пьяница, преданный разврату и разоряющий целые семейства, которым не платит, занимая у них деньги; кропатель мистических книг, подающий одною рукой милостыню бедняку и отгоняющий другою своих злосчастных заимодавцев» [Там же, с. 80].

Тем не менее этот «кропатель мистических книг» в «Нравоучительном катехизисе...» самым решительным образом опровергает все обвинения в якобы существующей масонской оппозиционности правительству и неповиновению верховной власти. На вопрос 17 «Какая должность истинного Ф. М. в рассуждении своего Государя?» следует ответ: «Он должен Царя чтить, и во всяком страхе повиноваться Ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому. I Петр II. 17. 18. Ефес. VI. 5. 7» (с. 33). Таким образом, под сомнение ставятся все завоевания просветительской мысли, начиная с «Духа законов» Ш. Монтескье (1748), которые предписывают расторжение общественного договора с правителем, не желающим повиноваться законам и жестоко обращающимся со своими подданными. Масонская обязанность в рассуждении властей управляющих (вопрос 18) рассматривается как покорность «вышним Властям, не токмо из страха наказания, но и по долгу совести. Рим. XIII. 1–5» (с. 33). На вопрос 29 о том, может ли масон быть на войне, предлагается следующий вполне верноподданныческий ответ: «Истинный Ф. М. чтит Царя и повинуется Властям управляющим» (с. 35).

Для сравнения можно вспомнить, что подобные идеи высказывались еще Д. Андерсоном, пастором и доктором богословия, написавшим в 1721 г. произведение, которое до сегодняшнего дня считается идейно-организационным основанием масонства. Речь идет о «Конституциях вольных каменщиков, содержащих историю, заповеди и регламенты сего древнего и весьма достопочтенного братства» («Книга уставов»). Книга была напечатана в 1723 г. в Лондоне и рекомендована для использования в масонских ложах. Д. Андерсон утверждал: «A Mason is a peaceable Subject, never to be concern'd in Plots against the State, nor disrespectful to Inferior Magiftrates. Of old, Kings, Princes and States encourag'd the Fraternity

for their Loyalty, who ever flourish'd most in Times of Peace.' But tho' a Brother is not to be countenanced in his Rebellion against the State; yet if convicted of no other Crime, his Relation to the Lodge remains indefeasible» [Anderson, p. 144]⁷.

Что касается вопросов, относящихся к этической стороне жизни брата-масона, то ответы на них практически не отличаются от логики книг Священного Писания. Так, масону предписывается любить своих врагов (вопрос 22), благословлять клянущих его (вопрос 23), делать добро ненавидящим его (вопрос 24), молиться за гонящих его (вопрос 25). В вопросе 27 истинному Ф. М. предписывается, в соответствии с Евангелием от Матфея, отдать последнюю рубашку тому, кто хочет с ним судиться, и отнять у него принадлежащее масону платье. Это касается и любой другой масонской собственности. По отношению к обидчикам (вопрос 28) масону также предлагается следовать библейской логике: «Если кто ударит его по одной щеке, то он должен оборотить ему и другую» (с. 35).

Элементы масонского дискурса можно усмотреть в ответе на 20-й вопрос «Нравоучительного катехизиса...»: «Как истинный Ф. М. должен поступать с подвластными ему?» (с. 34). В соответствии с принципами масонского учительства, строгого повиновения младших братьев братьям старшим, Лопухин пишет: «Наиболее должен он пеших об их вечном блаженстве, воспитывая их во Страхе и Учении Господнем; обязан наблюдать между ими правду и уравниение, оказывать им снисхождение и обходиться с ними без жестокости, памятуя, что все имеют общего Владыку на Небе, у Которого нет лицепрятия. Ефес. VI. 4. 9. Колос. IV.1» (с. 34). Данная воспитательная установка в духе масонской утопии-эвпсихии находит отражение в эго-документах эпохи. Так, А. Е. Лабзина, уральская дворянка, во время своего брака с «вольтерьянцем» А. М. Карамышевым в течение нескольких лет была «духовной дочерью» М. М. Хераскова, о чем она подробно написала в своих мемуарах «Описание жизни одной благородной женщины». Однако строго навязываемая братьям система послушания не могла не отталкивать от лож умных, проницательных и самостоятельно мыслящих братьев, как это произошло, например, с молодым Н. М. Карамзиным, отошедшим от масонского братства еще к началу своего путешествия по Европе, когда будущему отцу русского сентиментализма едва исполнилось 23 года. А. И. Незеленов полагал, что «проповедуя слепое повиновение старшим братьям, масонство оказывалось зачастую бессильным нравственно возвышать человека» [Незеленов, с. 173]. В качестве примера подобной «духовной слабости» Незеленов называл судьбу самого Лопухина. Лопухин, несмотря на всю свою доброту и совершаемые им благодеяния, не мог прийти к мысли, что «крепостное рабство есть зло, требующее уничтожения, и что крестьянин такой же человек, как и дворянин, так же имеет

---

⁷ «Масон — это миролюбивый человек, никогда не участвующий в заговорах против государства. Равно как не проявляющий неуважение к членам городского магистрата. Короли, принцы и государства поощряли братство за их лояльность, и они процветали как никогда во времена мира. Но если брат восстанет против государства, он не найдет поддержки среди братьев. Однако если он не признан виновным в другом преступлении, его принадлежность к ложе масонов остается непреложным законом» (перевод автора статьи. — Е. П.).

и смысл, и чувство; а между тем масонство проповедовало равенство людей» [Незеленов, с. 173]. Думается, что эти обвинения не совсем справедливы. Достаточно вспомнить, как в записках Лопухина происходит истинное «возрождение» автора для орденовской жизни после того, как он нашел в себе силы броситься в ноги оскорбленному им слуге, прося о даровании ему прощения [Лопухин, 1860, с. 173].

Частная жизнь истинного Ф. М., в соответствии с «Нравоучительным катехизисом...», не запрещала ему вступления в брак. При этом брату-масону в ответе на вопрос 33 прямо предписывалось любить жену, «...как Христос возлюбил Церковь, беречь и содержать как свое собственное тело; и стараться, чтоб она была освящена и омыта чистотою крещения в Слове жизни. Ефес. V.25.26» (с. 36). Однако в отношениях с родителями, детьми, наконец, в отношении к имени истинного Ф. М. чувствуются элементы орденовской риторики. Так, в ответе на вопрос 31 об отношении к родителям, признавая необходимость «их почитать, слушать и любить» (с. 35), Лопухин тем не менее пишет: «Не может быть истинным последователем христовым тот, кто не только всеми оными естественными связями, но даже и любовью к самому себе, и всяким к себе прилеплением не пожертвует деятельному исполнению Учения Христова; и из ревности к Нему не возненавидит, или не отвергнет в оных всего того, что может Ему препятствовать» (с. 35). В случае с воспитанием детей (вопрос 34) признается необходимость «...как скоро только возможно начать воспитывать их к *оному новому рождению*, без которого не можно войти в Царствие Божие, как говорит Христос. Иоанн, III. 5» (с. 36). Под этим «новым рождением», безусловно, понимается изучение масонских таинств, а не чудо крещения как таковое. Вопрос 35 «Нравоучительного катехизиса...», как истинный Ф. М. должен употреблять свое имение, выводит читателя на мысль о том, что братья-масоны должны были быть готовы жертвовать свое имущество на благо общего орденовского дела. Автор заявляет: «Считая себя токмо Орудием Божиим, должен он знать, что всякая полушка может служить или к строению дела Его и к прославлению святого Имени его на земле, или к умножению того, что оному препятствует; и по сему должен поступать со вверенным ему имением» (с. 37). В подобном этическом контексте, жертвуя имение на благо ордена, масон должен был проявлять умеренность по отношению к пище и питью (вопрос 36). Лопухин предписывает: «Употреблять оные должен умеренно, не в удовольствие сластолюбия, но дабы только подкрепить тело, как храмину, которой надлежит быть Яслями возрождения и Земною обителью истинного Человека, внутреннего, духовного, сотворенному по Образу и по Подобию Божескому. I Кор. II 14.15» (с. 37). Тем не менее А. И. Незеленов в XIX в. обращал внимание на черты сходства между масонством и материалистической философией XVIII в. (в том числе и вольтерьянством. — *Е. П.*). Среди этих черт А. И. Незеленов называл следующие: «Проповедь масонами повиновения мастерам, которые пекутся о младших братьях (по “Катехизису” Лопухина), как о неразумных детях; высокомерное отношение ордена к “черни”, к простым людям, тоже как к неразумным детям, или даже как к нравственно и умственно больным существам; гордость масонства, все это напоминает одно из основных положений материалистической философии — идею

так называемого “просвещенного деспотизма”, по которой грубые и глупые толпы народа и общества должны слепо руководствоваться волею единичных просвещенных личностей, философов» [Незеленов, с. 181].

«Духовный рыцарь» И. В. Лопухина, так же как и его записки, отражает не только взгляды русских розенкрейцеров, но и характер самого автора. А. Г. Суровцев, характеризуя «Нравоучительный катехизис...», делал такой вывод: «Таков взгляд Лопухина на обязанности истинного масона и, вместе с тем, христианина. И надо сказать, что не на словах только стоял наш масон за подобное высокое учение, но и на деле, стараясь, по возможности, ближе подойти к намеренному им идеалу» [Суровцев, с. 36].

Поиск «истинного христианства», «духовного рыцарства», идея богочеловечества, характерная для русского масонства XVIII в., в дальнейшем получит свое развитие в трудах русских мыслителей и писателей XIX–XX вв.: от славянофилов до Н. Бердяева и культуры Серебряного века. Н. Бердяев в своей работе «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан», так же как и И. В. Лопухин, видел в «истинном христианстве» тот этический идеал истинной личности, к которому должен стремиться русский человек. Н. А. Богомолов, представляя доклад историка русского масонства П. А. Бурьшкина (1952) «Розенкрейцеровские истоки софианства», констатировал влияние розенкрейцера на русский ренессанс начала XX в., начиная с учения В. Соловьева о Софии и кончая культом св. Софии у поэтов-младосимволистов [Богомолов]. Это лишний раз доказывает, что поиск идеальной личности в ее масонском изводе, начатый И. В. Лопухиным в конце XVIII в., был продолжен деятелями русской культуры, связывающими поиск русской идеи в начале XX в. с антропософией, которую можно считать своеобразным аналогом розенкрейцера эпохи Серебряного века.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 220 с.

Богомолов Н. А. Из масонских речей об оккультных проблемах // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 444–462.

Карпачев С. П. Тайны масонских орденов. Ритуалы вольных каменщиков. М., 2002. 352 с.

Киясов С. Е. От гильдий каменщиков к философским ломам (масонские метаморфозы в Англии XVI–XVII вв.) // Диалог со временем. 2009. № 27. С. 353–361.

Кочеткова Н. Д. Лопухин // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2. С. 229–235.

Лопухин И. В. О ЗНЛОСОФЭ Искатель премудрости, или Духовный рыцарь. М., 1994. 60 с.

Лопухин И. В. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина. М., 1860. 172 с.

Мадарица И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. 976 с.

Незеленов А. И. Литературные направления в екатерининскую эпоху. СПб., 1889. 395 с.

Некрасов С. М. И. В. Лопухин — автор «Духовного рыцаря» // Лопухин И. В. О ЗНЛОСОФЭ Искатель премудрости, или Духовный рыцарь. М., 1994. С. 48–58.

П. Б. (Павел Баргенов). Послесловие к запискам И. В. Лопухина // Рус. архив. 1884. № 9. С. 151–154.

Пиксанов Н. К. И. В. Лопухин // Массонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 227–255.

Ростопчин Ф. В. Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Рус. архив. 1875. № 9. С. 75–81.

Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков: масонство в русской литературе XVIII — начала XIX в. М., 2000. 216 с.

Суровцев А. Г. Иван Владимирович Лопухин: его масонская и государственная деятельность : биогр. очерк. СПб., 1901. 124 с.

Файзиев Т. М. Масонство как феномен общественно-политической жизни Англии первой половины XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 218 с.

Янушкевич А. С. Диалог И. В. Лопухина и Н. М. Карамзина («Духовный рыцарь» и «Рыцарь нашего времени») // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX в. М., 2000. С. 156–163.

Anderson J. The constitutions of the ancient and honourable fraternity of Free and accepted masons containing their history, charges, regulations etc. collected and digested by order of the Grand Loge from their old records faithful traditions and lodge-books : For the use of the lodges. L., 1756. 339 p.

Daynes G. Pi. The birth and growth of the Grand Lodge of England (1717–1926). L., 1926. 187 p.

Gould R. F. The History of Freemasonry. L., 1903. Vol. 2. 504 p.

Jacob M. C. Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in XVIII– century Europe. N. Y., 1991. 320 p.

Jacob M. C. The Radical Enlightenment: pantheists, freemasons and republicans. Winchester, 1981. 312 p.

Katz J. Jews and Freemasons in Europe, 1723–1939. Cambridge, 1970. 293 p.

Статья поступила в редакцию 29.08.2022 г.

Научная статья

УДК 82-4 + 94(510) + 82.02:325.2(571)

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.069

ОБРАЗ КИТАЯ В ОЧЕРКАХ Э. МАГАРАМА «ЖЕЛТЫЙ ЛИК»

Анна Александровна Богодерова^{1,2}

¹ *Институт филологии Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия,
bogoderova86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1724-1735>*
² *Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

Аннотация. В статье проанализирован образ Китая в очерках Э. Магарам, опубликованных в шанхайских альманахах «Дальний Восток», «Желтый лик» и «Китай». Изображение повседневной жизни многонационального Шанхая позволяет выделить специфику китайской цивилизации. Образ суточного цикла, локусы шанхайского пространства, цветовой, звуковой и ольфакторный коды текста представляют жизнь в Китае как дисгармоничную с точки зрения культуры, однако подчиняющуюся природным законам.

Ключевые слова: Э. Магарам; образ Китая; образ Шанхая; литература дальневосточной эмиграции

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

IMAGE OF CHINA IN SHORT FICTION SERIES “THE YELLOW FACE” BY E. MAGARAM

Anna A. Bogoderova^{1,2}

¹ *Institute of Philology of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
bogoderova86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1724-1735>*
² *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The article is devoted to the image of China in short fiction series “The Yellow Face” by Russian emigrant writer E. Magaram. These sketches and short stories were published in Shanghai in anthologies “Far East” (1920), “Yellow Face” (1921) and “China” (1923). Special features of Chinese civilization are analyzed in Maragam’s depiction of everyday life in multinational Shanghai. Images of periods of the day,

the most important Shanghai loci, color, sound and olfactory images represent life in China as socially and culturally discordant, but following the laws of nature.

Key words: E. Magaram; image of China; image of Shanghai; Russian literature of Shanghai

Acknowledgments. Research is financially supported by Russian Humanitarian Science Foundation no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East in the first half of the 20th century as the sphere of literary transfer”.

Образ Китая в произведениях русских дальневосточных эмигрантов XX в. — обширная тема для исследования. В работах филологов И. Ли и Л. Цуй на основе анализа поэзии харбинской группы формируется образ Китая как обретенного или потерянного рая [Ли; Цуй]. «Тихий», «древний», «неподвижный» Китай ассоциируется с ориентальными и буддистскими мотивами, преобразованием сознания, прозрением и постижением жизни. Китайский народ, при всей тяжести и бедности его жизни, вызывает уважение и симпатию. Эмигрантская поэзия (В. Ф. Перелешин, А. Паркау, А. А. Ачаир, А. Несмелов, М. Щербаков и др.) романтизирует и эстетизирует Китай, представляет его экзотическим миром, в котором можно спастись от исторических катастроф. Экзотический, «сказочный» Китай с его мифологией представлен в прозе Н. А. Байкова, П. Северного, В. Марта. Образы традиционной культуры и художественная этнография Китая, созданные этими авторами, проанализированы в статьях И. А. Дябкина, А. А. Забияко, А. А. Левченко и Р. В. Поливан [Дябкин; Забияко; Левченко, Забияко; Поливан, 2013].

Негативные черты китайской действительности в изображении русского эмигранта также интересовали исследователей. С. В. Смирнов рассматривает их на материале дневников эмигрантов и приходит к выводу об отторжении и раздражении, которые вызывает у русских малокультурная, «торгашеская», «рабская» повседневная жизнь китайцев [Смирнов]. Городской быт 1920-х гг. с его темными сторонами отразился в художественных произведениях авторов, проживших часть жизни в Китае: С. Алымов «Нанкин-Род» (1929), В. А. Качоровский «Сье Ви Цан» [Поливан, 2012]. В данной статье речь пойдет об одном из таких произведений.

В 1920–1923 гг. Элизар Магарам¹ выпустил в Шанхае литературно-художественные альманахи «Дальний Восток» (1920), «Желтый лик» (1921)

¹ Элизар Евельевич Магарам (1899–1962) — прозаик, журналист, редактор, издатель. В Российской империи проживал в Одессе, затем в Томске, где был секретарем в газете «Знамя революции». После антикоммунистического Чехословацкого мятежа (1918) был вынужден переехать в Китай. Здесь он жил в Харбине и Шанхае, работал в газетах «Маньчжурия», «Новости жизни» и «Новости Шанхая», редактировал газету «Новая шанхайская жизнь», сотрудничал с берлинскими издательствами. Помимо трех рассматриваемых в статье альманахов издал также альманахи «Современный Китай» (Берлин, 1923) и «Китай» (Москва, 1925). Другие его художественные произведения: повесть «Миреле» (Берлин, 1922), роман «Потомок равнинов» (Шанхай, 1936). Относительно времени его отъезда из Китая существуют разногласия. А. Хисамутдинов предполагает, что Магарам уехал в СССР в 1925 г. [Хисамутдинов, с. 193]. М. Дроздов, владелец «Коллекции русского шанхайца», доказывает, что вплоть до 1940 г. Магарам еще находился в Шанхае [Дроздов]. Из базы данных «Жертвы политического террора СССР» можно установить, что Магарам в 1938 г. был арестован в Минске и в 1940 г. осужден как член антисоветской организации, в этом же году освобожден и реабилитирован в 1955 г. [Магарам Элизар Евельевич (1899)].

и «Китай» (1923), содержащие прозаические, поэтические и публицистические произведения о Китае [Дальний Восток; Желтый лик; Китай]. Сборники представляли образ страны для русских читателей, знакомили их с китайской культурой, искусством и повседневной жизнью. В начале каждого альманаха помещались рассказы и очерки самого редактора.

Все произведения изображают шанхайскую повседневность в виде бытовых зарисовок, сюжетов из жизни горожан. В ряде очерков («Столица желтого дьявола», «Су-Чжоусский канал», «Осенней ночью», «В китайском порту», «У городской стены») представлен суточный ритм жизни отдельных уголков города. Эти картины в целом лишены событийности, но некоторые из них содержат сюжеты, связанные с безымянными персонажами («Смеющийся Будда», «Французский парк»). В других произведениях («Рикша», «В баре», «Синово», «Жена», «Дочь гробовщика») разворачиваются драматические сюжеты, в которых участвуют индивидуализированные персонажи (Пу-Хо, Синово, семья Менделя Залмановича, семья Ван, семья Янь-Джо). Главные темы очерков — выживание человека в большом городе и отношения между цивилизациями.

Это один из наиболее ранних опытов обращения русских писателей-эмигрантов к первичному шанхайскому материалу. Автор еще не имеет значимого претекста и готовых формул для описания Шанхая. Позднее, в 1930-е гг., Шанхай в поэзии М. Спургота, М. Визи, Н. Щеголева, О. Скопиченко и других приобретает определенные черты. В поэзии эмигрантов Шанхай изображается как город контрастов, соединяющий черты Запада и Востока, богатство и нищету, черты индустриального мегаполиса и традиционные восточные пейзажи. М. Хэ и С. Ли выделяют локусы, привлекавшие особое внимание поэтов (европейская архитектура на Набережной, банки и магазины, порт, базар, трущобы) и делают вывод о том, что Шанхай воспринимался как убежище от катаклизмов истории [Хэ, Ли]. Некоторые из этих черт отмечены и у Магарамы.

Как считают М. Хэ и С. Ли, для китайцев 1920-х гг. Шанхай — передовой город западного образца, но для русских эмигрантов — воплощение китайской национальной специфики [Там же, с. 133]. Рассматривая изображение Шанхая в очерках Магарамы, можно сделать выводы о том, что представлялось их автору наиболее важным в китайской цивилизации. Художественное пространство и время, персонажи, сюжеты и мотивы, детали, интерьеры и портреты — все формирует единый образ Китая.

Шанхай — отражение всего Китая и вместе с тем других взаимодействующих с ним цивилизаций. Это «лоскутное одеяло», перекресток культур, в котором помимо китайского квартала есть международный, европейский и японский, а среди персонажей очерков — китайцы, японцы, европейцы, американцы, евреи, индусы, русские. Смесь разнородного проявляется даже в его топонимике, в соседстве китайских и европейских названий: Французский парк, Набережная, Международная концессия, Garden Bridge, Astor House, Киангси-род, Пу-Тун, Ван-Пу и Су-Чжоусский канал.

По классификации Ю. Лотмана Шанхай следует отнести к эксцентрическим городам из-за его расположения у моря, в устье реки, на краю своей земли

и открытости для сторонних влияний [Лотман, с. 10]. Для текстов о таких городах характерна оппозиция культуры и природы, что справедливо также для очерков Магарам.

В предложенной В. Н. Топоровым оппозиции города-девы и города-блудницы Шанхай приближается ко второму полюсу [Топоров]. Прямое сравнение города с манящей блудницей, зловещее наименование (столица желтого дьявола) выводят на первый план нечистую природу этого топоса.

В целом в очерках нет попыток зафиксировать метафизическую составляющую жизни города, создать миф о его появлении или исчезновении. Традиционная китайская мифология упомянута лишь кратко, как элемент декора (статуи и изображения драконов, богов и т. д.) или как предмет суеверия. У Шанхая в изображении Магарам нет истории или развитого поля мифологии (городские легенды и т. д.), метафизической ауры. Однако существует несколько «сверхъестественных» фигур, связанных единой идеей: желтый дьявол, смеющийся Будда и «желтый лик». Все три сущности заявлены в названиях очерков и одного из альманахов и все три олицетворяют нечто безжалостное, непонятное и чужое.

«Желтый дьявол», которому принадлежит город, — лишь фигура речи, это наименование, традиционно связанное с золотом, властью денег (ср. «Город желтого дьявола» (1906) М. Горького — о Нью-Йорке). Повседневная жизнь Шанхая движется корыстью, поэтому она энергична и жестока. Второе направление в развитии семантики образа желтого дьявола — ассоциация с враждебными азиатами (ср. изображение японцев в романе «Желтый дьявол» (1924–1926) В. Марта и Н. Костарева). Упоминание желтого дьявола привносит inferнальный оттенок в описание отвратительной ночной жизни города и дает однозначную моральную оценку изображенному.

Более сложную символику имеет смеющийся золотой Будда, идол, наблюдающий за суетой в лавке и в храме. Внешне он не похож на эталон духовности: «Поддерживая руками оголенный живот с жирными складками и прыгающей пуповиной, смеется Будда...» [Магарам, с. 65]². В мире, где существует этот Будда, удача или несчастный случай не зависят от добродетелей человека. Это не зло в чистом виде, но сопоставление смеющейся статуи и гибели рабочего рядом с ней делает Будду олицетворением бренности бытия, равнодушия мира и жестокой насмешки над человеческими страданиями. Сам автор отмечает в комментариях скорее внеэтичность этой фигуры, равное расположение Будды к добрым и злым людям (с. 62).

Третий образ, «желтый лик» — это и обобщенное обозначение всех персонажей очерков, образ азиатского Другого, выражение духа Китая, и обобщенный портрет посетителей на китайском рынке: «Над всеми красками и цветами, движущимися с быстротой пущенной в небо ракеты, неподвижно застыл в воздухе темно-желтый монгольский лик с раскосыми таинственными глазами, покорный и надменный,

² Все дальнейшие ссылки на «Желтый лик» даются по этому изданию: [Магарам], с указанием страниц в круглых скобках.

с притаившейся вежливой улыбкой на устах» (с. 78). В этом облике доминирует уже не зло или жестокость, а непонятность, неясность намерений.

Все три образа используют желтый цвет (цвет золота и «желтизна» расы), олицетворяют таинственность, недоброжелательность и непонятность всего, что управляет Шанхаем — и социального устройства, и самой судьбы, и природы населяющих его людей.

Шанхай в очерках Магарамы лишен не только философии, но и политики, идеологии и больших целей. У него нет государственного развития, общественной жизни, нет ярких деятелей. Он не устремлен в будущее, его время течет циклически изо дня в день, из сезона в сезон. Многовековая история Китая находится на периферии его жизни, старые памятники, пагоды и кладбища буквально вытеснены на окраину. Тема древности и старины связана лишь с ограниченным кругом деталей и персонажей: описание архитектуры, антикварных лавок и ассоциирующихся с ними персонажей (семья Ван).

Гораздо важнее для Магарамы запечатлеть образ суточного и годового цикла, уравнивающего хаотичность городской жизни. Описание рабочего дня персонажа и состояний города подчиняется смене утра, дня, вечера и ночи, причем те персонажи, которые живут в соответствии с ритмом города, после любых перипетий неизбежно возвращаются в исходное положение («Жена», «В баре»).

Ночь в Шанхае — это время разгула грубых страстей. Пугающую атмосферу создают тусклые фонари, шум, смешанный запах тления и цветов. В описании гуляний в веселых кварталах присутствует инфернальная тема: сводни — «старые ведьмы», все выглядит страшным и жутким, город — «столица желтого дьявола». Вечер и ночь традиционно представлены как время, когда открывается тайная суть действительности. На роль такого откровения у Магарамы выдвинуты 4 мрачные картины: ночной труд кули в порту, проституция, работа скотобойни и азартные игры. Представленные на черном ночном фоне, они из примет обыденности превращаются в злобещие символы.

Если вечер и ночь — это шабаш, то утро — самоочистка города от его следов, сопровождающаяся сменой цветовой палитры пейзажа на легкую и прозрачную холодную гамму или, наоборот, на яркие природные краски: «Уже поднималось утро, ясное, солнечное, бодрое. Алые лучи ложились на каменные дворцы, на террасы, на зелень и деревья, живым пламенем пылали на ярко очищенной меди на дверях и на радужных стеклах окон» (с. 18).

Дневное время — время напряженной будничной работы и преодоления трудностей, причем особое место среди них занимает природная среда. Изображены три сезона — лето, осень, весна, и все это время жителей города преследует то палящее солнце, то холод и сырость. Унылый серый пейзаж с дождем, лишенный как гармонии, так и энергии, — один из самых изматывающих с точки зрения нарратора, вызывающий у него отчаяние и тоску. Однако сами жители Шанхая стойчески выдерживают все это. Таким образом, из вышеперечисленных факторов складывается картина китайской жизни как монотонного существования в грубых, тяжелых условиях, созданных природой и цивилизацией.

Далее рассмотрим изображение шанхайского пространства и его важнейшие локусы, связанные с китайской спецификой. За рамками рассмотрения остаются европейские и японские локусы, кварталы, парки и увеселительные заведения, устроенные по другим законам.

Для китайской части Шанхая в изображении Магарам характерно преимущественно горизонтальное развертывание. Наблюдателю видны только небо и растянутая в длину низкая застройка, в то время как все вертикально вытянутые объекты (фабрики, небоскребы) тяготеют к европейским кварталам. В «китайском» городе акцентируются змеящиеся, изломанные линии, зигзаги, зубчатые и изогнутые формы. Улицы со «слепыми» стенам изнутри похожи на лабиринт, в котором скрыты неприятные картины и грязные тайны (опиумные притоны и проституция). Пространство тесно и густо заполнено, что выражается в длинных цепочках предложений, перечисляющих явления городского ландшафта. Перемещения по нему затруднены и требуют больших физических усилий.

Глубина этого лабиринта — китайские кварталы бедноты, располагавшиеся в центре Шанхая в 1920-е гг. Жилища бедняков носят уничижительные наименования: каморки, клетки, клоповники, конуры. Через передачу неприятных тактильных ощущений Магарам создает максимально отталкивающую картину сырости, грязи и гниения. Это место со множеством углов, тупиков и неудобных лестниц, шокирующе открытое для просмотра. Его самая заметная особенность — отсутствие личного пространства у обитателей трущоб. Их жизнь проходит на виду из-за постоянно открытых дверей и дырявых стен. Все эти детали не являются принадлежностью исключительно городского образа жизни: в рассказе «Жена» так же выглядит деревенский дом главного героя.

Описание Су-Чжоусского канала с целым районом «домов на воде» (жилых лодок) повторяет все признаки трущобы. На воде или на суше, китайскому городу свойственны теснота, затрудненное, но непрерывное движение, сырость и гниение, неприятные натуралистические детали.

Важное место в очерках занимают локусы порта, канала и фабрики и связанный с ними индустриальный пейзаж. Искусственный ландшафт с фабричными трубами, с преобладанием черного цвета, в котором человек кажется очень маленьким, традиционно считается олицетворением западной «железной» цивилизации. Это пространство с вертикальным, ярусным развертыванием опасно для персонажей-китайцев: на строительных лесах и сходнях они наиболее уязвимы и легко гибнут. У Магарам изображение этих эпицентров безжалостной эксплуатации показывает специфику не столько Запада, сколько Китая — нулевая ценность отдельной жизни и огромная сила массы.

Другие локусы, где ярко проявляется китайская специфика, связаны с торговлей. Торговая стихия, обилие лавок и магазинов формирует облик города. Любая свободная площадь, даже храмовый двор, превращается в базар. Локусы рынка и лавки при единых принципах описания противоположны по своим характеристикам.

Рынок у Магарамы — в первую очередь продуктовый. Подробные списки разнообразной животной и растительной пищи создают картину изобилия. При этом равное внимание уделяется покупателям и продавцам, их физическому облику. Нарратор тщательно фиксирует все органическое, заполняющее пространство пеструю живую массу, особо тяготея к картинам, в которых перемешано красивое и грубое, свежее и гниущее, живое и мертвое, полнокровное и ущербное. Таким образом, китайский рынок — жизнь, бьющая ключом, во всей ее полноте.

Для описания ювелирных, художественных и антикварных лавок характерен замедленный темп, их интерьеры и товары показаны с особым интересом к материалам: золото, серебро, бронза, перламутр, драгоценные камни (нефрит, агат, слоновая кость). Рассказчик создает длинные перечисления изящных товаров, особенно выделяя главные китайские достопримечательности (лак, фарфор, шелк) и знаковые предметы китайской материальной культуры (статуэтки, вазы, зонтики, веера). Образ антикварной лавки — музей материальной культуры Китая, «пещера сокровищ», вся красота экзотики и древности в противоположность грубой органике рынка.

Локусы, связанные с традиционной китайской культурой, — храм, сад и дом — одни из немногих примет прошлого, которые можно обнаружить в Шанхае. Храмы и кумирни у Магарамы отчасти напоминают лавку, торгующую предсказаниями, и посещаются в основном женщинами, которые приходят сюда за исполнением желаний. И лавка, и храм — места пребывания «смеющегося Будды», посылающего или не посылающего удачу, аналогично колесу фортуны. После кратких комментариев Магарамы о буддистских божествах, изображенных в храме, вводится тема неравенства, значимая для всей серии очерков: как и люди, одни идолы купаются в роскоши, другие прозябают в забвении. В обоих локусах проявляется прагматичный и «торговый» характер китайского народа. Исключение составляют только сцены в «Дочери гробовщика» и «Смеющемся Будде», где наивная юная красавица воспринимает сокровища в ювелирной лавке или молитву в храме как нечто чудесное и глубокое.

Если храм доступен простому народу и открыт для проникающего туда звука поезда и уличного шума (знак современности), то традиционный китайский сад и дом отделены от суетящегося города и имеют своеобразную старинную эстетику. Шанхай в целом изображен у Магарамы как город с множеством «европейских» садов, включая общественный сад — Французский парк, и для них характерны яркие краски, свежесть, пышная растительность и умиротворяющая атмосфера. Китайский сад тоже имеет образ замкнутого райского уголка: он окружен стенами и гармонично сочетает камень, воду, растения и архитектуру (беседка, мост). Но сад неизвестного мандарина («У городской стены»), дом и внутренний двор состоятельного Вана («Дочь гробовщика») оставляют впечатление пустоты и застытия. Эти места или лишены человеческого присутствия, или принадлежат пожилому человеку, чья жизнь на исходе. Могилы и каменные чудовища (охранные статуи) во дворе маркируют почтение владельца к памяти и прошлому, но при этом разрыв с настоящим и будущим.

В рассказе «Дочь гробовщика» это зловещий знак вырождения: все потомство Вана нежизнеспособно и лежит в этих могилах. Контрастом такому положению аристократического рода служит Французский сад, наводненный детьми европейцев, дети китайской бедноты, играющие прямо в грязи, и дети из японского квартала, массово идущие в школу.

Периферия шанхайского пространства — окраины, загородный природный ландшафт и деревни. Чем ближе к окраине, тем более «китайской» выглядит местность, причем в одних случаях усиливается живописность картины, в других — ее убожество.

Единственный пример красивого загородного ландшафта — весенние пейзажи за городом в рассказе «Дочь гробовщика». При всех экзотических чертах (красная пагода, бамбуковая роща) это описание содержит элементы традиционного поэтического идеального пейзажа: мягкий ветер, приятные запахи, ручей, цветы, пышные деревья и поющие птицы [Эпштейн, с. 142]. Но нарочитая идилличность пейзажа оказывается в итоге обманчивой, пробуждающаяся природа стихийна и безжалостна к человеческим чувствам (в роще героиня подвергается изнасилованию). Это соответствует общему конструктивному принципу данного рассказа, соединяющего элементы стиля китайской сказки с циничным натурализмом.

В «Смеющемся Будде» с движением от окраин за город меняется пейзаж: пустырь с гробами сменяется серыми просянными полями и жалкой деревней. В рассказе «Жена» только во сне персонажа деревня выглядит живописно. Реальный же облик деревни повторяет очертания городских трущоб с их скученностью, шумом и дырявыми стенами.

Изображая город, Магарам стремится запечатлеть во всех подробностях пространство, людей, детали обстановки, цвет, звук, пластику движения.

Колористическая гамма китайских улиц у Магарам не имеет доминирующего цвета, но в целом для нее характерны яркие чистые тона и резкая контрастность. Наиболее заметно обилие деталей черного цвета: черные глаза и волосы, черные от грязи тела, черная одежда и предметы обстановки. Слово «черный» и однокоренные с ним слова встречаются в тексте 113 раз. Другие цвета (голубой, синий, красный, алый, малиновый, зеленый, золотистый) вместе создают картину пестроты и разнообразия, что также подчеркивается обилием разноцветных и радужных предметов. Контраст, противопоставление красочного и черного, празднично-яркого и грязного используется Магарамом для описания не только улиц, но и групп людей (декоративно-пестрые молодые китайки и черные от грязи и загара кули) и даже статуй в храме (красочные и позолоченные чтимые божества и забытые идолы, покрытые грязью). В некоторых городских пейзажах контрастом к черному выступают серый и белый цвета. Помимо традиционных цветообозначений Магарам подробно характеризует окружающие материалы (золото, бамбук, бронза, дерево, железо, камень, медь и т. д.), создавая визуальнотактильный образ экзотического мира. Его яркость передается множеством прилагательных и глаголов с общей семой «блеск» и «свет». Шанхай всегда горит и пылает, будь то солнечный полдень или ночь с огнями и фонарями. Отличается

только холодная и бледная утренняя гамма — момент наименьшей активности города. Реже и в основном при описании периферии города встречаются наименования бледных, мутных, блеклых цветов, темноты и тумана. Чем меньше интенсивность жизни — тем бледнее цвета.

В создании образа китайского города важную роль играют слуховые ощущения. Шанхай — оглушительно громкий город. В очерках огромное количество обозначений всех разновидностей шума (шлепки, грохот, гул, гудки, дробь, звонки, звон, топот, скрип, взвизг и т. д.). Детально перечисляются звуки, производимые людьми, животными, механизмами, причем множество из этих слов имеет лексический компонент «неприятный звук». Китайские звуки — резкие, первобытные, отталкивающие, даже если это звуки музыкальных инструментов (барабана, колокольчиков, гонга, флейты). Динамка городского пейзажа, движения объектов передаются именно через производимые ими звуки. Длинные цепочки перечислений дают картину множества одновременных действий в узком пространстве: «Отовсюду несется звон, стук и грохот рабочего люда, стрекочут швейные машины, бьют молотками сапожники и гробовщики, монотонно стучит мотор в механической мастерской, в новооткрытой лавчонке беспрестанно визжит граммофон, с раннего утра до поздней ночи, повторяющий одну и ту же пластинку китайской популярной песенки, чтобы привлечь покупателей» (с. 39). Однако такая агрессивность среды, неприятно описываемая нарратором, горожанами-китайцами воспринимается абсолютно нейтрально.

Интенсивности китайской жизни соответствует ее обонятельная аура. Город переполнен естественными, но отталкивающими, антикультурными запахами: мусорные ямы, испражнения, готовящаяся пища, потные тела. Не антиподом, а скорее дополнением этой картины оказываются и запахи, распространяемые женщинами («теплый, щекощущий чувственность, сладковатый запах гарема» (с. 82)). В тексте изобилует лексика со значением неприятного запаха: вонь, смрадный чад, одуряющее зловоние, душный, удушливый, гниющий, зловонный, терпко-сладковатый и терпко-кисловатый. Сами китайцы имеют специфический «расовый запах» (с. 69). Шанхай — место не только звуковой, но и обонятельной какофонии: «К ночи канавы переполняются, расплываются по всей улице и далеко вокруг распространяют удушливый запах гниющих отходов и человеческих испражнений, смешанный с терпко-сладковатым запахом рисовой пудры, дешевых китайских духов и смолистых курений...» (с. 64). Как и в случае со звуками, сами жители не обращают на это внимания. В отличие от нарратора, стремящегося уловить единый образ бытия в этой контрастной смеси резких цветов, звуков и запахов, китайцы изображены маловосприимчивыми к дисгармонии.

Многочисленные безымянные персонажи поддерживают кипящую жизнь Шанхая и составляют ее фундамент. Рассмотрим портреты горожан и связанные с ними темы и мотивы, обращая особое внимание на оппозицию природного и культурного.

В очерках Магарамы культурная жизнь китайского народа, его вера, эстетика, искусство, ритуалы и кухня изображаются с оттенком неприязни. Это все еще

культура, но примитивная, архаичная и скорее мешающая, чем помогающая выживанию. Она не способна улучшить и исправить природу, зато способна искалечить здоровое. В качестве примера можно привести коллективный портрет молодых китайок — группы, в которой сильно выражено влияние культуры на облик, придающее ему подчеркнутую декоративность, хрупкость и нелепость: «Ярко намалеванные, с необыкновенно пунцовыми губами и щеками, густо напудренные, с гладко зачесанными в узкие, черные блестящие косы волосами, убранными серебряными и медными украшениями и пестрыми лентами, они, вперевалку, неуклюже ступают миниатюрными, изуродованными ножками по булыжникам мостовой, покачиваясь, словно хрупкие цветы на тоненьких стебельках. Вдали кажется трогательной неровная, робкая походка этих женщин-детей, наивно уверенных в своей неотразимой прелести, наряженных и украшенных, похожих на дрессированных животных в цирке...» (с. 8). Беспольные ритуалы во время эпидемий, деятельность гадателей и колдунов, больше похожая на мошенничество, пугающие суеверия, примитивный театр, невольное вредительство безграмотных врачей описаны нарратором с явной антипатией не только к китайским «представителям свободных профессий», но и к народу, который считает все это благом.

Однако описания таких проявлений традиционной культуры занимают в очерках Магарам меньше места, чем жизнь и труд простого народа — представителей низших сословий (крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники), городской бедноты (рикши, кули) и проституток.

Главная деятельность горожан, торговля, отражена в коллективных портретах мелких предпринимателей, ремесленников и кустарей. Атмосфера меркантильности подчеркивается даже в изображении служителей храма, а также нищих и калек, искусно «торгующих» своими увечьями. Шанхай — город-базар, где все может стать товаром и услугой, все продается.

Особое значение для Магарам имеет торговля «живым товаром». Образ Шанхая как города-блудницы поддерживается изображением кишаших здесь проституток трех наций. Коллективные портреты китайок, японок и европейек создаются по одной схеме. У каждой нации свой светильник (керосиновый ночник, цветной фонарь, электричество), свое место обитания (китайские трущобы, японские игрушечные домики, европейские дома), свой наряд (белый, цветной, прозрачный). Место элиты занимают изысканные японки, в середине иерархии таинственные европейки и в самом низу — китайки, которые выглядят ярко, грубо и базарно.

Больше всего внимания Магарам уделяет рикшам и кули. Это олицетворение грубой силы и концентрация самых существенных китайских свойств. Тяжесть их жизни передана через пластический образ: они изображены гнущимися под тяжестью неподъемных грузов. Их постоянное цветообозначение — чернота (цвет земли, грязи и загара). Магарам отказывается от передачи их речи на каком-либо языке (в то время как французские и японские реплики в тексте есть), в результате китайский народ изображен лишенным слова и мысли, он издает лишь дикий уличный шум. Из речи различимы только «профессиональные» реплики

попрошак и проститутки на английском: «Мастер, гив ми копер...» и «Ком инсайд... Мастер, ком инсайд...». У китайских кули нет слов, кроме рабочей песни-стона «Хэ-а-хо... хэ-а-хо... хэ-а-хо...». Эта лейтмотивная реплика охватывает все пространство, превращается в обобщенный голос Китая. Повторяясь в разных очерках 5 раз, она завершает событие и служит знаком возвращения жизни в привычный монотонный ритм.

На страницах очерков большое место занимает изображение отдельного человеческого тела, его пластики, движения, мимики и жестов. Однако для Магарамы важен и образ «коллективного тела», единой массы живого вещества. Китай — это в первую очередь людская масса, находящаяся в непрерывном напряженном движении. Ее животная природа акцентируется сравнениями со стадом («огромное стадо, подгоняемое визжащим свистом кнута» (с. 61)). На улицах многочисленные китайцы облепляют и переполняют пространство, соединяются в ком живых тел. Простые китайцы изображены рядом с животными, убивающими животных и занимающими их место (сравнения рикши с лошадьми, проститутки — с конской ярмаркой). Нарратор детально фиксирует физиологически отталкивающие картины: плоть изображена грязной, голодной, полуголой, со всевозможными язвами и травмами. Но в то же время это очень энергичная и настойчивая субстанция, привыкшая выживать в любых условиях. Эта «жизнь, бьющая ключом» — главный объект изображения в очерках.

Образы тела тесно связаны с образами еды, грязи и смерти. Китай — это мир, где все пропитано грязью, тело пахнет едой, еда в основном состоит из плоти (мяса). В описании толпы рабочих появляется лейтмотивное сравнение с бифштексом: «Оголенные, блестящие влажным трудовым потом груди, спины и икры ног, черные, загорелые, с терпко-кисловатым запахом, как хорошо поджаренный бифштекс» (с. 7). Вся жизнь Китая предстает круговоротом органики, взаимным превращением еды, тел и испражнений.

Заметно, как в различных очерках колеблется оценка этого явления нарратором — от ужаса и отторжения до попытки понять и принять. В очерке «В китайском порту», обнажающем анатомию жизни ночного города, в один ряд с картинами уличных кухонь и разврата в веселых кварталах поставлена картина работы скотобойни. Здесь сконцентрированы такие лейтмотивы, как мясо, кровь и смерть. Ночное таинство жизни оказывается таинством умерщвления, пугающим и неприятным для нарратора. Сама картина забоя передается не визуально, а через звуки (предсмертные вопли животных) и запахи гниения, крови, внутренностей и навоза, детально визуализируется лишь результат: «Со двора выезжают телеги и грузовики, нагруженные ободранными, вздрагивающими, тепло дымящимися тушами животных. В темноте жутко шевелятся под короткими брезентами кровавые обрубки быков и свиней, торчат во все стороны изуродованные конечности. В ночной тиши страшно выглядят измазанные кровью китайцы-возчики и таинственно звучат их гортанно-хриплые, деловые голоса» (с. 59). В более позитивном, лишенном мортальных мотивов описании Су-Чжоусского канала все смешано в одной картине бурлящей жизни («Су-Чжоусский канал»). Китай

живет в тесноте и грязи, но это жизнотворная грязь, не мешающая процветать органической стихии.

Тема еды в очерках получает детальное освещение. Красиво сервированная экзотическая еда, зеленый чай, изысканные кондитерские изделия встречаются в Шанхае только в японских или европеизированных китайских заведениях в Международном квартале, и эти описания в очерках занимают всего два абзаца. Традиционные блюда простого народа на уличных кухнях в Старом Шанхае — грубо приготовленные мясо и тесто. Какими бы изобильными ни выглядели продуктовые рынки, пищей вечно голодному народу все равно служат «клеякое варево» (с. 39), «мутные супы и варева из гнилья и отбросов» (с. 66) и «деликатесы из отбросов и требухи животных и птиц» (с. 9). Проявляющийся в сцене с бойней ужас нарратора перед мясом и перед его потребителями звучит и в других многочисленных описаниях рынков и кухонь. И также часто встречаются попытки осмыслить и принять материальный мир в его противоречивости. До того как продукты становятся «жертвой» примитивной кулинарной культуры, их описание может строиться иначе. В одном описательном предложении соединяются отталкивающее и привлекательное: красочная, разноцветная, ароматная растительная пища и отвратительное сырое мясо. При этом очевидно соположение разных групп людей и разных видов еды, соседство декоративно-красивого и грубого: «В ярком ослепительном свете солнечного утра площадь кишит людьми, подобно микробам в гнилом сыре, переливается яркими живыми красками зелени, овощей, рыб, кровавых туш, сочных фруктов, птиц, загорелых оголенных тел кули и пестрыми нарядами молодых китайнок» (с. 78). Единый образ китайской жизни — не столько контраст, сколько соединение разнородного, позитивного и негативного.

Другие две темы, связанные с органическим круговоротом, — темы смерти и любви — рассматриваются в очерках не в философском, а в физиологическом аспекте.

Запах тления и разложения, обилие гробовщиков, гробов и похоронных процессий — оборотная сторона жизни в густонаселенном городе. Трепет перед смертью возникает в очерках Магарамы лишь в нескольких случаях. Отвращение перед ее физической стороной выражает сам нарратор, для которого гробы, мертвое тело, кровь, туша на бойне, мясо на рынке выглядят жутко. Тревогу испытывает хрупкая, чувствительная героиня, ставшая свидетельницей смерти или просто ощутившая на улице «запах кладбища» (с. 48) («Синово», «Смеющийся Будда»). Контрастом этому выступает хладнокровная реакция простых китайцев на зрелище смерти. Гибель одной клетки коллективного тела не является трагедией, мертвый как бы бесследно растворяется в среде обитания, его работу берут на себя остальные кули.

Эта незначительность смерти становится лейтмотивом очерков. Можно выделить комбинацию мотивов, вызывающих у Магарамы особый интерес. В центре ситуации находится обездоленный китаец и его увлечение социально недоступной девушкой — красивой китайкой или вдвойне недосягаемой европейкой (социальная и культурная дистанция). Как только появление красавицы выбивает его

из привычного монотонного ритма, он гибнет. Мотив «незначительной смерти» и сцена гибели на глазах девушки, которая пугается, но ничем не может помочь, составляют основу сюжета в «Рикше» и «Смеющемся Будде».

Смерть как невидимая, мистическая угроза представлена в рассказе «Дочь гробовщика», сначала как внешне беспричинная гибель слабого младенца, затем как эпидемия холеры. Лишь угроза выживанию всего общества взывает у китайцев массовую панику. Но попытки традиционной китайской культуры осмыслить смерть (образ загробного мира или блуждания души в поисках нового тела), объяснить причину болезней (бесы и злые духи), найти защиту (обереги и обряды) выглядят как ложные и бесполезные, как проявление суеверности и невежества. Подлинной победой над смертью служит рождение здорового наследника в семье Ван. Смерть невозможно предотвратить, ее можно лишь компенсировать, и на помощь здесь приходит не культура, а природа.

Материально-телесная сторона любви составляет важную тему очерков Магарама. В его изображении половая энергия — часть природы, вторая после голода естественная потребность, имеющая свои права и управляющая городской жизнью. Как и всякая стихия, она амбивалентна. Авторская оценка той или иной пары любовников хорошо заметна в выборе места действия. Выход за город или в сад, красивый природный фон — маркер естественности, торжества природы, независимо от социальной оценки ситуации («Французский парк», «Дочь гробовщика»). Изображая недолжную, порочную связь — распутство в швейной мастерской («Жена»), духовную и телесную измену жены («В баре»), Магарам делает фоном отвратительное злачное место, бар, городскую трущобу. Однако еще чаще тема отношений полов развивается вместе с темой денег в изображении социальных практик портового города (проституция, чайные дома, женщины-приманки в баре).

Тема китайско-европейских отношений неизбежно возникает при описании многонационального Шанхая. Социальный аспект контакта цивилизаций составляет в очерках фон — картины массовой эксплуатации китайцев, как мужчин, так и женщин. Любопытно, что их главными притеснителями и эксплуататорами в изображении Магарама все же оказываются не европейские хищники, а такие же китайцы — владелец лавки, компрадор или сутенерша. Китайцы в собственной стране оказываются практически на дне общества, однако сами они не считают себя ниже белых, более того, слегка презирают европейцев и насмеваются над ними (пример — соперничество китайок и европейек в рассказе «Жена»).

Межличностный аспект темы, контакты отдельных людей, занимает важное место в сюжетах очерков, и у Магарама это почти всегда контакт двух полов. При этом европеец, которому доступны женщины всех рас и народов, мало интересует Магарама как объект детального индивидуального изображения. Наоборот, влечение китайца к запретной европейке несколько раз показано на страницах очерков: китайский портной или сапожник, прикасающийся во время примерки к телу клиентки, рикша, которого «белая госпожа» погоняет каблуком по спине («Приличный дом», «Жена», «Рикша»). Ситуация безопасна, пока персонаж-китаец

не поддается страсти, не идеализирует «белую госпожу» (которая на самом деле является проституткой или содержанкой) и не переходит границу. Однако возможен и трагический вариант развития событий: желание грозит смертью, персонаж-китаец буквально погибает от такой любви («Рикша»). «Покушение» азиата на белую — потрясение основ и вызов социальному порядку и вместе с тем проявление его общечеловеческой природы. О значимости этой темы в ее трагическом варианте говорит то, что она есть не только в очерках «Желтый лик», но и в рассказе-кинодраме Магарам «Опасная забава» (1920), и в другом произведении, опубликованном в его альманахах («Трагедия священного острова» Ю. Викторова (1923)).

Особенностью произведений Магарам является отказ обозначать какой-либо из представленных народов (китайцы, японцы, различные европейцы, евреи, индийцы, русские) как «свой». Его нарратор лишен национального определения и в его изображении все народы выглядят «чужими». Оппозиция восточного и западного для Магарам менее значима, чем противопоставление природного и социального. Стремление обнаружить единые основы человеческой природы проявляется в создании персонажей, принадлежащих к разным цивилизациям, но похожих друг на друга и поставленных в сходные ситуации.

Героини очерков — эмоциональные, мечтательные женщины, способные воспринимать красоту и сами ей обладающие: китайки Ин и Сю, японка Синово, еврейка Сарра. Магарам особенно подчеркивает привлекательные национальные черты в их портретах. Эти персонажи оказываются в драматических ситуациях, в сюжете выступают жертвами: их притесняют, домогаются, продают или цинично используют. Все они переживают один и тот же конфликт: сознательно или бессознательно отдавая предпочтение более витальному и привлекательному мужчине, они в силу долга или обстоятельств достаются слабому. Помехой природному выбору служит не только корысть и условия жизни портового города, как в рассказе «Синово» («дебют» гейши с приятным ей клиентом отменяется, чтобы передать ее старому европейскому миллионеру). Традиционные китайские законы ведут к тому же: брак по расчету старика и девушки в «Дочери гробовщика», необходимость «почитания родителей», обернувшаяся домогательствами свекра к невестке в рассказе «Жена». В целом старый Китай с его традициями и могилами предков, в котором живут семьи Сю и Ин, лишен необходимой жизненной силы и выглядит обреченным на вымирание.

Однако слабый персонаж не обязательно циник, он может быть добрым и чувствительным, связанным с миром культуры и искусства, как торговец антиквариатом Ван Чжи-Сунь или скрипач Мендель Залманович. Они ценят свою семью, однако проявляют полное бессилие, когда их женам что-то угрожает. Их утонченность и мягкость идут рука об руку с вялостью и беспомощностью. В результате природная тяга их жен к силе и энергии побеждает как любые социальные законы (китайские или европейские), так и изначальную эмоциональную привязанность, и дальнейшая жизнь пары требует более или менее болезненных моральных компромиссов.

Наиболее экстремальным примером является рассказ «Дочь гробовщика», отчасти стилизованный в духе китайских сказок, опубликованных в альманахах Магарам. История Ин начинается как история «золушки», которой предстоит пройти через множество испытаний и добродетелью заслужить счастье. Выйдя замуж за пожилого богача Вана, она терпит издевательства от остальной семьи, но получает его любовь и признание. Однако главная проблема — отсутствие у этой пары наследника — так и не решается, пока Ин не становится жертвой насилия со стороны незнакомого кули в весенней роще за городом. Магарам выстраивает амбивалентную ситуацию, в которой потеря и обретение взаимно уравновешиваются. Если бы не насилие, семья Ван так бы и осталась без потомства. Но в финале семейная идиллия оказывается под угрозой, так как Ин больше не любит своего мужа и поддается обаянию плоти в виде первого попавшегося рикши: «Но тут же она пугалась своих мыслей и, вздрагивая, бессознательно, с наслаждением вдыхала крепкий, кисловатый запах его влажной вспотевшей спины, не могла оторвать глаз от черного, загорелого, как поджаренный бифштекс, обнаженного тела» (с. 96). И все же такая победа внеэтичного и внеэстетичного природного начала представлена в рассказе как благополучный финал с точки зрения всех участников.

Несмотря на обнаруженное равенство народов перед законами бытия, можно выделить специфические черты китайского народа в очерках Магарам: бесстрашие, покорность и вместе с тем жажда жизни. Китайцы — самые неприспособленные, способные примириться с чем угодно в мире «желтого дьявола» или «смеющегося Будды». Они испытывают «жгучую, животную радость бытия» (с. 17) там, где это кажется невозможным. Рикша Пу Хо, проснувшись утром на улице, бодро встречает новый день. Ин, беззащитная перед собственной семьей, все равно находит возможность радоваться жизни. Но заметна также неприемлемая для нарратора «толстокожесть» китайцев, то, что он называет «бесстрашием» — невозможность понять дисгармонию положения и ощутить боль от того, что составляет трагизм бытия. В то время как еврей Мендель возмущается, что его Сарру уведут, китайский ремесленник Янь-Джо хладнокровно обрекает свою жену на унижительную жизнь и домогательства свекра в деревне, потому что это проще, чем найти ей безопасное место в городе. Очевидна амбивалентность такого бесстрашия, но для Магарам важно его обнаружить.

Итак, в изображении Магарам Китай далек от поэтического образа потерянного или обретенного рая. Китай — то монотонное, то кипучее непрекращающееся движение человеческой массы. Его пространство неблагоприятно для жизни, условия большого города требуют высокого напряжения энергии, однако китайский народ способен выживать в самой агрессивной среде, оставаясь стойким и бесстрастным. Все проявления эстетики и культуры — лишь внешний тонкий слой, под которым находится вечный круговорот плоти, направляемый природными законами. Нарратор с его оценкой и восприятием мира в окружении китайцев абсолютно одинок и находит в их реакциях мало общего с собственными. Магарам то соединяет в единый «пестрый» образ отталкивающее и привлекательное,

занимает позицию «смеющегося Будды», равно встречающего добро и зло, то с откровенным ужасом разоблачает царство желтого дьявола.

Дальний Восток : лит.-худож. альманах, посвящ. Китаю / ред. Э. Е. Магарам. Шанхай, 1920. 92 с.

Дроздов М. Магарам Элязар (Эли) Евельевич // Коллекция русского шанхайца : [сайт]. URL: <https://russianemigrant.ru/book-author/magaram-e-e> (дата обращения: 09.08.2022).

Дябкин И. А. «Грандиозный и величественно прекрасный Китай»: образ Китая в творчестве П. В. Северного // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 140–145.

Желтый лик : лит.-худож. альманах, посвящ. Китаю / ред.-изд. Э. Е. Магарам. Шанхай, 1921. 82 с.

Забияко А. А. Художественная этнография в литературе дальневосточной эмиграции: творчество Н. А. Байкова и религиозные традиции народов Северной Маньчжурии // Литературное зарубежье как культурный феномен : сб. науч. тр. Сер. : Теория и история литературоведения / отв. ред. Т. Г. Петрова ; ред.-сост. К. А. Жулькова, Т. Г. Петрова. М., 2017. С. 220–235.

Китай : лит.-худож. альманах / под ред. Э. Е. Магарам. Шанхай, 1923. 105 с.

Левченко А. А., Забияко А. А. Художественная этнография В. Марта: образы китайцев в прозе 1920-х гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте. Благовещенск, 2013. Вып. 10. С. 219–236.

Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения : сб. науч. тр., посвящ. 60-летию проф. В. В. Агеносова. М., 2002. С. 271–285.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Таллинн, 1992–1993. С. 9–21.

Магарам Элизар Евельевич (1899) // Открытый список : [сайт]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Магарам_Элизар_Евельевич_\(1899\)](https://ru.openlist.wiki/Магарам_Элизар_Евельевич_(1899)) (дата обращения: 09.08.2022).

Магарам Э. Желтый лик: Очерки одинокого странника / подгот. текста М. Фоменко. Б. м., 2019. 128 с.

Поливан Р. В. Роман В. Качоровского «Сье Ви Цан»: этнография Китая глазами «русского туриста» // Русский Харбин, запечатленный в слове : сб. науч. работ к 70-летию проф. В. В. Агеносова. Благовещенск, 2012. С. 227–236.

Поливан Р. В. Восток и Запад в творчестве Павла Северного (на материале повести «Фарфоровый китаец качает головой») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом контексте : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск, 16–18 мая 2012 г. / под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск, 2013. С. 248–255.

Смирнов С. В. «Китайщина»: Китай глазами русских эмигрантов (1920–1930-е гг.) // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42, № 2. С. 276–284.

Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста : сб. ст. / отв. ред. Т. В. Цивьян. М., 1987. С. 121–132.

Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке : биобиблиогр. словарь. Владивосток, 2000. 358 с.

Хэ М., Ли С. Многоликость Шанхая в русской эмигрантской поэзии в Китае // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3. С. 118–134.

Цуй Л. «Китайский текст» и эмигрантский миф в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920–1950-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 430. С. 45–51.

Эпштейн М. Н. Стихи и стихия. Природа в русской поэзии, XVIII–XX вв. Самара, 2007. 352 с.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022 г.

Научная статья

УДК 316.733 + 332.1 + 327.2 + 316.77 + 316.334.56-053.81

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.070

РЕСУРСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В КУЛЬТУРНОМ БРЕНДИНГЕ ГОРОДА

Татьяна Юрьевна Быстрова¹
Мария Владимировна Певная²
Светлана Николаевна Костина³

^{1, 2, 3}*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹ taby27@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6713-6867>

² m.v.pevnaya@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3591-1181>

³ s.n.kostina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9346-600X>

А н н о т а ц и я. Понимая брендинг как наделение территории дополнительными ценностными значениями, авторы определяют мотивы и потенциал участия молодежи в этом социокультурном процессе. Опрос молодежи, проведенный в городах Польши, Румынии, Армении, России, и серии кейс-стади в этих странах позволяют определить ресурс молодежи разных стран в брендинге городов. Кейс о волонтерах фестиваля «Уральская ночь музыки» подтверждает гипотезу авторов о том, что верно определенные специалистами ценностные основания этой деятельности могут влиять на полноту реализации ресурсов молодежи, степень ее вовлеченности в события и проекты по формированию бренда.

К л ю ч е в ы е с л о в а: брендинг города; брендинг места; культурные ценности; молодежь; социальное участие; привлекательность территории; потенциал участия

Б л а г о д а р н о с т и. Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00471 «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления».

POTENTIAL OF YOUTH IN TERRITORY BRANDING

Tatiana Y. Bystrova¹

Maria V. Pevnaya²

Svetlana N. Kostina³

^{1,2,3}Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

¹taby27@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6713-6867>

²m.v.pevnaya@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3591-1181>

³s.n.kostina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9346-600X>

Abstract. Understanding branding as endowing the territory with additional value senses, the authors determine the motives and potential of youth participation in this sociocultural process. A survey of young people conducted in the cities of Poland, Romania, Armenia, Russia and a series of case studies in these countries allows us to determine the resource of young people from different countries in city branding. The case about the volunteers of the Ural Night of Music confirms the authors' hypothesis that the value bases of this activity, adequately identified by specialists, can influence the completeness of the realization of the youth resources and the degree of their involvement in brand building events and projects.

Key words: city branding; place branding; cultural values; youth; social participation; territory attractiveness; participation potential

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research 20-011-00471 Social participation of youth in the socio-cultural development of Russian cities and post-Soviet countries: a comparative analysis of management opportunities and models.

Введение

Социально-экономическое преобразование городских территорий зависит не только от ресурсов развития, инвестиций и стратегии управления, но и участия населения в социальных процессах, в том числе от вклада молодежи. Глокализация и ограничения межстрановой мобильности открывают «окно возможностей» для развития территорий, в том числе за счет локального туризма и целенаправленной работы с городской молодежью, включения последней в социальные практики развития региональных городов в разных странах. Определение ценностной шкалы молодых людей, вовлеченных или вовлекаемых в этот процесс, показывает, что, при всем отличии культуры и истории городов разных стран, основания и мотивы участия могут иметь схожие характеристики. Их понимание необходимо для усиления эффективности социокультурных проектов и инициатив.

Брендинг, интерпретируемый специалистами (либо выражение «духа места», либо, напротив, конструирование его идентичности сообразно актуальным внешним задачам), имеет разную направленность и масштабы. Мы предполагаем, что исходные ценностные основания этой деятельности могут влиять на полноту

реализации ресурсов молодежи, степень ее вовлеченности в события и проекты по формированию бренда и развитию города.

Взаимосвязь культурного брендинга территории и мотивов участия молодежи

Начиная с 2000-х гг. брендинг территорий является популярным направлением исследований и городской политики. Пик изучения пришелся на начало 2010-х гг., позже специалисты начали более активно развивать эту тему в социально-экономическом плане, постепенно переходя к теме креативных индустрий [Газнюк, Дьяченко]. Для целей нашей работы понятие «брендинг» подходит, поскольку позволяет сохранить в процедуре и рассуждениях приоритет социокультурных ориентиров.

Формирование бренда представляет собой комплекс действий по выявлению и предъявлению культурных ценностей места тем или иным целевым аудиториям [Динни; Кучинская; Пашкус В. Ю., Пашкус Н. А., Пашкус М. В.]. При этом, даже при наличии маркетинговых целей, деятельность по созданию бренда города имеет социокультурный характер [Быстрова; Визгалов] и, что очень важно, не реализуется без участия горожан, становящихся и стейкхолдерами, и его «лицами».

Д. Грант определяет бренд как «стратегическую культурную идею», неотделимую от ее носителей [Грант]. К. Динни указывает на то, что брендинг территории ориентирован в основном не столько на туристов, сколько на «воодушевление местных жителей». Он базируется на идее включения в проект самых разных стейкхолдеров, каждого из которых необходимо спросить о ценностях бренда и заинтересовать в них [Динни].

Если ценности бренда определены неточно, вообще не озвучиваются или переживаются как неподлинные, жители будут пассивны. Видимо, отсутствием рефлексии теоретиков и практиков по поводу зависимости между точно определенными культурными ценностями и активностью реализации ресурса объясняется широко распространенная констатация низкой активности горожан. В литературе пока еще нет убедительного объяснения, почему чаще всего участие граждан в практике брендинга территории является или недостаточным, или в основном пассивным. При этом без привлечения местного сообщества к разработке и продвижению бренда территории действия становятся менее эффективными [Там же]. Только конструктивное участие жителей позволяет избежать ловушки, связанной с развитием «искусственных», «сконструированных» брендов мест [Быстрова]. Кроме этого участие местных сообществ в брендинге обеспечивает их дальнейшую роль как защитников бренда [San Eugenio].

Мы предполагаем, что очень многое зависит от верно выбранного ценностного наполнения бренда. Как сказано выше, можно актуализировать исходные ценности, существующие на данной территории или приписываемые ей, либо моделировать (конструировать), в том числе достаточно произвольно, некое ценностное наполнение. Противоречие подходов иногда может укладываться в короткую

формулу, подмеченную нами в одном из проектов В. Кладова в 2022 г. [Список победителей...]. Речь идет на первый взгляд всего лишь о самоназвании — «пензенец» или «пензяк», но за выбором того или иного варианта возникает обширное смысловое поле, в которое входят не только исторические аллюзии, но и текущие активности. Автор отмечает, что достаточно стандартные, хотя и полезные, действия по благоустройству набережной или центра города инициировались администрацией города и проходили с использованием более официальной версии самоназвания. Тем самым они как бы отчуждались от рядового горожанина, вдобавок не содержали индивидуальных местных характеристик. Между тем энтузиазм или внутреннюю активность порождает личная причастность к своему месту с его уникальной историей.

Выражение, выведение на поверхность, актуализация аутентичных ценностей места могут быть гораздо более сложным процессом, поскольку далеко не все они однозначно принимаются жителями, а в ряде случаев — просто неизвестны им: так, г. Екатеринбург не всегда признает ценность конструктивизма. Этим, с нашей точки зрения, объясняется работа с объектами индустриального наследия, тоже принимающая несколько стандартизованный характер.

Показательна разница подходов городов Сысерти и Арамили, входящих в агломерацию Большого Екатеринбурга. Они обладают богатым историко-промышленным наследием, но совершенно по-разному расставляют акценты в текущих проектах. Сысерть с проектом «На заводе» (ранее — «Лето на заводе») подчеркивает любые молодежные и арт-активности, как бы «недоговаривая» об уникальности архитектуры, планировки, технологий малого индустриального города с трехсотлетней историей. Ценности бренда не то чтобы насаждаются, но продуцируются современными людьми, в значительной мере — туристами, часто без диалога с предшествующими обстоятельствами места. Арамилская суконная фабрика (дата постройки основного корпуса ок. 1899–1902 гг.), в начале XX в. бывшая вторым по значимости предприятием Екатеринбургского уезда и лидером текстильной отрасли Урала [Арамил..., с. 59], строит большинство начинаний вокруг темы ткачества, текстиля, ремесла, шинелей, которые здесь шились. В проектах активно проявляют себя ветераны фабрики, закрывшейся в 2000-х гг. Тем самым обеспечивается непрерывность трансляции ценностей, а площадка перестает быть «фоном» по отношению к происходящему.

В брендинге территории жители проявляют себя в трех ипостасях. Они являются неотъемлемой частью бренда места («лица», поведение); выступают в качестве послов бренда места, обеспечивающих доверие к тому или иному сообщению или продукту; рассматриваются как граждане и избиратели, которые жизненно важны для политической легитимации брендинга территорий [Braun].

Участие граждан в обновлении городов имеет достаточно длительную историю. В качестве примера можно привести изменение представлений об участии граждан Нью-Йорка в планировании городских территорий в 1945–1975 гг. [Reaven]. За тридцать лет город прошел путь от инициативы исключительно активистов по обновлению города до создания прозрачной системы, в которой участие граждан

формализовано, а власть до некоторой степени децентрализована. Участие горожан как социальное взаимодействие формирует уникальную атмосферу разнообразных практик в общественных пространствах — активностей горожан (каждодневных рутинных, релаксационных, культурно-рекреационных, политических, гражданских и пр.), играющих важную роль в полноценной жизни и привлекательности городов. В городе совместного проживания (использования) общие интересы становятся приоритетными, новые формы совместного использования активизируются и продвигаются, а город рассматривается как общее пространство для всех граждан, способствующее их самореализации [Agyeman, McLaren, Schaefer-Borrego].

В научных работах показана взаимосвязь степени вовлеченности граждан в процессы городского управления, в том числе в брендинг, с уровнем их удовлетворенности [Xu, Zhu]. Выявлена связь между удовлетворенностью граждан в сфере городской жизни, отношением к бренду, привязанностью к месту и позитивным гражданским поведением [Zenker, Erfgen]. В этом смысле бренд территории становится ресурсом для развития самих горожан, так как интегрируется в их среду жизнедеятельности. В объективном плане он влияет на качество жизни, в субъективном — на социальное самочувствие, активность, намерения людей.

Концепция ресурсности молодежи — методологическая основа исследования

В социальных науках молодежь часто рассматривается как ресурс экономического, демографического и социокультурного развития территории. Молодежь проявляет новаторство при решении проблем, реализуя или не реализуя свой потенциал, одновременно осваивая ресурсы среды. Как уже показано, в территориальном брендинге последние связаны с культурой, историей и событийной повесткой городских пространств.

Говоря об условиях вовлечения в проекты и развивая ресурсный подход К. Манхейма, Ю. Р. Вишневский выделяет правило «трех РЕ» — ресурс, резерв, реализация, подчеркивая, что в совокупности они определяют потенциал молодежи, а также «совокупность наличных свойств и качеств, накопленных человеком и определяющих его способность (возможность) к более оптимальному функционированию и развитию» [Студент 1995–2016, с. 46]. Оба названных автора признают, что трудности с самоопределением у молодых людей могут быть обусловлены противоречивой ценностной ситуацией [Там же, с. 59].

Соответственно, резерв трактуется как готовность к реализации, обеспечиваемая не только образованием, но и удовлетворенностью своим выбором той или иной деятельности; в нашем случае речь может идти о готовности к конкретному участию в городских инициативах, вливающих в более широкий процесс брендинга места. Реализация же зависит от того, насколько актуальными оказались резервы и ресурсы человека [Там же, с. 48]. Ю. Р. Вишневский рассуждает о «трех РЕ» применительно к профессиональному образованию, мы рассматриваем

данную концепцию в логике заявленной темы. Это дает возможность связать социально значимые действия с актуализацией наличных способностей (возможностей), с практическим применением внутренних резервов каждого молодого человека в контексте социокультурных городских событий или социальных эффектов, которые приобретает личность и территории или организация — организатор молодежной активности. Иначе говоря, речь идет о точке ценностного пересечения возможностей человека и ожиданий места, в котором он живет: готов ли молодой человек к действиям «про город», совпадают ли его действия с направлением развития и позиционированием данного города.

Были определены следующие ключевые исследовательские вопросы: насколько и почему студенты готовы участвовать в формировании образа их городов через групповые активности, включая практики распространения информации о городе? Что может давать участие в социокультурных проектах молодым людям для реализации их личных ресурсов? Какие проекты и с каким содержательным наполнением позволяют реализовать ресурсы молодежи в социокультурном брендинге мест?

Данные и методы их сбора

Исследование проводилось в трех постсоциалистических странах: России, Армении, Румынии. В 2020 г. реализован опрос молодежи из региональных городов: г. Екатеринбург (Свердловская область, Россия, $n = 465$), г. Гюмри (Ширакская область, Армения, $n = 268$), г. Тимишоары (область Банат, Румыния, $n = 279$). В ареал опроса попали региональные территории, где указанные города являются центром притяжения молодежи из близлежащих населенных пунктов. Все выбранные для опроса городские территории значимы в культурно-историческом плане для демонстрации особенностей исторического развития страны и региона их нахождения, т. е. выступают в качестве элементов бренда.

Для измерения ресурсности молодежи в брендинге городов выделены две группы показателей: представления молодежи об общем видении места, включая основные элементы места (ценностно-информационные ресурсы); готовность участвовать в брендинге (резервы реализации ресурсов). Готовность очного участия в брендинге территории анализировалась на основе вопросов: «Готовы ли вы рассказать гостям города о его истории или показать приезжим гостям достопримечательности города?» и «Готовы ли вы рассказать в интернете о родном городе?».

Среда участия студенчества в брендинге анализировалась методом кейс-стади. Сбор информации осуществлялся в 2021 г. с помощью следующих методов: включенное наблюдение; экспертные интервью с руководителями и сотрудниками организаций некоммерческого сектора, образовательных, социальных и культурных учреждений, работающих с молодыми волонтерами; фокус-группы, групповые и индивидуальные интервью с молодыми людьми, имеющими опыт волонтерской деятельности; анализ документов, информационных ресурсов (сайтов, групп в социальных сетях), которые включали материалы об анализируемых проектах.

Детально описаны и проанализированы 9 проектов, которые упоминались молодежью чаще всего, а также были значимы для городов.

По собранным и транскрибированным материалам кейсов проведен качественный анализ. Полученные данные изучались посредством процедур кодирования в соответствии с методологическим подходом А. Страусс и Д. Корбин [Страусс, Корбин]. На этапе сбора данных основные блоки программы кейса (характеристика организации, проектов, партнеров, целевых аудиторий); технологии работы с волонтерами (информирование, рекрутинг, обучение, удержание) дополнялись новыми вопросами, а возникающие идеи, интерпретации и гипотезы проверялись при обращении к следующим информационным материалам каждого кейса. В транскриптах выделялись отдельные фрагменты данных, которые кодировались и в дальнейшем были объединены в несколько групп по отношению к ресурсности: «осознанность участия» и «степень самостоятельности выбора активности», «характеристика мотивации волонтеров», «социальные эффекты для волонтеров», «социальные эффекты для организаторов», «долгосрочность отношений с организаторами», «важные организационные условия для вовлеченных молодых участников». В итоге определены три типа социокультурных городских проектов, которые вызывают разную степень вовлечения и участия молодежи в социокультурной жизни городов: серьезное долгосрочное или проектное хорошо осознанное, индивидуальное волонтерское участие; эпизодическое волонтерское участие с определенным уровнем его осознанности и чаще индивидуальным выбором данной активности; массовое разовое волонтерское участие, чаще носящее коллективный характер и характеризующееся низким уровнем осознанности сути деятельности. Во всех проектах молодежное участие представлено разными модификациями, но обязательно доминирует какой-то один из выявленных типов социальной вовлеченности.

В данной статье по ряду причин для анализа взят один российский социальный проект второго типа — с доминирующим эпизодическим участием молодых горожан. Во-первых, такое участие — глобальный тренд, оно становится все более распространенным не только в России, но и в других странах [Краснопольская, Гусева, Мейс, Кнаан]. Во-вторых, в таком типе проектов предполагаются разные виды участия горожан: от пассивного наблюдателя до активного участника, помогающего в проведении этого мероприятия, реализации данного социокультурного проекта. В-третьих, выбор российского кейса обусловлен результатами сравнительного исследования, которые показали наименьшую готовность к участию в брендинге территории именно российской молодежи.

Результаты исследования

Для начала рассмотрим результаты социологического опроса. В ходе анализа нами были определены три расчетных переменных: интерес к истории родного города, готовность очного участия в брендинге территории и индекс готовности к онлайн-участию.

Интерес к истории родного города как ценности — расчетная переменная, которая является производной от переменных «самооценка знания респондентов об интересных памятниках, парках, музеях и достопримечательностях поселения» и «источники информации о достопримечательностях поселения». «Отсутствие интереса» при построении переменной определялось как выбор варианта «ничего особенного не знаю» и констатация отсутствия какого-либо источника информации о памятниках и достопримечательностях города (Россия — 6 %, Армения — 2 %, Румыния — 8 %). Пассивный интерес отмечался при выборе таких источников информации, как «что-то слышал в СМИ», «читал в интернете», «рассказывали в школе», «рассказывали друзья, знакомые, родные», «видел издание про свой город», «посещал музей» (Россия — 73 %, Армения — 55 %, Румыния — 8 %). Активный интерес обозначался при выборе ответа «сам интересовался, искал специально информацию» и «встречался с краеведами» (Россия — 21 %, Армения — 43 %, Румыния — 37 %).

Активный интерес к истории родного города (поселения) в большей степени проявляется у молодежи Армении, в наименьшей — у молодежи России. На наш взгляд, интерес молодежи к истории места во многом зависит от сложившейся в национальном государстве общественно-политической ситуации, в том числе политики в отношении популяризации и пропаганды культурно-исторического наследия. В современной России интерес к истории и культуре страны, родного города формируется традиционными институциональными решениями, как правило, через нацеленные на самих горожан массовые традиционные праздники, экскурсии в музеи, не вызывающие особого интереса молодежи к тому месту, где они родились и выросли. Но сегодня ситуация меняется. Армения в связи с политической дестабилизацией находится в социальной аномии, требующей не только определения политического курса страны, но и особого внимания населения к истории государства, ее отдельных городов. Скорее всего, поиск фундамента для самоопределения и экономической устойчивости г. Гюмри и поселений Ширакской области наряду с другими факторами обусловил высокий интерес молодежи к городской культуре и истории, так как исторические памятники и места являются практически единственным ресурсом экономического развития территории.

Готовность очного участия в брендинге территории измерялась на основе суммы ответов респондентов по выбору таких форм участия, как «готовы рассказывать гостям города об его истории» и «готовы показать приезжим гостям достопримечательности города»: Россия — 50 %, Армения — 73 %, Румыния — 115 % (в сумме может быть больше 100 %, поскольку респонденты отмечали несколько вариантов ответов).

В наибольшей степени готовность очно участвовать в брендинге места проявилась у молодежи Румынии, где каждый респондент выбрал в среднем 3,6 практики участия из 6 возможных, а более половины опрошенных отметили, что готовы рассказывать или показывать приезжим достопримечательности города или поселения. Это во многом может быть связано с тем, что в 2021 г. Тимишоара объявлен культурной столицей Европы. Бюджет проекта по подготовке города

к проведению мероприятий составил 48,5 млн евро. К этому событию были подведены определенные планы и программы, которые в связи с ограничениями пандемии не смогли в полной мере реализоваться.

У армянской молодежи готовность очно участвовать в брендинге места проявилась средне, несмотря на наличие богатой истории места. В 2013 г. Гюмри был официально объявлен культурной столицей СНГ. В Армении до 2018 г. проходили культурные мероприятия, которые не только привлекали туристов, но и способствовали реальному участию молодежи в их организации и проведении.

В наименьшей степени готовность к участию в брендинге территории проявилась у российских студентов (50 %). В российских городах в последние пять лет проходили крупные международные спортивные, культурные и деловые мероприятия, однако в них вовлекалось ограниченное число молодых горожан. Это говорит о несовпадении ценностных ориентиров российской молодежи с ценностями места проведения того или иного мероприятия (одним из вариантов такого несовпадения может быть элементарное незнание истории и культуры места).

Индекс готовности к онлайн-участию рассчитывался на основе ответов респондентов на вопрос «Готовы ли вы рассказывать в интернете о родном городе?». Готовность определялась как сумма выборов вариантов ответов «да» и «скорее да», неготовность — как сумма выборов вариантов ответов «скорее нет» и «нет», варианты ответа «затрудняюсь ответить» и «отказ от ответа» не учитывались (табл. 1).

Таблица 1

Готовность молодежи рассказывать в интернете о достопримечательностях и культурных местах своего города, % от опрошенных

Индекс	Россия, <i>n</i> = 465	Армения, <i>n</i> = 268	Румыния, <i>n</i> = 279
Индекс готовности рассказывать в интернете о родном городе (шкала от 0 до 1)	0,56	0,80	0,62

Результаты расчета индекса готовности выявили существенные страновые различия: у молодежи Армении данный индекс составил 0,8, на втором месте — молодежь Румынии (0,62), далее — российская молодежь (0,56), и наименьшая готовность была выявлена у молодежи Польши (0,54).

Ресурс городских социокультурных проектов с эпизодическим участием молодежи

Представим более подробно социокультурные городские проекты, в которых доминирует эпизодическое молодежное участие. Они хорошо показывают ценности, притягивающие участников, и еще не выявленные, не актуализированные смыслы. Степень осознанности молодежного участия в такого рода проектах может быть и высокой, и средней, при индивидуальной стратегии выбора деятельности волонтеров в рамках этих проектов. В качестве ведущих мотивов,

которыми руководствуются молодые люди и девушки, активно вовлеченные в проект в качестве волонтеров, чаще всего выступают личные предпочтения, творческие увлечения, желание интересно и с пользой организовать свой досуг. В плане ресурсности молодежи такие проекты эффективны, если они дают дополнительные компетенции, эмоциональную, содержательную удовлетворенность, соответствуют серьезному досугу (термин Р. Стеббинса). Для организаторов проекта данного типа социальные эффекты активного участия молодых волонтеров выражаются не только в успешно реализованных мероприятиях, но и в идентификации этих участников «как своих», сохранении желания молодых горожан присоединиться к этому проекту в будущем. При этом в таком типе проектов активное участие молодежи как волонтеров обычно носит ситуативный характер, не предполагает системной работы и не влечет за собой обязательного участия молодых волонтеров в других проектах организаторов.

В организации проектов такого типа важны технологизация волонтерского менеджмента, вариативность волонтерских вакансий в соответствии с функционально-ролевым распределением добровольных помощников в проекте, а также развлекательный, творческий характер, краткосрочность акций и мероприятий, в которые вовлекаются волонтеры.

К проектам такого типа можно отнести ряд культурных мероприятий, которые проводятся в сравниваемых нами городах. В Гюмри это ежегодный фестиваль «Ширакская зима», фестиваль ремесел и искусств, ежегодный фестиваль пива. В Тимишоаре ежегодно проводится фестиваль цветов Timfloralis, фестиваль джазовой музыки и фольклорное национальное массовое мероприятие «Фестиваль сердец». Традиционным городским событием, напрямую связанным с брендом территории, является фестиваль Vega Boulevard. Объединяет все эти проекты несколько характеристик. Они интересны для молодых горожан и гостей городов, в которых они проходят, так как наполняют городские пространства событийно, эмоционально и творчески. Такие проекты вовлекают их участников в создание нового, живого контента о территории, детерминируют распространение привлекательного образа городов в оценках вовлеченных в эти события людей, которые делятся со своими родными, близкими и знакомыми не только фотографиями, видео и аудиозаписями, но и эмоциями. Эти проекты краткосрочны, имеют не только пространственные, но и четко заданные временные границы своего проведения.

В Свердловской области тоже есть проект, где доминирует «эпизодическое волонтерство», — музыкальный фестиваль «Ural Music Night», UMN («Уральская ночь музыки»), в рамках которого для работы с добровольными помощниками запущен отдельный проект «Команда волонтеров “Уральской ночи музыки”» (Ural Music Volunteer Crew)¹.

Фестиваль «Ural Music Night» был неоднократно поддержан Фондом президентских грантов и Президентским фондом культурных инициатив. В этом

---

¹ Сайт проекта. URL: <http://umvcrew.ru/>

проекте команда молодых волонтеров-студентов (группа сообщества включает более 1900 человек) участвовала в подготовке столицы Свердловской области к таким двум крупнейшим музыкальным событиям, как «Ночь музыки» и «Старый новый рок». Участники работали фотографами, переводчиками, копирайтерами, дизайнерами, видеооператорами, ивент-менеджерами, что способствовало формированию навыков работы в проектных командах и профессиональных компетенций.

Каково ценностное наполнение «Уральской ночи музыки» в контексте территориального бренда, в том числе в связи с местом проведения этого мероприятия? Мы видим здесь три основных момента.

Во-первых, название основного проекта отсылает к трем ценностно-значимым вещам: оно позиционирует г. Екатеринбург в качестве некоего очень «уральского» места и дает возможность почувствовать свою причастность не только к городу, но и к крупному и влиятельному региону в целом; оно напоминает о том, что еще с 1980-х гг. г. Свердловск-Екатеринбург является одним из музыкальных центров России; наконец, оно входит в ряд культурных событий, таких как «Ночь музеев», «Ночь искусств» и т. д., на которых происходит своеобразный функциональный и смысловой «перевертыш»: все закрытое оказывается открытым, все запрещенное — разрешенным и т. д. Эта инверсия, хорошо исследованная М. М. Бахтиным применительно к карнавальной культуре, является одним из мощных культурных архетипов — неосознаваемых, но притягивающих к себе. Все отсылки чувствуются интуитивно, не требуют обязательного глубокого знания истории, но подкрепляются ей, т. е. ценности не конструируются, а именно выявляются, выражаются названием.

Во-вторых, важно, что мифология бренда напрямую связывается с местом его рождения. Так, в 2019 г. одна из организаторов UMN, Н. Шмелькова, говорила о территории города, фактически тождественной территории фестиваля: «Мы придумали фестиваль совершенно случайно... Мы очень любим г. Екатеринбург, не хотим отсюда уезжать, а хотим общаться с интересными людьми и ходить на интересные мероприятия. Но когда ты приезжаешь в другой город или страну, тебе трудно рассказать про г. Екатеринбург. Мы решили говорить о нем как о городе будущего, где куча интересных историй. И музыка в нем — универсальный язык, который объединяет и старых, и молодых, дарит положительную энергию» [Миссия — статья].

В-третьих, «Команда волонтеров UMN» как название тоже содержит позитивные ценностные коннотации, которые, как показывает опыт, могут быть недопоняты или искажены из-за высокой обобщенности слов, отсутствия плотной привязки к месту. При этом все названные в начале статьи специалисты по брендингу единодушны в необходимости уникальных (а не обобщенных или абстрактных) ценностей.

Такой ценностью для начинающих волонтеров часто становится единичный контакт с известным музыкантом или персоной, а не личный профессиональный или иной опыт. Присоединяясь к имиджу если не «звезды», то известного

человека, молодые люди возвышают тем самым и себя. Зафиксировав контакт на фотографии, они теряют всякую мотивацию к дальнейшим активностям в проекте. Более долгосрочное сотрудничество — хотя и в отрыве от базовых ценностей фестиваля — возникает, когда для молодого человека значимы общение, контакты. Это совпадает и с важной для участников ценностью совместных творческих действий, помощью профессиональных музыкантов и продюсеров.

Как ресурсность реализуется в социальном взаимодействии при реализации данного культурного проекта? Что может давать молодым людям участие в этом проекте с точки зрения реализации их личных ресурсов?

Можно выделить две группы молодежи, активно вовлеченной в проект. Это те, кто погружен в музыкальную среду, имеет высокую заинтересованность в участии — молодые музыканты. Соответственно, их включенность в проект полная, они развиваются творчески, общаются, взаимодействуют друг с другом, формируют не только свое локальное креативное сообщество, но и свою публику. Интерес городской молодежи, в том числе волонтеров, к проекту увеличивается благодаря встраиванию в городское пространство повседневности ориентированной на активных горожан креативной досуговой среды с множеством локаций, разнообразием стилей и интересных музыкальных продуктов. Территория города во время проведения фестиваля превращается в пространство общения и досуга, не только порождающее интерес молодежи к происходящему, но и формирующее новый, конструктивный контент (видео, фото), который наполняет интернет и особым образом обогащает бренд территории от лица жителей города и его гостей. Повышенный интерес молодежи к проекту подтверждается как достаточно большим количеством участников — зрителей массовых мероприятий проекта, так и многочисленной командой волонтеров — тех, кто успешно помогает команде организаторов в проведении, сопровождении и информационном освещении публичных мероприятий.

«Три РЕ» — ресурс, резерв, реализация — отражаются в жизненном мире молодых музыкантов и волонтеров «Команды...» следующим образом. Проект способствует повышению профессионализма молодых музыкантов, позволяет развить у волонтеров то, чего может им не хватать в личностных ресурсах (психологических, профессиональных и т. д.), — например, умение коммуницировать с творческими людьми, работать в команде или профессионально фотографировать, писать тексты. Проект направлен на подготовку волонтеров, возможно, как будущих профессионалов сферы культурного ивент-менеджмента. На время проекта волонтеры погружаются в специфику работы музыкальных фестивалей, наращивают свои компетенции, посещая лекции, мастер-классы, семинары, квесты, которые для них специально проводят организаторы на разных городских площадках города. Такая активность опосредованно оказывает влияние на интерес молодых волонтеров к своему городу и как к месту значимых культурных мероприятий.

Резерв может определяться готовностью участников и волонтеров поддерживать важное для их города мероприятие (и другие аналогичные) с определенной

регулярностью. Организаторы в ходе подготовки таких массовых культурных событий формируют базу потенциальных участников и волонтеров. Для этого в основном используются социальные сети, а на сайте проекта предусмотрена онлайн-подача заявки на участие в проекте в качестве волонтера. При этом в анкете, помимо общих данных, уточняется то, какие направления более интересны заявителю, сколько времени он готов потратить на волонтерскую работу, какова его мотивация. Это позволяет подбирать волонтеров для реализации разных функциональных задач в проекте таким образом, чтобы волонтерская вакансия соответствовала возможностям, предпочтениям и ориентациям самих молодых горожан, проявивших интерес к проекту и заявившихся для участия в нем.

Реализация ресурсности не просто происходит — она хорошо визуализируется в пространстве города (самим фактом наполнения городских локаций в разных его местах), активностью журналистов, молодых горожан как пользователей социальных сетей, как бы подтверждая высокий статус события и соответственно города его проведения, в том числе в связи с включенностью участников в данный проект. Приведем в качестве иллюстрации лишь одно высказывание активного участника данного проекта, наиболее ярко отражающего концепт ресурсности:

*Я пошла туда себя испытать и познакомиться с новыми людьми. В итоге мы написали две песни за три дня. Это неделя превзошла все ожидания. Атмосфера кэмпя влюбляет, происходят какие-то внутренние метаморфозы, ты растешь вишьрь и вглубь. Это целая музыкальная коммюна, которая продолжает до сих пор взаимодействовать. Это поддержка в профессиональном плане, в человеческом и творческом. Это новые мероприятия, такие как *Satp Alitpi*, когда мы в течение трех дней писали песни уже для действующих артистов (девушка, музыкант, участница фестиваля).*

Заключение

При разработке и реализации городских программ брендинга территории важным является учет ресурсности молодежи. Результаты исследования показывают, что молодежь постсоветских стран обладает достаточной ресурсностью для участия в культурном брендинге территорий их проживания. Во-первых, у молодежи имеется ценностно-информационный ресурс (знания о месте проживания), резерв (желание участвовать в деятельности по культурному брендингу) и возможности реализации ресурса (проявляются при наличии развитой культурной повестки). Это позволяет сделать вывод о том, что показатели привлекательности территории для молодежи коррелируют с культурной повесткой городских событий, наряду с оценкой молодыми людьми знания культуры и истории своих городов, готовности к практического участия в брендинге территории. Мы считаем, что это обусловлено привлекательностью для молодежи культурной жизни в пространстве города, которая зависит от развития инфраструктуры и включенности в городскую культурную политику [Bagirova, Notman] и городские программы [Reaven].

С одной стороны, отдельные проявления ресурсности способствуют развитию бренда территорий, с другой стороны, такие мероприятия становятся возможностью и средой реализации ресурсов молодых горожан как профессионалов и горожан — носителей бренда.

Арамилль: из прошлого — в будущее: Арамилльский городской округ. Екатеринбург, 2020. 240 с.
Быстрова Т. Ю. Новые элементы брендинга как стратегии развития территории в условиях кризиса // Устойчивое развитие российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков : XII Междунар. науч. конф., 17–18 апр. 2015 г. Екатеринбург, 2015. С. 1007–1009.

Визгалов Д. В. Брендинг города. М., 2011. 160 с.

Газнюк Л. М., Дьяченко Я. О. Брендинг города: от культурных индустрий к креативной экономике // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. : Философия. 2019. № 4. С. 147–152.

Грант Дж. Манифест инноваций бренда. М., 2007. 242 с.

Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М., 2013. 336 с.

Краснопольская И. И., Гусева П. Д., Мейс Л., Кнаан Р. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 384–408.

Кучинская Т. Н. Региональный брендинг как инструмент позиционирования имиджа Забайкальского края в системе межрегиональных связей РФ и КНР // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. : Политология. Религиоведение. 2010. № 1 (4). С. 24–33.

«Миссия — стать музыкальной столицей мира» : интервью с организаторами фестиваля Ural Music Night. 26.06.2019. URL: <https://medium.com/@gorodokchekistov> (дата обращения: 28.08.2022).

Паишук В. Ю., Паишук Н. А., Паишук М. В. Формирование сильного культурного бренда Санкт-Петербурга // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 2. С. 39–53.

Список победителей пятого грантового конкурса «Музей 4.0.» (программа «Музей без границ»). 2022. URL: <https://clck.ru/sSruF> (дата обращения: 26.08.2022).

Траусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесл. Т. С. Васильевой. М., 2001.

Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / под общ. ред. Ю. П. Вишневого. Екатеринбург, 2017.

Agyeman J., McLaren D., Schaefer-Borrego A. Sharing cities (Friends of the Earth). 2013. URL: http://media.onthepatform.org.uk/sites/default/files/agyeman_sharing_cities.pdf (accessed: 20.06.2021).

Bagirova A., Notman O. The well-being of residents in an urban environment: the case of a Russian megapolis // *Administratie si Management Public*. 2020. № 35. P. 124–138. <https://doi.org/10.24818/amp/2020.35-08>

Braun E., Kavratzi M., Zenker S. My city — my brand: the different roles of residents in place branding // *Journal of Place Management and Development*. 2013. № 6 (1). P. 18–28.

Reaven M. Neighborhood Activism in Planning for New York City, 1945–1975 // *Journal of Urban History*. 2020. № 46(6). P. 1261–1289. <https://doi.org/10.1177/0096144217705446>

San Eugenio Vel J., Ginest, X., Kavratzis M. The critical role of stakeholder engagement in a place branding strategy: a case study of the Empordà brand // *European Planning Studies*. 2020. № 28(7). P. 1393–1412.

Xu H., Zhu W. Evaluating the impact mechanism of citizen participation on citizen satisfaction in a smart city // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. 2020. <https://doi.org/10.1177/2399808320980746>

Zenker S., Erfgen C. Let them do the work: a participatory place branding approach // Journal of Place Management and Development. 2014. № 7 (3). P. 225–234. <https://doi.org/10.1108/JPM-06-2013-0016>

Статья поступила в редакцию 05.09.2022 г.

Научная статья

УДК 712.25(470.54-25) + 316.7 + 323(470)

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.071

СОВЕТСКИЕ ПАРКИ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА КАК ПРОЕКТ 1930-х гг.: СТОЛИЧНЫЕ ОБРАЗЦЫ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Мария Владимировна Воробьева^{1,2}

Евгений Ильич Рабинович³

¹ *Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,*

Екатеринбург, Россия,

vorobyova-mariya@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>

² *Технический университет УГМК,*

Екатеринбург, Россия

³ *Уральский федеральный университет,*

Екатеринбург, Россия,

svet-evg@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7718-8564>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена восстановлению логики формирования сети парков культуры и отдыха в Советском Союзе и выявлению реальных условий существования провинциальных парков. Выделены ключевые черты проектов парков, показана динамика их развития. На материале протоколов общих собраний в парторганизации ЦПККиО им. В. Маяковского (г. Свердловск), которые авторы впервые вводят в научный оборот, раскрыты и описаны трудности первых лет работы парков, а именно отсутствие квалифицированного персонала, постоянные трансформации проектов парка и недостаток финансирования. Сделан вывод, что на таком проблемном фоне первоочередной задачей администрации парков являлась организация нормального функционирования, а задачи идеологической обработки посетителей с целью формирования нового советского человека на данном этапе не ставились.

К л ю ч е в ы е с л о в а: парки; ЦПККиО; советская культура 1930-х гг.; государственная политика; ЦПККиО им. В. Маяковского; Свердловск

Б л а г о д а р н о с т и. Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ, проект № 20-411-660005 «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга».

SOVIET RECREATION PARK AS A PROJECT OF THE 1930S: METROPOLITAN PATTERNS AND PROVINCIAL PRACTICES

Maria V. Vorobyeva^{1,2}
Evgeny I. Rabinovich³

¹*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vorobyova-mariya@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>*

²*UMMC Technical University, Ekaterinburg, Russia*

³*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
svet-evg@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7718-8564>*

Abstract. The article is devoted to the restoration of the logic of the formation of a network of recreation parks in the Soviet Union and the identification of the real conditions of existence of provincial parks. The key features of park projects are highlighted, the dynamics of their development is shown. The authors for the first time introduce into scientific circulation the minutes of general meetings in the party organization of the Central recreation park named after V. Mayakovsky (Sverdlovsk). The difficulties of the first years of the parks are disclosed and described on the material of these minutes, namely: the lack of qualified personnel, constant transformations of the parks project and lack of funding. It is concluded that due to such serious problems, the main task of the park administration was to organize normal functioning. The tasks of ideological influence on visitors in order to form a new Soviet person were not set at this stage.

Key words: parks; Central recreation parks; Soviet culture of the 1930s; state policy; Central Recreation Park named after V. Mayakovsky; Sverdlovsk

Acknowledgements. The study was funded by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-411-660005 “The Specifics of the Construction of Citizenship in the 1920s–2010s. based on the material of public park spaces in Sverdlovsk/Yekaterinburg”.

Введение. Создание ЦПКиО в СССР: особенности первых проектов (начало 1930-х гг.)

При создании в начале 1930-х гг. огромной общесоюзной сети ЦПКиО (к 1936 г. в различных городах СССР их насчитывалось более 200 [Прохорова, с. 126]) были допущены многочисленные просчеты, но главной причиной проблем стало слепое копирование столичных образцов. Последнее и привело к срыву создания сети идеальных «культурно-политических комбинатов под открытым небом» [Лунц, с. 27], поскольку объектом копирования стал ЦПКиО имени Максима Горького в Москве. Проект главного московского парка, а фактически главного парка страны, не годился для копирования в провинции как минимум

по экономическим причинам. Так, даже бюджет второго по величине города страны, Ленинграда, не справился с этой задачей [Барышева, с. 21–22]. Но «ряду колебаний, сомнений и вредных уклонов в области зеленого оформления города» и паркового строительства был положен конец после речи тов. Л. М. Кагановича на пленуме Моссовета 10 июля 1934 г., в которой он заявил: «...тов. Сталин направляет наше внимание на зеленое строительство, причем под зеленым строительством понимает не мелкие газончики, которыми иногда увлекаются наши работники, а крупные парковые массивы, которые мы должны всемерно развивать» [Проблемы садово-парковой архитектуры, с. V]. Речь шла об озеленении Москвы, но провинциальная бюрократия четко реагировала на сигналы из столицы. По этой причине «крупные парковые массивы» в провинции должны были появляться и существовать, пусть функционируя преимущественно в форме строк отчетов.

Механическое перенесение московского эталона на провинциальную почву обычно не учитывало географические, климатические, этнические факторы, историко-культурные традиции, степень урбанизации и, что принципиально важно, демографические показатели. В 1935–1936 гг. эта проблема советских парков стала очевидна. М. И. Прохорова писала: «Проектирование парков, охватившее в первую очередь крупнейшие города Союза, характеризуется некоей гигантоманией (парки проектируются на нескольких тысячах гектаров: парк в Новосибирске — 5 000, в Челябинске — 1 800 и т. п.) и поисками прежде всего функциональной схемы районирования (обязательно оригинальной), формалистическими тенденциями: в проектах господствуют колоссальные поля массовых действий, лишённые реальных масштабов, огромные, в несколько километров, аллеи демонстраций; вся территория парков насыщается сооружениями и площадками, нет почти ни одного куска живой природы... При этом выработался известный стандарт в последовательности размещения парковых секторов <...> Осуществлению этого стандарта зачастую противоречат размеры территории парка, его сетевое назначение (районный, общегородской); наконец, стандарт недоучитывает местные природные условия, хотя последние в значительной части определяют содержание работы парка и его архитектуру» [Прохорова, с. 124–125].

Естественно, что реализация подобных проектов была затруднительна, однако из-за необходимости давать отчеты руководству разных уровней и инстанций парковое строительство велось, хотя и вовсе не соответствуя первоначальным замыслам: «Эти грандиозные проекты, к тому же не доведенные до стадии рабочих чертежей, никак не укладывались в рамки реального осуществления... <...> ...парковая архитектура рождается из местной изобретательности, умноженной на отголоски теоретических положений и финансовые возможности. Строительство парков ведется по способу ежегодного беспланового наслоения небольших мероприятий, необходимость которых выявилась практикой истекшего года; зачастую недостаточно реально используются денежные фонды, чрезмерно доминируют зрелищные мероприятия и аттракционы, что объясняется их рентабельностью... <...> Архитектура всех объектов случайна, материал — преимущественно

фанера; недоучитывается зеленое окружение. Это последовательное наложение сооружений, их постоянное “приспособление” исключают возможность создания целостных ансамблей» [Прохорова, с. 124–125].

Эта критика проектов и низкого качества строительства провинциальных ЦПКиО по времени совпала с переворотом в жизни советских парков, который определило появление новых веяний в области теории паркостроения. Начался новый этап со сворачиванием так и не реализованных парковых проектов первой половины 1930-х гг. и созданием новых проектов.

О новых стандартах в советском паркостроении (середина 1930-х гг.)

В середине 1930-х гг. радикально меняется осознание феномена парка. Рекреативный отдых начинает пониматься как главное предназначение парка и с каждой публикацией, каждым партийным постановлением (см., например, [Постановление ЦК ВЛКСМ...]) все больше доминирует над «культурой», толкуемой ранее как политико-идеологическая обработка посетителей. В результате постепенно формируется и новое соотношение «культуры» с «отдыхом», и новое идеологическое наполнение частей данной формулы. Прежде отдых сам по себе представлялся чем-то аморальным, а потому должен был целиком подчиняться «культуре» и производственным задачам: «Что такое культура отдыха? Ты получил свободные 12–14 часов, используй время так, чтобы укрепить истощенный за неделю организм, увеличить свои знания, повысить культурный уровень. Используй время так, чтобы вернуться на завод свежим, бодрым» [Рафаил, с. 19]. Принципиально здесь и то, что отдых должен быть массовым: «...коллективный просмотр кинофильмов, коллективное обучение разным видам искусства, коллективное хождение в театр, массовые спортивные игры, массовые читки лучших художественных произведений, коллективные велосипедные прогулки» [Там же, с. 20].

С осторожностью утверждая новый примат «отдыха» над «культурой», архитекторы меняют акценты, определяя приоритетные задачи парковой работы, в результате чего над политико-воспитательным и развлекательным направлениями работы начинает доминировать природная составляющая парка. В итоге «отдых» теперь ассоциируется с тихим, сдержанным, размеренным и, очевидно, не массовым взаимодействием с природой: «...надо пересмотреть самое понимание “отдыха”. <...> Проблема общения человека с природой в сегодняшней парковой практике отодвинута на задний план, а между тем именно эта задача должна быть, по нашему мнению, для парков, наряду с организацией развлечений, одной из главных» [Карра, Лунц, с. 70].

Основным объектом критики становятся аттракционы, громкая музыка и массовые активности в парках. Фактически архитекторы просто хотят вернуть парки к дореволюционной норме, но могут высказать это лишь в форме критики актуальной советской парковой культуры: «Следует признать, что в некоторых

наших парках слишком много развлечений и аттракционов. Посетитель, привлеченный яркой и часто интересной рекламой, стремится побывать во всех “точках”. В результате следует излишнее раздражение нервной системы, и человек уходит из парка недостаточно отдохнувшим и освеженным» [Карра, Лунц, с. 70].

Критикуются отдельные парки и проекты парков, в которых излишне усилены далекие от спокойного отдыха активности: «...проект парка на Крестовском острове в Ленинграде пошел по линии полного подчинения физкультурному разделу: вместо парка — грандиозный физкультурный комбинат. Практика показала, однако, что тип демонстрационного стадиона является инородным организмом в планировке парка» [Прохорова, с. 133–134].

Можно сказать, что во второй половине 1930-х гг. назревает парковая консервативная революция, в новой версии во многом (но, разумеется, не полностью) возвращавшая старые нормы отдыха. Широко распространенные и ставшими нормативными парковые концепции и активности 1920-х — начала 1930-х гг. подвергаются критике. Даже ЦПКиО имени Максима Горького в Москве — эталонный парк СССР, теперь воспринимается как неудовлетворительный [Карра, Лунц, с. 48–51]. В рамках плана реконструкции Москвы 1935 г. радикальной реконструкции подлежат все основные парки (на которые ориентировались провинциальные парки), поскольку отныне они воспринимаются как не соответствующие новым веяниям.

Собственно, пока никто отчетливо не понимает, какими должны быть парки следующей формации; работники парков и архитекторы только начали вырабатывать новые концепции: «...стиль советского парка еще не выкристаллизовался, все же некоторые общие композиционные положения можно наметить уже сейчас» [Там же, с. 74]. Базой новой концепции парка в результате их работы станут следующие положения:

1. Архитекторы считают, что «в советском парке не может быть отдано предпочтение тому или иному из установившихся в истории паркостроения типов (пейзажный парк, регулярный и т. д.)» [Там же]. Переходность эпохи требует от архитекторов аккуратного балансирования между установками: с одной стороны, главным в парке объявляется тихий отдых на природе, с другой — «социально-практические функции, формирующиеся под влиянием основных идей социалистического общества, должны развиваться в ведущую архитектурно-планировочную идею парка» [Там же, с. 74–75].

2. В основу проектирования парка вводится понятие ансамблевости, в противовес модному ранее функциональному подходу. «Парк должен строиться ансамблями, с тем чтобы каждое пространство парка, каждое его сооружение входило в тот или иной ансамбль и решалось, исходя из общего композиционного приема» [Там же, с. 75].

3. Новое значение придается садово-парковой скульптуре. При этом она теперь не должна решать исключительно идеологические задачи, «скульптура в парке должна служить целям зеленых, цветочных и водных форм архитектуры, уточняя образы последней» [Там же, с. 77].

4. С середины 1930-х гг. решительно критикуются востребованные до того авангардные эксперименты с малыми архитектурными формами и цветочным оформлением газонов. Взамен рекомендовалось обращение к классическим формам: «Цветочное оформление парков за довольно длительный период, примерно до 1933 г., прошло те же фазы исканий, до крайне левых уклонов включительно, что и другие виды искусств. Еще совсем недавно отдельные объекты оформления, составлявшие единое целое с ансамблем окружающих их зданий, решались в угоду еще не найденному принципу производственной тематики. Регулярные партеры, соответствующие архитектуре зданий, заменялись рисунками огромных шестерен, пересекающих и цветники, и газоны... <...> Порочность этих решений состояла в том, что рисунки, брошенные на огромную горизонтальную плоскость, не доходили до зрителя, потому что в поле его зрения находилась лишь небольшая часть изображения» [Кланг, с. 272].

Теперь цветочное оформление парков должно было соответствовать канонам социалистического реализма. Для оформлений парков стали предписываться выполненные в технике «цветочной живописи <...> прежде всего портреты великих людей нашей страны, художественно выполненные из живых растений в комбинации с цветами» [Там же, с. 273].

5. Важнейшее значение придается воде: «...вода является для парка одним из решающих элементов архитектурного образа и функционального профиля. Поэтому решение проблемы оводнения (водоемы, фонтаны, бассейны, каскады и т. д.) — один из существенных моментов в области паркостроения и создания архитектуры парка» [Карра, Лунц, с. 83].

6. В духе новой имперскости, выборочного включения старой культуры в актуальный дискурс, архитекторов, работающих над созданием проектов советских ПКиО, призывают изучать классические парки: «Примеры оформления холмистых территорий, выработанные эпохой итальянского Возрождения, где самостоятельное выражение отдельных частей сада четко объединено системой террас и лестниц, могут быть широко использованы в нагорных районах Союза. Низкие и обширные террасы, построенные Ленотром в композициях крупного масштаба, содействуют большей грандиозности и размаху в равнинных местностях и особенно пригодны для ПКиО» [Шервинский, с. 101–102].

7. Появляется требование унификации проектирования и эксплуатации советских парков с выработкой единых для всех норм: «Ни одно из существующих у нас научно-исследовательских и хозяйственных учреждений до сих пор не разработало норм по планировке парков и по строительству парковых сооружений» [Карра, Лунц, с. 84].

Заметим, что обозначенные выше тенденции касались прежде всего столичных парков. Реальность, в которой существовали провинциальные парки, была иной. Внутри нее не занимались теоретизированием, а решали вопросы, связанные с выживанием. В провинции паркостроителям приходилось сталкиваться с недостатком финансирования и материальных ресурсов, отсутствием квалифицированного персонала, постоянным перекраиванием проектов парка, неожиданными

реорганизациями, необходимостью рапортовать об успехах столичному начальству и т. д. На примере ЦПККиО в г. Свердловске мы продемонстрируем, как и чем жили парки в провинции.

ЦПККиО в провинции: реалии существования

Строительство ЦПККиО в Свердловске — как по времени, так и по заложенным в проекте ошибках — не уникально и коррелирует с другими парковыми проектами тех лет.

В феврале 1931 г. на одном из заседаний президиума горсовета Свердловска было принято решение об организации в городе Парка культуры и отдыха. Для реализации этой задачи был создан специальный комитет [В Свердловске строится Парк..., с. 4]. Тогда же начались и работы по подготовке к строительству [ГАСО, ф. 286, оп. 1, д. 164, л. 14]. По всей видимости, приняв такое судьбоносное для города решение, чиновники не знали, как приступить к работе. Поэтому был применен привычный метод копирования столичных норм: «...президиум предложил комитету связаться с управлением московского Парка культуры и отдыха для использования его опыта по организации парка» [В Свердловске строится Парк..., с. 4].

При отсутствии даже предварительного архитектурного плана (а также имеющих опыт его составления архитекторов), без исследования местности, профессиональных кадров реализация принятого решения была чрезвычайно затруднительна. Однако основной ошибкой стало то, что «первая очередь строительства парка ориентировочно должна быть рассчитана (как минимум) на 500 тысяч человек, при парке должны быть областной стадион, зоопарк, этнопарк и т. д.» [Там же].

Очевидно, что ориентация на столичный образец полностью игнорирует демографические реалии Свердловска — запроектированная наполняемость только первой очереди парка почти в 2,5 раза превосходит все население города! Попытка реализовать столь грандиозный проект изначально была обречена на провал, но сиюминутная выгода (соответствие столичным нормам и возможность составить хороший отчет) победила [Рабинович, с. 1002–1004].

При дальнейшей работе над проектом парка именно этот фактор станет главной проблемой. Позже размер проектируемой территории парка пересмотрят и сократят. В новом проекте размер парка составит 1440 гектар (почти в 3 раза больше, чем в проекте для Ленинграда) при посещаемости 150 тыс. человек в день [Лунц, с. 27]. Но и такой, сократившийся на 2/3 проект парка излишне велик — парк ежедневно должно посещать более половины населения города. При неразвитости транспортной сети города и расположении парка на окраине Свердловска начала 1930-х гг. это являлось невозможным. Когда в 1933 г. парк откроется, горсовет организует специальные автобусные маршруты до нового ПККиО и его в день открытия посетит 20 тыс. человек [Парк культуры и отдыха сделать образцовым, с. 4]. Очевидно, что в обычные будние дни посетителей будет

меньше. Излишне большая территория порождала еще одну важную проблему: из-за недостатка финансирования ее нельзя было освоить и облагородить. В 1934 г. существовавший уже целый год парк не производил впечатления готового для работы: «То, что сейчас называется парком, еще не оправдывает своего названия. Предстоит огромная работа по освоению громадной территории» [38 тысяч на отдыхе..., с. 4]. Но логика партийного руководства и реалии парковой жизни радикально не совпадали.

На второй год своего существования ЦПКиО им. В. Маяковского буквально едва держится на плаву, администрация с трудом обеспечивает работу парка. Протокол заседания партячейки парка в январе 1934 г. фиксирует жалобы дирекции на нехватку тягловой силы, просьбу в адрес горсовета о приобретении еще 5 лошадей, а также сетования на нехватку строительной документации: «Вопрос подготовки строительства парка в 1934 г. на сегодняшний день обстоит весьма плохо и только потому что существующая *проектная*¹ бригада при дирекции ЦПКиО возглавленная Дукельским не обеспечила нас рабочими чертежами, что может получиться срыв работы и *эксплуатации* парка в 1934 г.» [ЦДОСО, ф. 2310, оп. 1, д. 1а, л. 1].

Дирекция парка пребывает в растерянности — с какой из частей огромной отведенной под ЦПКиО территории следует начать освоение. В итоге было принято решение «...поставить вопрос перед Президиумом Горсовета о посылке директора ЦПКиО г. Свердловска тов. Латышева в Московский Парк Культуры и отдыха имени Максима Горького сроком 2–3 м-ца на имеющуюся свободную должность Заместителем Директора ЦПКиО для получения опыта работы. Обязать тов. Латышева договориться с Московским ЦПКиО о выделении инструкторов для Свердловского парка по подготовке Массовиков и затейников к 1/VI-34 года, а к 15/I-34 получить из Московского ЦПКиО положение работы Центральные Парков на основании опыта составить положение применительно к условиям г. Свердловска» [Там же, л. 2]. Таким образом, мы видим, что парк пытается работать, но руководство парка не представляет, как руководить ЦПКиО, как парк должен функционировать, что делать с территорией и посетителями. Причина в том, что у работников парка отсутствуют специальные знания, образование, опыт.

Расформирование территориально-экономической единицы «Уральская область» в 1934 г. стало для парка подлинной катастрофой. Вследствие этой административной реформы резко сократилось финансирование (примерно в пять раз), поскольку Свердловск перестал быть столицей Урала и обрел статус областного города. Новый бюджет сделал старые проекты строительства парка решительно лишёнными актуальности, при этом не позволял выделить средства на составление новых проектов и наполнять парк ранее запланированными объектами. Возведенные ранее объекты работали с перебоями: «Строительство ЦПКО по утвержденному титульному списку выражалось в сумме 1843 тыс. р. Но *всвязи с районизированием* Уральской Области, нам финансированием Уралпланом

¹ Выделено нами. Здесь и далее стиль, орфография и пунктуация оригинала сохранены. — М. В., Е. Р.

и Горпланом отведено 400 тыс. руб. Нами составлен на эту сумму окончательный титульный список. На сумму 450 тыс. р. <...> Штат ЦПККО утвержден на 45 человек <...> Проектами мы не обеспечены полностью для строительства. Имеется только *искизные* проекты по генеральному плану. Проекты зданий и сметы и *зделаны* те из объектов которые нам на *сегоднеший* день не нужны. Дальше с таким положением с проектами не терпимо. Горнолыжная станция *функцирует* но весьма слабо. Выразилось в том, что назначенный работник с этой работой не справился и был *не медленно* уволен. Строительного материала на сегодняшний день нет. Не обеспечено начало строительства. Лодочная станция обеспечена на 50 % проектируемого лодок. <...> Проектное бюро до сих пор не дает границы по вырубке леса для лесопарковой дачи. Для постройки зданий заготовленный лес в количестве 250 к. м. требуется вывести. Нужно иметь лошадей не менее 5 штук» [ЦДООСО, ф. 2310, оп. 1, д. 1а, л. 6].

Все изложенные выше плачевные обстоятельства не мешают свердловскому парку уже в начале следующего года попасть в категорию ведущих парков СССР и стать одним из образцов для подражания. Для этого имелись формальные причины: огромный объем территории (хоть и почти не благоустроенной), большое количество посетителей (другие парки города в силу своей камерности не способны вместить значительное количество людей), грандиозный проект. Реальность в специфической системе советской бюрократической отчетности не так важна — указанных формальных показателей (кодируемых в гектарах площади и десятках тысяч посетителей) достаточно для включения свердловского ПККО в категорию объектов, характеризующихся как «крупные комбинаты политико-просветительной, оздоровительной и физкультурной работы» [В помощь организаторам парков, с. 3].

Однако и в последующие годы существования парка финансовые, кадровые и административные проблемы не только не разрешились, но, напротив, приобрели хроническую форму. Приведем характерные примеры.

В 1935 г. в ходе строительства парка жалобы на скудость финансов продолжались: «...мы строим законно, а *обязакония* нам отпущено 150 тысяч, из которых ни копейки на стройматериалы нет. Мы мобилизуем внутренние ресурсы на строительство и думаю большую помощь *зделает* горком партии, который уже оказал нам. И имею большую надежду на *экслоатации както* Карусель, парашютная вышка, танцплощадка, лодогребная станция и т. д.» [ЦДООСО, ф. 2310, оп. 1, д. 1б, л. 6].

Проблема кадрового голода и отсутствия квалифицированных работников до сих пор не решена (что очевидно и по вопиющей малограмотности протоколов партячейки): «Из опыта летней работы 1934 г. массовиков парка культуры и отдыха были допущены ряд грубых нарушений трудовой дисциплины, а поэтому надо в 35 году *зделать* тщательный подбор рабочей силы. Постановили: 1) Организовать специальную *парковскую* учебу. 2) Организовать коллективное посещение в драмтеатр, кино, музеей. <...> 6) Организовать лекцию по вопросам политики партии. Вовлечь в кружок истории партии большевиков беспартийных <...>» [Там же, л. 8–9].

В 1936 г. парк до сих пор не решил проблемы, связанные с проектированием, организацией работы и кадровым голодом: «Арх. мастерская в лице Дукельского и Соколова предлагает дать отклонение на объектах строительства в 1936 г., но указывают, что денег мало <нрзб>. Строиться должно, летний театр закрытый на 30 тысяч человек, танц. площадка, навес от дождя, пляж, солярий, водную станцию. <...> На *освящение* отпущено 15 т. р. на аллею 40 т. р. Открыть парк к 1 июня 1936 г. Рабочих у нас всего в парке 4 человека» [ЦДООСО, ф. 2310, оп. 1, д. 16, л. 53]. В итоге летний сезон парк встречал с небогатым перечнем объектов инфраструктуры: танцевальная площадка, читальня, оранжерея, лодочная станция, физкультурная площадка, трансформаторная будка и «остальные мелкие сооружения» [Там же, л. 68–69].

Выходило так, что центральный парк культуры и отдыха в Свердловске, призванный быть парковым пространством нового поколения и обеспечивать качественно иное взаимодействие с посетителями, сумел ко второй половине 1930-х гг. обеспечить лишь развлекательный и рекреативный досуг, основным преимуществом которого выступала близость к природе. Парадоксально это совпало и с новыми идеологическими веяниями тех лет, в результате которых было пересмотрено содержание концепта «отдых», провозглашено первенство природной составляющей паркового досуга и снижен градус политизации мероприятий по работе с визитерами. Однако помогли установить такое соответствие скорее негативные причины — экономические, кадровые и организационные.

Заключение

Центральный парк как новый инструмент трансформации городской культуры задумывается как «культурно-политический комбинат», способный переработать негативные характеристики жителей новых советских городов и создать на выходе новую, позитивно сформулированную культуру.

Производство культурности (как комплекса этикетных норм, политической грамотности и осведомленности в вопросах техники, спорта и широко понимаемого культурного наследия) путем организации активного отдыха, требующего мобилизации человеческих ресурсов, осознанной и заинтересованной вовлеченности посетителей в тщательно разработанные культурные события, — идеал, которого не удалось достичь в первые годы работы свердловского ЦПКиО. Его создание рассматривалось как важный шаг на пути преодоления пережитков прошлого — аполитичных «мещанских» развлечений в парках, потребления удовольствий, расслабленности, зрительских прихотей. Но согласно свидетельствам о его работе, город получил большой, официально главный, но плохо организованный и с трудом преодолевающий трудности роста парк отдыха и развлечений. Сценарий масштабного производства нового горожанина в сложноорганизованном пространстве культурного комбината остался в проекте.

Причиной тому были тщетная попытка копировать столичные эталонные нормы, в ходе которой свердловский ЦПКиО столкнулся с многочисленными

трудностями, а именно: недостатком финансирования и материальных ресурсов, постоянной сменой управленцев, отсутствием квалифицированного персонала, переработками проекта парка и постоянными реорганизациями. На столь проблемном фоне первоочередной задачей парка являлось обеспечение нормального функционирования (которое по разным причинам часто оказывалось на грани срыва). Задачи же идеологической обработки посетителей и формирования нового советского человека при таких условиях пока не ставились.

Как можно видеть на примере ЦПККиО им. В. Маяковского в Свердловске, результатом, к которому невольно приходили парки в провинции ко второй половине 1930-х гг., был рекреативный отдых на лоне природы, так как ничего другого парки не имели возможности предложить. Однако парадоксально это вынужденное решение сблизило реалии существования провинциальных парков с изысканиями столичных идеологов-паркостроителей, приведшими к радикальному развороту парковой политики от возгонки «культурности» к созданию условий для тихого камерного отдыха.

Барышева Е. В. «Фабрика переделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 9–25.

В помощь организаторам парков культуры и отдыха / сост. Ф. Фелистак. М., 1935.

В Свердловске строится Парк культуры и отдыха // На смену! 1931. 1 марта. С. 4.

ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 286. Оп. 1. Д. 164. Л. 14.

Карра А. Я., Луиц Л. Б. Реконструкция московских парков // Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М., 1936. С. 45–80.

Кланг И. И. Цветочное оформление парков культуры и отдыха // Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М., 1936. С. 269–279.

Луиц Л. Парки культуры и отдыха // Архитектура СССР. 1934. № 5. С. 20–29.

Парк культуры и отдыха сделать образцовым // Урал. рабочий. 1933. 21 июня. С. 4.

Постановление ЦК ВЛКСМ (по докладу Горьковского горкома и Сокольнического парка культуры и отдыха им. Бубнова) «О летней массовой работе» // На смену! 1934. 1 июня. С. 3.

Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М., 1936.

Прохорова М. И. Архитектура парков и природные условия // Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М., 1936. С. 123–148.

Рабинович Е. Центральный парк культуры и отдыха им. В. Маяковского. Екатеринбург, 2019.

Рафаил М. За нового человека. Л., 1928.

ЦДОСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 2310. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–69.

Шервинский Е. В. Проблема освоения наследия садово-парковой архитектуры // Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М., 1936. С. 81–104.

38 тысяч на отдыхе. Парк культуры и отдыха открылся // На смену! 1934. 8 июля. С. 4.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022 г.

Научная статья

УДК 008 + 7.04 + 625 + 7.03 + 81'27 + 81'42

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.072

СИМВОЛИКА И СМЫСЛЫ ОБРАЗА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: КОНЦЕПТ «ДОМ»

Елена Александровна Мальцева^{1,2}

*¹ Сибирский государственный
университет путей сообщения,*

Новосибирск, Россия,

eamaltseva@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6425-9888>

*² Новосибирский государственный
педагогический университет,*

Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов символического наполнения образа железной дороги в художественной культуре: на материале произведений литературы, живописи, графики дается характеристика образа железной дороги как воплощения концепта «дом». Анализ культурологических и философских исследований позволил сделать вывод о значимости концепта «дом» для культуры, выявить его ключевые смысловые значения. Для данного исследования оказалась полезной возможность рассматривать дом как антропологическое и социокультурное пространство. На основе изучения достаточно объемного эмпирического материала (составленный автором статьи каталог живописных произведений железнодорожной тематики включает 525 наименований, графических — 443, литературных — 210) были выявлены ключевые идеи концепта «дом» в художественном образе железной дороги. Такие характеристики, как создание закрытого от внешнего мира пространства, возможность заняться чтением или спокойными беседами, окружить себя домашними предметами, рассматриваются в рамках антропологического понимания образа железной дороги. Образ железной дороги как социокультурного пространства характеризуется через выявление социальных взаимоотношений, норм, традиций в художественном воплощении железнодорожной действительности, в частности, взаимоотношений различных социальных групп и гендерных отношений.

Ключевые слова: художественная культура; железная дорога; концепт «дом»; живопись; литература; графика

THE SYMBOLISM AND MEANINGS OF THE RAILWAY IMAGE IN ART CULTURE: THE “HOME” CONCEPT

Elena A. Maltseva^{1,2}

¹*Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia,
eamaltseva@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6425-9888>*

²*Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia*

Abstract. The one of the aspects of symbolic value of the railway image in art culture is dealt with in the article. The railway image as an embodiment of the “home” concept is described based on literary, painting, graphic works. The analysis of cultural and philosophical studies showed the “home” concept to be of importance for the culture and revealed its main meanings. The consideration of the home as anthropological and sociocultural space turned out to be useful for the current study. The key ideas of the “home” concept in the artistic image are revealed on the basis of exploration of the large empirical evidence (the author’s catalogue of art works with the railway topic includes 525 paintings, 443 graphic works, 210 literary works). Characteristics such as the creation of the space to be shielded from the outside, the opportunities to read or talk calmly or to be surrounded with domestic items are considered under the anthropological understanding of the railway image. The railway image as the sociocultural space is examined by identifying the social relationships, norms and traditions of the artistic embodiment of the railway reality, in particular the relationship of different social groups and gender relations.

Key words: art culture; railway; the “home” concept; painting; literature; graphic arts

С того момента, как локомотив Дж. Стефенсона совершил свою первую поездку между Ливерпулем и Манчестером в 1830 г., железная дорога стала компонентом культуры и одним из ее символов. Великое изобретение не только изменило способ передвижения, но и преобразило представления о времени и пространстве, ускорило процесс урбанизации, способствовало распространению образования, оказало серьезное влияние на развитие промышленности и экономики, т. е. стало значимым фактором культурной динамики. Неудивительно, что такое яркое и масштабное социокультурное явление нашло свое воплощение в художественной культуре. Технический объект стал постоянным, повторяющимся образом практически во всех видах искусства. Железная дорога в художественных произведениях — не просто место действия, постепенно ее образ наполнился разнообразными смыслами, приобрел символическое значение. Железная дорога в целом и ее главный объект — железнодорожный состав стали символами жизненного пути и смерти, технического прогресса и движения к социальной катастрофе, дороги и дома. Некоторые из этих символических значений уже рассматривались нами [Мальцева, 2021, 2022 а, б]. В данной статье обратимся к концепту «дом», как, возможно, не самому очевидному, но важному символу образа железной дороги.

Концепт «дом» является базовым для культуры, он опирается на архаические представления человека о жилище, дающем укрытие, защиту и осознающемся в качестве особого пространства, созданного и обустроенного самим человеком. Феномен дома хорошо описан в исследовательской литературе представителями разных научных специальностей. В рамках этнографии, лингвистики, литературоведения, философии, культурологии проводится его анализ, выявляются ключевые аспекты, дается характеристика его компонентов. Е. А. Потураева и Е. А. Шерина [Потураева, Шерина], А. Ю. Пономарева [Пономарева], В. В. Мороз и С. Н. Рымарович [Мороз, Рымарович] дают достаточно подробный обзор таких исследований и выявляют ключевые смысловые значения концепта «дом» (в частности, дом как символ упорядоченного пространства, как хранилище традиций, как предельная составляющая человеческой экзистенции и социальности, как процесс культурного творчества и созидания и т. д. [Мороз, Рымарович]), в качестве существенных характеристик концепта «дом» выделяют наличие семиотических оппозиций («верх — низ», «свой — чужой» и др. [Потураева]), делают вывод о перспективности подхода, в рамках которого изучается индивидуально-авторская интерпретация концепта в творчестве великих писателей и поэтов [Пономарева].

А. Шютц назвал дом нулевой точкой координат, «которую мы приписываем миру, чтобы сориентироваться в нем» [Шютц, с. 209], тем самым охарактеризовав его в качестве некоего посредника между человеком и миром, границей между обустроенным внутренним пространством и внешней стихией. При этом само понятие «дом» помимо материального (как жилое здание) имеет и более широкое содержание — это место с определенными отношениями и укладом жизни, «специфический образ жизни, состоящий из маленьких и важных элементов, к которым относятся с любовью» [Там же].

В современном мире, заставляющем человека большую часть времени проводить вне дома, его функции частично переходят на другие пространства — офис, отель, личный автомобиль и др., которые обустраиваются в соответствии с личными представлениями о комфорте, эстетике и т. д. Железная дорога, и в первую очередь поезд, для путешественника также становится временным домом. Поездка данным видом транспорта может длиться достаточно долго (во второй половине XIX в. знаменитый «Восточный экспресс» преодолевал расстояние между Парижем и Константинополем более трех суток, современный поезд РЖД из Москвы во Владивосток идет почти семь суток). На это время на вагон, купе переносятся представления о доме. Пассажиры обустраивают свой быт, организуют социальное взаимодействие, частично привнося в данную ситуацию индивидуальные установки, частично следуя тем традициям, которые сложились в железнодорожной сфере.

Интерпретация объектов железной дороги как временного дома нашла свое воплощение в произведениях разных видов искусства. Пассажиры в железнодорожном вагоне, на железнодорожной станции — достаточно распространенный сюжет в живописи, графике, литературе, кинематографе. В таких произведениях

железнодорожное пространство подвергается художественному осмыслению в качестве дома и наделяется его разнообразными характеристиками.

Выделим две, на наш взгляд, ключевые характеристики концепта «дом», проявляющиеся в художественном осмыслении железной дороги. Это дом как антропологическое пространство, созданное человеком и дающее ему укрытие, защиту, определенность, изолирующее его от внешнего мира, и дом как социокультурное пространство, задающее особые формы коммуникации, определенные нормы, традиции, соблюдение которых в большой мере становится обязательным для человека, оказавшегося в этом пространстве.

Рассматривая железную дорогу как антропологическое пространство, т. е. место реализации и концентрации различных проявлений сущности и природы человека, «человеческого вообще», стоит говорить прежде всего о том, что ее объекты — вагон, купе, иногда вокзал — в ряде художественных произведений наделяются такими первоочередными для человека характеристиками дома, как «обжитое пространство», «защищенное пространство» и даже «уют»:

Мороз и ночь над далью снежной,
А здесь уютно и тепло...

[Фет, 1859. На железной дороге]

Ю. С. Степанов понятия «дом», «уют» связывает с пространством «как-то отгороженным, отграниченным от внешнего мира, и, в противоположность последнему, — где реют ветры, происходят какие-то волнения, — защищенным “уголком”, где тепло, где покой и не снуют посторонние люди» [Степанов, с. 827]. Вагоны каретного типа с индивидуальным входом в каждое отделение, использовавшиеся на железных дорогах Европы и России в XIX в., становились такими «уголками покоя». Британский художник А. Л. Эгг в картине «Попутчицы» (1862; рис. 1) создает подобный образ закрытого от внешнего мира пространства. Автор изображает двух путешествующих дам Викторианской эпохи. Их фигуры симметрично расположены в пространстве, что придает композиции уравновешенность, спокойствие. Пышные платья, лежащие на коленях шляпки с красными перышками, корзинка с домашней снедью, цветы создают ощущение домашнего спокойствия, умиротворенности. В этой картине нет ощущения скорости, с которой ассоциируется железная дорога. Здесь, скорее, спокойное, равномерное, укачивающее движение, о котором свидетельствует лишь раскачивающаяся кисточка на оконной шторе. Такое движение усыпляет (и одна из героинь уже спит) или же располагает

Рис. 1. А. Л. Эгг. Попутчицы. 1862

к спокойным размышлениям, тихой беседе или чтению — занятиям, традиционно считающимся домашними. Э. М. Рихтер цитирует журнальные статьи второй половины XIX в., в которых салоны вагонов описываются как домашнее пространство, где «пассажиры занимаются деятельностью, обычно связанной с домашним досугом» (чтение, письмо, легкие разговоры) [Richter, 2005, June 7].

XIX в. был не только веком рождения и активного строительства железных дорог, он был и «золотым веком чтения» [Новикова], временем, когда в Европе увеличилось количество читателей, а издатели предлагали им все большее разнообразие жанров и форматов. Строительство железных дорог создало новые условия для распространения книг и чтения. В 1848 г. на Юстонском вокзале в Лондоне открывается первый железнодорожный книжный ларек, в котором продавались издания, предназначенные специально для путешественников, — серии «Железнодорожная библиотечка Рутледжа», «Библиотека “Читай в дороге”», «Библиотека путешественника» и др. Чтение как элемент домашнего времяпрепровождения становится частью железнодорожного дискурса и не исчезает из него до настоящего времени. Книга как важный элемент композиции встречается в большом количестве живописных произведений. От страниц книги отрывает задумчивый взгляд героиня картины Ф. Г. Кальдерона «Часы досуга» (1863), раскрытая книга лежит на коленях героя полотна Дж. Тиссо «Джентльмен в вагоне поезда» (1872; рис. 2), томик в мягкой обложке отложен в сторону героиней на холсте Л. Пастернака «К родным» (1891) и т. д. Множество подобных изображений присутствует в живописи и графике XX в.

Рис. 2. Дж. Тиссо. Джентльмен в вагоне поезда. 1872

Описания читающего путешественника встречаются и в литературных произведениях, и если живописцы могут лишь обозначить присутствие книги и чтения в железнодорожном вагоне, то писатели имеют возможность погрузить своего читателя вслед за героем в процесс такого чтения, передать переживания и эмоции героя, связанные с чтением в вагоне, и даже познакомить с содержанием читаемой книги.

Так, Анна Каренина в известном романе Л. Н. Толстого читает новую книгу, специально взятую в поездку (об этом говорят предусмотрительно захваченные в путешествие разрезной ножик, специальный фонарик), при этом она долго не может настроиться на чтение: «...мешала возня и ходьба; потом, когда тронулся поезд, нельзя

было не прислушаться к звукам; потом снег, бивший в левое окно и налипавший на стекло, и вид закутанного, мимо прошедшего кондуктора, занесенного снегом с одной стороны, и разговоры о том, какая теперь страшная метель на дворе, развлекали ее внимание» [Толстой, с. 110]. И даже погрузившись в сюжет английского романа, героиня постоянно возвращается в действительность. Герою рассказа современного автора А. В. Ипполитова «Зимняя сказка» отрешиться от окружающего вагонного пространства удастся легко: «Невыносимая легкость бытия» меня приподняла и унесла далеко от моего ободранного купе» [Ипполитов, с. 87]. В повести В. О. Пелевина «Желтая стрела» главный персонаж находит книгу случайно, это полуразорванная брошюра «Путеводитель по железным дорогам Индии», рассказывающая о спокойном созерцании мира через вагонное окно и наталкивающая героя на серьезные мировоззренческие размышления [Пелевин].

Особый сюжет в отечественном искусстве — дорожные беседы. Завязывающиеся между незнакомцами, волею судьбы оказавшимися в одном вагоне, они стали практически обязательным элементом железнодорожного путешествия и его описания в художественном произведении. В вагоне под стук колес ведутся философские беседы, политические споры, разговоры «о жизни», завязываются знакомства, рождается любовь, т. е. раскрывается сложная палитра коммуникаций, складывающихся в замкнутом пространстве и времени.

Железнодорожные знакомства могут стать знаковыми в судьбе героев (как, например, в произведениях Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. И. Куприна), а могут остаться лишь мимолетной встречей, позволяющей поделиться «наболевшим» со случайным попутчиком. Лирический герой Л. Н. Андреева объясняет желание поделиться со случайным попутчиком самым сокровенным оторванностью путешествующего на поезде человека от привычной среды: «Оторванные от обычного, люди в вагоне становятся чутки вечно одиноким сердцем своим и жадно пьют тихую мимолетную ласку — как в засуху цветы пьют дождевую воду» [Андреев, с. 110].

Отметим, что в литературных произведениях достаточно часто показывается разница между разговорами в вагонах разного класса (как в домах представителей разных сословий). Они могут совсем не сложиться или быть сдержанными и сухими в вагонах высокого класса и становиться все более «душевными», открытыми в вагонах классом ниже. Об этом читаем у Г. И. Успенского: «...в вагонах пассажирских поездов, предназначенных для пассажиров первого и второго класса, что-то стало молчаливо, а иногда по целым дням пути царствует поистине мертвая тишина», в то время как «галдит, без умолку галдит “третий класс” во всех поездах, бегающих по русской земле <...> И этот говор, перемешанный с звуками гармоний и крепких слов, не замолкает ни в полночь, ни за полночь, ни днем, ни ночью, не истощается в течение долгих дней самого медленного, черепашьего движения. Стало быть, народу есть о чем говорить, есть что порассказать друг другу» [Успенский].

Та же тенденция прослеживается в графике и живописи. В отечественном изобразительном искусстве тема дорожного разговора раскрывается художниками

Рис. 3. О. Л. Ломакин. В поезде.
1962

чаще всего в изображениях пассажиров вагонов третьего и четвертого классов дореволюционной России и плацкартных и общих вагонов России советской. Пассажиров, увлеченных общим разговором, изображают С. В. Иванов («В вагоне 4-го класса», 1889), И. Д. Чашников («Дорожный разговор», 1933), Т. В. Толстая («В пути», 1955), О. Л. Ломакин («В поезде», 1962; рис. 3) и другие художники.

Однако в вагоне, как и в доме, можно отстраниться от суеты и погрузиться в размышления:

В вагоне шаркают и шамкают
и просят шумно к шалашу.
Слегка пошатывает шахматы,
а я тихонечко пишу.

[Евтушенко]

Не обходят вниманием авторы особое время в поезде — ночь, когда шум разговоров затихает, остается только равномерный стук колес, под который вагон засыпает, давая возможность остаться одному, предаться грезам и воспоминаниям: «...все люди в дороге становятся философами: оторванные от обычного, они точно просыпаются и с удивлением смотрят назад и вперед, и вспоминают очень далекое, и грезят о таком же далеком грядущем» [Андреев].

Отметим еще один сюжет в живописных произведениях отечественных мастеров — изображение домашней еды на вагонном столике. Несмотря на наличие вагона-ресторана в железнодорожном составе, большая часть путешественников берет в дорогу свои запасы и раскрывает их подчас еще до отправления поезда. Традиционные для русского пассажира курицу, вареные яйца, чай в стакане с подстаканником, например, изображает Ю. А. Студеникин («Дорожный натюрморт», 2007). В натюрморте М. А. Новикова («Вагонное окно», 1962; рис. 4) — менее традиционные для вагона, но еще более «домашние» предметы: настольная лампа, ветки вербы в стеклянной банке, стакан, газета, яблоки. Они создают уют и ощущение домашнего тепла.

Рис. 4. М. А. Новиков.
Вагонное окно. 1962

Рассматривать дом как социокультурное пространство предлагает С. Н. Рымарович [Рымарович]. Осознавая сложность и неоднозначность термина «социокультурное пространство», возьмем за основу предложение

А. С. Тельмановой характеризовать его как «пространство реализации социальных отношений всех индивидов на основе материальных и нематериальных контактов, посредством установленных культурных связей, эволюционно и революционно сформировавшихся в рамках временного периода и географической территории» [Тельманова]. В качестве такого пространства можно рассматривать железную дорогу.

Социальный уклад общества, нормы и традиции, закрепленные в нем, находят свое отражение в различных социальных институтах, в том числе и на железной дороге (обоснование возможности рассматривать железную дорогу как социальный институт — в статье Н. В. Лукьяненко [Lukianenko]).

Железная дорога родилась в условиях сословного общества, что нашло свое отражение в организации пространства вокзалов и вагонов, т. е. мест, где неизбежно должны были встретиться представители разных социальных групп. Именно эта особенность была одним из аргументов против строительства железной дороги в России, в частности, министр финансов граф Е. Ф. Канкрин писал, что железные дороги приведут к уничтожению «столь необходимой общественной иерархии», «к равенству сословий, так как и сановник и простак, барин и мужик поедут, сидя рядом в одном посаде» [Хусаинов, с. 21].

Железная дорога была построена, но пересечения представителей разных социальных групп старались минимизировать. Внутреннее устройство вокзалов как в Европе, так и в России проектировалось таким образом, чтобы пассажиры разных социальных групп не встречались, помещения для них разграничивались: «...считалось необходимым, чтобы внутри вокзала пассажиры I и II классов нигде не встретились с пассажирами III и IV классов» [Явейн], на американских вокзалах такое разделение организовывалось для представителей белой и черной расы. Афроамериканский художник У. Эллисон в картине «Железнодорожный вокзал» (1935) показывает расовое разделение пассажиров на перроне, изображая знак над дверным проемом на платформе, обозначающий выход только для чернокожих, тем самым подчеркивая жестокую несправедливость социального устройства общества.

Железнодорожные вагоны в зависимости от своего класса весьма существенно различались степенью комфорта, стоимостью и, соответственно, сословной принадлежностью пассажиров, что ярко описано в большом количестве художественных произведений. Пожалуй, наиболее известными являются работы О. Домье, который не единожды изображал все три класса европейских вагонов. Судя по всему, мастера не особенно волновала разница в интерьерах этих вагонов, большее внимание он обращает на пассажиров, различающихся своим поведением в зависимости от класса вагона. Однако есть у художника гравюры, очень красочно передающие условия, в которые попадали пассажиры вагонов разных классов. В гравюре «Путешественники все меньше и меньше любят вагоны третьего класса» (1856; рис. 5) показано тесное купе с простыми жесткими скамьями и открытыми окнами, в которые залетает снег. Пассажиры (возможно, прежде незнакомые) жмутся друг к другу, пытаются сохранить тепло. Такое поведение

Рис. 5. О. Домье. Путешественники все меньше и меньше любят вагоны третьего класса. 1856

Рис. 6. О. Домье. Вагон первого класса. 1864

выглядело бы недостойным в высшем обществе, но становится возможным здесь, в вагоне третьего класса. Иначе выглядит вагон первого класса, в котором свободно размещаются чопорные господа и дамы, изображенные максимально отстраненными друг от друга (рис. 6).

В России вагоны разного класса также отличались и степенью комфорта, и публикой, в них путешествующей. Известны строки А. Блока, показывающие разницу между их обитателями:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

[Блок]

Желтые и синие — вагоны второго и первого класса, поездку в которых могли позволить себе избранные. Зеленые — вагоны третьего класса, самые многолюдные и демократичные. «В III классе все сословия к тому же смешивались, там ехал “разночинный народ” <...> ...и крестьяне, и фабричные, и интеллигенция, и священники, и бедные — лучшие! — сельские дворяне, вот вроде Бунина... Третий класс — ступок народной жизни, истинное проявление ее» [Вульфов]. Так или иначе, все вагоны собирались в один состав и двигались в одном направлении, затрачивая на поездку одно и то же время, проезжая мимо одних и тех же пейзажей за окном, как это описывает герой И. А. Бунина: «Сзади нас склонялось к закату солнце и в упор освещало эту быстро обгонявшую нас, бегущую в сторону города как бы заводную игрушку — маленький, но заносчивый паровозик, из головастой трубы которого валил назад хвост дыма, и зеленые, желтые и синие домики с торопливо крутящимися под ними колесами» [Бунин].

Еще один ракурс социокультурной характеристики железной дороги — гендерные взаимоотношения. Даже сегодня, в ситуации достаточно свободных взглядов

относительно взаимоотношения полов, компания РЖД позволяет купить билет в «женское» или «мужское» купе, предполагая, что поездка в таком купе будет более комфортной. Общественные нормы XIX в. были гораздо жестче, так, в викторианской Англии женщине из привилегированных слоев запрещалось оставаться наедине с чужим мужчиной, что создавало определенные сложности при перемещении по железной дороге, кроме того, путешествуя по железной дороге, женщины опасались насилия.

Постепенно общество трансформировало железнодорожное пространство, приведя его в соответствие с нормами общественной морали. Как пишет Э. Г. Рихтер, сформировалась «одомашненная публичная сфера» — публичное пространство, в котором и женщины, и мужчины чувствовали себя «как дома» [Richter, 2005, March 14].

Наглядным примером отражения особенностей гендерных отношений применительно к железной дороге является история создания картины А. Соломона «Первый класс. Встреча и любовь с первого взгляда». На полотне 1854 г. на первом плане представлены беседующие молодая миловидная девушка и ее случайный попутчик (рис. 7). Отец, путешествующий вместе с дочерью, изображен на заднем плане спящим, погруженным в тень и как будто бы вовсе отсутствующим в купе. Картина вызвала волну возмущения в обществе в связи со своей непристойностью, и художник был вынужден написать другую версию. Композиция картины 1855 г. выглядит иначе — юношу и девушку разделяет фигура отца, именно с ним беседует молодой человек, а девушка лишь скромно смотрит на него из угла купе (рис. 8). Данный вариант был принят публикой благосклонно, так как полностью соответствовал принятым в обществе нормам.

Сцена знакомства, ухаживания за случайной попутчицей вновь и вновь повторялась в живописных, литературных, а в XX в. — кинематографических произведениях, демонстрируя культурные традиции общества соответствующего периода.

Таким образом, анализ образа железной дороги как воплощения концепта «дом» позволил раскрыть особенности понимания внутреннего пространства

Рис. 7. А. Соломон. Первый класс. Встреча и любовь с первого взгляда. 1854

Рис. 8. А. Соломон. Первый класс. Встреча и любовь с первого взгляда. 1855

железной дороги, рассмотреть его как защищенное пространство и как пространство социальных коммуникаций. Иллюстрируя особенности проявления характеристик концепта «дом» применительно к художественному образу железной дороги, мы обозначили отдельные аспекты этого образа. Каждое произведение, несомненно, глубже и сложнее, с более содержательной образной сферой, оставшейся за пределами нашего краткого анализа. Однако такой ракурс исследования позволил расширить понимание образа железной дороги в художественной культуре, продемонстрировать его универсальность и многозначность и тем самым — более рельефно представить, как технический объект, укореняясь в культуре, становится ее неотъемлемой частью не только в материальном, но и в духовном плане, осваиваясь культурой различными способами и превращаясь, в свою очередь, в инструмент раскрытия человеческой сущности и осмысления культурой собственных интенций, самопознания культуры.

Андреев Л. Н. В поезде // Андреев Л. Н. Повести и рассказы : в 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 110–115.
Блок А. А. На железной дороге // Культура.РФ : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/283/pa-zheleznoi-doroge> (дата обращения: 02.07.2022).

Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Онлайн-Читать.РФ : [сайт]. URL: <https://xn---7sbb5adknde1cb0dyd.xn--p1ai/бунин-жизнь-арсеньева/> (дата обращения: 02.07.2022).

Вульфов А. Б. Повседневная жизнь российских железных дорог. М., 2007. 464 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=157069&p=1> (дата обращения: 02.07.2022).

Евтушенко Е. А. В вагоне шаркают и шамкают... // Культура.РФ : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/26512/v-vagone-sharkayut-i-shamkayut> (дата обращения: 02.07.2022).

Ипполитов А. В. Зимняя сказка // Красная стрела. 85 лет легенде : рассказы, эссе. М., 2016. С. 85–104.

Мальцева Е. А. Железная дорога в европейской живописи: символика и смыслы // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/15KLSK221.pdf> (дата обращения: 02.07.2022).

Мальцева Е. А. Символика и смыслы образа железной дороги в художественной культуре России: концепты «путь», «дорога» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022а. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/12KLSK122.pdf> (дата обращения: 28.06.2022).

Мальцева Е. А. Образ железной дороги как воплощение идей технизма и антитехнизма (XIX — начало XX в.) // Общество: философия, история, культура. 2022б. № 6. С. 206–210. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.35>

Мороз В. В., Рымарович С. Н. Концепт «дом»: историко-философские и культурфилософские основания // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. 2014. № 2(30). С. 59–68.

Новикова В. Ю. Особенности европейской культуры чтения от античности до современности // Universum: филология и искусствоведение. 2015. № 5 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-evropeyskoj-kultury-chteniya-ot-antichnosti-do-sovremennosti> (дата обращения: 28.06.2022).

Пелевин В. О. Желтая стрела. М., 2015. 320 с.

Пономарева А. Ю. К проблеме исследования концепта «дом» в современных трудах отечественных ученых // II Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., С.-Петербург, 22 мая 2014 г. СПб., 2014. С. 199–204.

Потураева Е. А., Шерина Е. А. Концепт «дом» в гуманитарных науках: анализ понятийного, ценностного и образного компонентов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16663> (дата обращения: 18.06.2022).

Рымарович С. Н. Культурообразующий потенциал идеи дома // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. 2012. № 4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturoobrazuyuschiy-potentsial-idei-doma> (дата обращения: 03.07.2022).

Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. М., 2004. 992 с.

Тельманова А. С. Проблемы дефиниции социально-культурного пространства // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 29-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-definitcii-sotsialno-kulturnogo-prostranstva> (дата обращения: 02.07.2022).

Толстой Л. Н. Анна Каренина. Фрунзе, 1970. 887 с.

Успенский Г. И. Разговоры в дороге // Собр. соч. : в 9 т. М., 1957. Т. 7. URL: http://az.lib.ru/u/uspenskij_g_i/text_0500-1.shtml (дата обращения: 02.07.2022).

Фет А. А. На железной дороге // Онлайн-Читать.РФ : [сайт]. URL: <https://xn----7sbb5adknde1cb0dyd.xn--p1ai/фет-на-железной-дороге-мороз-и-ночь-над-далью-снежной/> (дата обращения: 02.07.2022).

Хусаинов Ф. И. Формирование и развитие железных дорог в России в XIX веке: стимулы и институты // Бюл. транспортной информации. 2018. № 8 (278). С. 19–28.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003. 336 с.

Явейн И. Г. Архитектура железнодорожных вокзалов. М., 1938. 304 с.

Lukianenko N. Epistemological research problems of rail transport as a social institution // Transportation Research Procedia. 2022. Vol. 63. P. 1826–1833. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2022.06.200>

Richter Amy G. Home on the Rails: Women, the Railroad, and the Rise of Public Domesticity (Gender and American Culture). Chapel Hill, 2005. 296 p.

Richter Amy G. At home aboard: the American railroad and the changing ideal of public domesticity // Gender and Landscape. L., 2005. <https://doi.org/10.4324/9780203449196>

Статья поступила в редакцию 12.07.2022 г.

Научная статья

УДК 069.5:645.456.36 + 94(47) + 130.2 + 930.85

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.073

РАЗВИТИЕ ПРАКТИКИ АТРИБУЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ МЕБЕЛИ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ (1960–1980-е гг.)

Наталья Владимировна Углева

*Государственный исторический музей, Москва, Россия,
uglevan@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4126-0338>*

А н н о т а ц и я. Насущную актуальность для анализа состава музейных коллекций мебели России приобрела атрибуция древних артефактов в контексте сохранения культурно-исторического наследия. Автором статьи эти предметы вычленены из ряда собраний и выделены в зону самостоятельного изучения. Принцип их датирования утвердился к первой трети XX в. и в настоящее время пересматривается на основании комплексного метода исторического исследования. В статье анализируется опыт предшественников, занимавшихся указанной проблематикой во второй половине XX в. Этот период ознаменован качественно новым подходом в освещении истории производства древней мебели, введены в научный оборот новые сведения, хотя принцип атрибуции конкретных памятников культуры сохраняет достижения ученых первой трети XX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурно-историческое наследие; Древняя Русь; атрибуция; древнерусская мебель; датирование; памятник культуры; артефакт; коллекция; музей

DEVELOPMENT OF THE PRACTICE OF ATTRIBUTION OF OLD RUSSIAN FURNITURE IN THE CONTEXT OF PRESERVATION OF CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE (1960–1980)

Natalia V. Ugleva

*State historical museum, Moscow, Russia,
uglevan@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4126-0338>*

A b s t r a c t. Currently, the attribution of ancient artifacts has acquired urgent relevance for the study of museum collections of furniture in Russia. The author of the article selected these subjects from the collections and included them in the zone of independent study. The principle of dating these objects was established by the first third of the twentieth

century and is currently being revised using a comprehensive method of historical research. In the context of this problem, the experience of predecessors who studied this problem, in particular, in the second half of the twentieth century, is analyzed. This period was marked by a qualitatively new approach to the study of the history of ancient furniture, the introduction of new information into scientific circulation, but the principle of attribution of specific monuments preserves the achievements of scientists of the first third of the twentieth century.

К e y w o r d s: cultural and historical heritage; Ancient Rus; attribution; old Russian furniture; dating; cultural monument; artifact; collection; museum; publication; article

Введение

Исходя из сведений, введенных в научный оборот, общеизвестно, что наиболее ранние по времени создания образцы русской мебели, считающиеся памятниками культуры, относятся к XVI–XVII вв. Также предполагается, что более древней мебели не сохранилось. Однако исследования автора, которые проводятся в Государственном историческом музее (ГИМ) и других музеях России, подтверждают, что оба положения являются ошибочными. На наш взгляд, это обусловлено методами разработки темы. В ряде случаев они базировались на мемориальной составляющей, когда памятнику культуры приписывалось время происхождения по источнику поступления. Показателен в этом смысле стол, по легенде принадлежавший царевне Софье Алексеевне Романовой в период ее пребывания в Новодевичьем монастыре. На основании данной информации стол был датирован концом XVII в., хотя его внешний облик характерен для значительно более раннего периода – XV – XVI вв. (рис. 1, 2).

Рис. 1. Стол царевны Софьи. Государственный исторический музей

Рис. 2. Стол царевны Софьи. Столешница. Государственный исторический музей

Другая группа предметов, относимая к XVI–XVII вв. и не имевшая признаков барокко, что соответствует господствовавшему в этот период стилю, вовсе лишена доказательной базы для датирования.

Таким образом, следует констатировать, что сегодня необычайно остро обозначился вопрос правильности атрибуции музейной мебели, отнесенной предшественниками к XVI–XVII вв. Для опровержения или доказательного подтверждения такого определения необходимо обратиться к опыту специалистов, занимавшихся данной проблематикой. Так как автор изложил свою позицию в ряде публикаций по историографии XIX – первой половины XX в. [Углева, 2018, 2019, 2020 а,б, 2021 а,б,в], в качестве следующего этапа необходимо проанализировать литературу, изданную во второй половине XX в.

Результаты исследования

Первой¹ публикацией послевоенного периода и первой вообще в истории отечественного искусствознания, посвященной истории древнерусской мебели, следует считать статью А. К. Чекалова «Мебель и предметы обихода из дерева» в коллективной трехтомной монографии «Русское декоративное искусство. От древнейшего периода до XVIII века» [Чекалов].

Являясь выпускником, а позже – преподавателем Российского государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова (ранее – МГХПА), он продолжил дело своего наставника Н. Н. Соболева на качественно

¹ В нашей статье в связи с ограничением объема текста рассматриваются только печатные издания, посвященные данной проблематике.

новом уровне. А. К. Чекалов первым представил памятники именно древнерусского периода, отделив их от наследия крестьянского быта XIX в. и перечислив, в музеях каких городов они находятся². Он значительно расширил иллюстративный ряд, используя лишь два образца из книги своего предшественника, ввел в научный оборот новые экспонаты с авторскими атрибуциями, воссоздал историю со времен Древней Руси по XVII в. включительно, в том числе развитие деревообработки с различными уточнениями и акцентами. Так, ученый отмечает подъем и процветание этого ремесла: «...Русь была страной городов, развитого кораблестроения, усеянной дубовыми крепостями, мостами, деревянными храмами...» [Чекалов, с. 13]. Автор вводит в научный оборот ценные сведения, называя использовавшиеся породы дерева, что по сей день является важным атрибуционным признаком: сосна, ель, береза, клен, липа, дуб, самшит, кавказский орех. Также А. К. Чекаловым был определен инструментарий, среди которого топор, скобель, тесло, долото, шило, нож, пила, токарный станок, что позволяет делать выводы о возможностях технического исполнения деталей обстановки.

А. К. Чекалов впервые попытался определить характерные признаки некоторых предметов, позволяющие в дальнейшем использовать их как определяющие. В первую очередь это касается орнаментальных композиций, часто встречающихся в древнерусской мебели, основанных на сочетаниях латинской буквы S или, как пишет автор, «в виде буквы “зело”». Он соотносит такой тип декора со спинками липовых скамей, бытовавших в древнем Новгороде [Чекалов, с. 14]. Кроме того, отмечается, что основным средством украшения поверхностей были резные борозды, глубокие канавки, штрихи, зубчатые полосы, треугольные выемки, гравировка, плетенка.

Необычайно важным является наблюдение исследователя еще об одном художественном приеме оформления решеток, распространение которого он связывает с XIV–XVI вв., а в качестве примера приводит Людогощенский крест 1359 г., созданный Я. Федосовым, из церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде. В основе композиции лежит чередование равновеликих кругов с четырьмя выступами внутри, два из которых расположены напротив друг друга по вертикали, два — по горизонтали. На Людогощенском кресте эти выступы являют собой небольшие крестики. В мебели же, среди которой упоминаются стенки скамей и подстоля, они выглядят как зубцы, хотя вполне правомочно предположить, что они являются остатками утраченных в процессе бытования крестов.

Безусловным достоинством работы является то, что в ней впервые перечислены и описаны все виды древнерусской мебели с выявленными характерными чертами для различных периодов истории отечественной культуры.

Кроме уже названных скамей, А. К. Чекалов включает в состав предметов древних интерьеров массивные лавки из дуба и клена, широкие кресла с полукруглыми

---

² Автор среди прочих называет музеи Москвы, Ленинграда, Сольвычегодска, Устюга, Вологды, Ярославля.

спинками, кровати из княжеского обихода, ссылаясь на «Слово о полку Игореве», где упоминается тисовое ложе князя Святослава:

— С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.

[Слово о полку Игореве]

Интересно отметить, что упоминаемый в тексте тис со времен Древнего Египта считался деревом смерти. Именно из этого материала делали саркофаги. Благодаря твердости, сравнимой по качеству, структуре волокон и цветовому оттенку с красным деревом, из него изготавливали копья, колчаны, стрелы. Тис относится к дорогим сортам древесины, так как растет крайне медленно на протяжении в среднем 2–3 тыс. лет.

К XIV–XVI вв. А. К. Чекалов относит распространение высоких стульев и кресел с брусочной конструкцией и решетчатыми спинками, не давая никаких объяснений, приводя в пример лишь стул из Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры. Сегодня с этим местом бытования связывают всего один образец, который представляет собой не стул, а кресло (приписываемое, по легенде, царю Ивану Грозному)³, украшенное пропиленной решеткой с уже упомянутом сквозным S-образным орнаментом, который автор, повествуя о наследии древнего Новгорода, связывал именно с этим регионом. Однако исследователь не проводит никаких аналогий на основании собственного текста, из-за чего датирующий признак теряет актуальность.

А. К. Чекалов одним из первых при определении времени создания памятника декоративного искусства использует метод сравнительного анализа, сравнивая данный предмет с другими датированными образцами и архитектурой. Так, шкафчик-киот из собрания ГИМ он датирует XVI в. в тексте (как северную работу) и рубежом XVI–XVII вв. — в подписи к фотографии, основываясь на сходстве в его конструктивном и художественном решениях с деталями зодчества Русского Севера в целом и подсвечников из дворца царевича Дмитрия в Угличе в частности.

Характеризуя мебель XVII в., автор отмечает, что при сохранении прежней структуры жилища и расстановки в нем деталей интерьера, мебель отличалась декоративными росписями, которые являлись продолжением узорочья интерьерных тканей — полавочников, скатертей, обивки стен, кресел и стульев. Неожиданно апеллируя к XII в., А. К. Чекалов констатирует, что и в тот период в Новгороде использовался живописный травный декор.

Во второй половине XVII в. исследователь выделяет несколько типов столов. К первому типу он относит столы, изготовленные по зарубежным образцам, «на точеных кувшинообразных ногах, с сильно вынесенной крышкой,

³ Предметы, подобные этому памятнику, на протяжении более ста лет датируют XVII в. без обоснования такой атрибуции.

отделанные резными подзорами, багетами, кругами в филленках» [Чекалов, с. 32]. Для примера приводится стол, совершенно не подходящий под описание. Это так называемый стол патриарха Никона в Ферапонтовом монастыре, который и сегодня можно увидеть в музейной экспозиции. Вместо «кувшинообразных ног» он опирается на балясины, изготовленные с соблюдением симметрии относительно центральной горизонтали. Ящичного типа подстолье украшено аркатурно-колончатый поясом и профилировками флемованного дорожника. Кроме уже упомянутого, существовали и другие типы столов, описание которых было почерпнуто автором из письменных источников: «круглый на одной ноге по-иноземски», «на точеных ногах с аспидными досками», «стол круглый восьмигранный орехом оклеен немецкий», «раздвижной позолоченный стол из чинары с резным изображением льва на проногах и расписанный охрой», «столы на резном подстолье, окрашенные голубой краской с позолотой, сплошь позолоченные столы с крышками, отделанными под раковинную доску» [Там же]. Судя по описанию, многое можно отнести к модной для того времени импортной европейской продукции в стиле барокко немецкого, итальянского и французского производства.

Следует подчеркнуть, что А. К. Чекалов первым из исследователей разделяет мебель по социальному признаку. Так, предметы, созданные из массива деревьев, которые подвергались самой простой обработке, он связывает с бытом беднейшего населения. Это — «стулья-дуплянки», выдолбленные из целого пня, скамьи из развилка, наподобие козел. «Такие козла служили опорой для широких досок, заменявших стол» [Там же, с. 15]. Эти бытовые приспособления имеют самую длинную историю. Они первыми появились в окружении человека, постепенно были вытеснены в зоны хозяйственных дворов и кухонь и существуют до сих пор в природно-спортивных лагерях, на «диких» туристических стоянках, в рыбацких, охотничьих, скотоводческих, землеобрабатывающих хозяйствах, а также покрытые лаком и укомплектованные мягкими подушками и нарядными драпировками в качестве винтажной продукции украшают загородные дома и городские квартиры.

В отдельный круг памятников выделена так называемая церковная мебель. Этот термин не совсем корректен в связи с тем, что аналои, киоты и шкафы для религиозных книг, о которых говорит автор, использовались и в домашнем быту.

Еще один раздел — ящики для хранения имущества, к каковым исследователь справедливо относит ларцы, погребцы, сундуки, шкатулки и дает подробную характеристику с точки зрения конструкции и декора, выделяя центры их создания в Холмогорах, Великом Устюге, Москве.

Кроме того, А. К. Чекалов обращает внимание на интерьер, отмечая сходство в плане организации пространства домов богатых и бедных слоев населения, различавшихся лишь по размеру и качеству используемых материалов. Он подчеркивает высокий профессионализм русских мастеров, а также то, что значительное количество зарубежных специалистов трудилось в разных городах страны. При этом нужды по обстановке домов восполнялись не только за счет отечественного

производства, но и благодаря внушительному объему продукции, поступавшей из Европы через Архангельск [Чекалов, с. 33].

Пожалуй, единственный просчет исследования заключается в использовании в качестве иллюстративного материала памятников со старыми датировками. Они ограничены XVII в., не подвергаются сомнению, хотя осмысление столь стилистически разнородного материала могло мотивировать автора сделать попытку переосмысления такой категории, как время изготовления этих артефактов, на основании им же приведенных описаний более древней мебели.

Подводя итог, следует отметить, что работа А. К. Чекалова основана на данных, почерпнутых из разнообразных источников, среди которых опубликованные итоги археологических раскопок, новые сведения по декоративному искусству и архитектуре древности, рукописи, мемуарная литература, архивные документы, результаты собственных обследований сохранившихся памятников зодчества. Она необычайно актуальна и сегодня, хотя осталась недооцененной многими его современниками, несмотря на то, что вышла в одном из крупнейших издательств, которое впервые масштабно освещало историю всех отраслей отечественного прикладного искусства. Мысли автора, многие из которых изложены тезисно в рамках, соответствующих формату издания, могли стать благодатной почвой для осмысления, углубления и развития как в области атрибуции, так и истории мебели в целом, но не были восприняты большей частью последователей. Во многом благодаря этому именно во второй половине XX в. укоренилась догма, кажущаяся на сегодняшний день несостоятельной, об отставании в развитии нашего мебельного производства от Европы, о консервативности и о недостаточной квалификации мастеров, о том, что европейские стили вошли в русский обиход лишь с восшествием на престол Петра I.

Во второй половине 1960-х гг. вышла в свет книга Т. М. Соколовой (сотрудника Государственного Эрмитажа) «Очерки по истории художественной мебели XV — XIX веков» [Соколова], в которой древнерусскому культурному наследию уделено внимание в разделе «Мебель XVIII века» [Там же, с. 108–136]. Этот фрагмент текста служит кратким прологом к Петровской и постпетровским эпохам, что заложено концепцией книги, в которой исследователь концентрирует внимание на художественных образцах ряда стран Европы (XV–XIX вв.) и России (XVII–XIX вв.), привлекая памятники из музеев Санкт-Петербурга, его окрестностей и единственного московского музея — усадьбы Останкино.

Весьма мимолетное внимание автора к ранним эпохам обусловило ошибочность многих положений, касающихся характеристики русской мебели вообще и древнего достояния в частности. Так, отмечается особая судьба отечественного искусства, в реализации которого, по мнению ученого, народные мастера играли значительную роль: «Яркую жизнерадостность, звонкую красочность, самобытность, узорность, свойственные русскому искусству, народные мастера, работавшие по дереву, вкладывали во все, к чему прикасались их руки — была ли то прялка, светец, посуда, любая домашняя утварь или резное узорочье избы и ее расписное убранство... Своеобразные национальные черты русского быта и искусства тех

времен не могли не сказаться на характере внутреннего убранства жилья социальной верхушки общества» [Соколова, с 108]. Таким образом, Т. М. Соколова, как и многие ее предшественники, не видит разницы между древнерусским наследием и памятниками крестьянского быта XIX в., поэтому ошибочно объединяет их в единый комплекс. Кроме того, М. Т. Соколова считает, что лишь в XVII в. «русская культура влилась в русло общеевропейского развития» [Там же], игнорируя материальное достояние более раннего времени, включая не только прикладное искусство, но и архитектуру, ярко демонстрировавшую принадлежность именно к общеевропейской цивилизации.

Сложно не согласиться с тезисом об отставании в развитии России из-за монголо-татарского ига. Однако нельзя упускать из виду тяжелую историческую ситуацию и в Европе, которую в XI–XVII вв. сотрясали Крестовые походы, Столетняя война, войны за обладание Италией, Тридцатилетняя война, что замедляло динамику прогресса на всем континенте.

Знакома читателя с историей мебели и интерьера феодальной Европы, автор апеллирует к культурно-историческому наследию Италии, Франции и Германии. Однако практически все изложенное правомерно отнести и к Древней Руси. Именно поэтому очевидным становится явный конфликт текста и двух изображений — кресла и скамьи XVII в. отечественного производства, в конструктивном и декоративном решении которых не видны черты русского искусства, перечисленные Т. М. Соколовой как характерные, а, напротив, демонстрируется приверженность к готическим традициям, что вполне правомерно подвергает сомнению актуальность датировки.

Безотносительным кажется и высказывание о немногочисленности русской мебели XVII в., учитывая то, что вещи ранних эпох, как правило, сохраняются в меньшем количестве, чем предметы последующих веков. Кроме того, действительно, в музеях, упоминаемых исследователем в книге, не может быть большого количества экспонатов допетровской эпохи, так как все они являют собой резиденции русской аристократии XVIII–XIX вв. и реализуют задачу демонстрации явлений истории и искусства этого периода. Хотя фонд Исторического музея изобилует ранними памятниками, этот пласт по непонятным причинам был проигнорирован.

К большому сожалению, автор указывает лишь на новшества, внедренные при правлении Петра I, появившиеся и непосредственно связанные с реформами этого императора. Однако привлечение иностранных мастеров, практика обучения ими русских ремесленников, декорировка столов, скамей, лавок, стен тканями и обтяжка тем же материалом или сафьяном стульев, кресел, сундуков, использование подушек на сиденьях, а также импортных предметов обстановки и русских, сделанных на иностранный манер, — все это существовало и ранее.

Во вступительной статье Т. М. Соколова впервые формулирует положения о правилах атрибуции мебели различных исторических эпох. Спорным кажется категоричное утверждение, что нельзя доверяться рассмотрению одного признака (орнамент, техника, материал), так как порой единственный из этих факторов

может стать определяющим. Показателен в этом смысле пример введения в начале XX в. никелированной фурнитуры, в 1820-е гг. — вкладных сидений⁴ и многое другое, что связано именно с освоением достижений прогресса в различных областях знаний и широко используется для датирования.

Безусловно, справедливым является замечание о необходимости проведения стилового анализа [Соколова, с. 5], ведь именно он безошибочно позволяет определить место исследуемого памятника на временном отрезке. Т. М. Соколова также обращает внимание на умение эксперта отличить подделки. Автор причисляет к ним произведения ретроспективизма, создание которых, на наш взгляд, не преследовало идею практического обмана. Это был в какой-то степени обман иллюзорный, когда наследие прошлого возрождалось в контексте общеевропейских тенденций обновления стилей на новом уровне трактования, с привлечением инновационных технологий и материалов под эгидой очередного витка развития моды. Упоминание как о масштабном явлении подделок мебели не вполне корректно, так как практика клеймения в этом виде искусства крайне редка, а тиражирование на основе образцов и изданий проектов⁵, напротив, распространено довольно широко.

Подводя итог, отметим, исследователь совершенно обосновано утверждает, что именно музейный опыт, связанный с постоянной практической деятельностью на базе масштабной коллекции, позволяет достичь успеха в работе по атрибуции мебели [Соколова, с. 6]. Очевидно, что отсутствие такого ведет к обратному результату — ошибкам в датировании и определении места производства.

Спустя шесть лет Т. М. Соколова в соавторстве с другим сотрудником Государственного Эрмитажа К. А. Орловой выпустили книгу «Русская мебель в Государственном Эрмитаже» [Соколова, Орлова]. В водной части исследователи публикуют тезис, с которым трудно не согласиться, что основная проблема в атрибуции мебели, и в особенности ее ранних проявлений, связана с отсутствием источников: «Отсутствие клейм и документации делает крайне затруднительным атрибуцию русской мебели, а для середины XVIII века она, за редким исключением, почти совершенно невозможна» [Там же, с. 3]. При этом непонятно, на основании какой информации были определены коллегами экспонаты XVII–XVIII вв., упоминаемые в этом издании.

Во вступлении к основному тексту сотрудники Эрмитажа выделяют новую самостоятельную группу допетровской мебели, прежде не отмеченную другими учеными, — «московскую» и относят к ней «скамьи, лари, поставцы и прочее» [Там же]. Эта формулировка кажется необоснованной, так как кроме перечислений названий не указаны ее характерные признаки, а предметы обстановки

⁴ Указанные элементы позволяют уточнять атрибуцию до десятилетий, так как использовались на формах мебели, выработанных в более раннее время.

⁵ В архивных документах XVII в. часто фигурирует выражение, связанное с практикой изготовления мебели не в качестве подделки, а на определенный «манер». В XVIII в. с этой целью используются зарубежные узоры, в XIX в. — импортные и отечественные материальные образцы и опубликованные проекты известных архитекторов и мастеров.

до правления императора-реформатора изготавливалась не только в Москве, но и других регионах государства.

Необходимо отметить, что в отличие от монографического издания Т. М. Соколовой о художественной мебели, упоминавшегося выше, в настоящем труде зафиксирован факт знакомства отечественных мастеров с европейскими образцами и в допетровские времена, что подтверждается приведенными цитатами из архивных документов об изготовлении обстановки по определенному заказу и приобретении импортной мебели в конце XVII в. В качестве иллюстраций авторы помещают изображения двух экспонатов XVII в., которые уже были представлены в предыдущем издании, и дополняют их еще одним креслом, типологически сходным с уже известным. В комментарии эти кресла без ссылки на источники называют игуменскими, объясняют, что они принадлежали настоятелям монастырей, так как ставились в торцах столов в трапезной. Отмечая консервативность монастырского быта, где «традиционность была наиболее оправдана» [Соколова, Орлова, с. 4], без расшифровки причины приведенного положения исследователи указывают на сходство эрмитажных кресел с образцами раннего Средневековья. К сожалению, при этом не выдвигается предположение о том, что рассматриваемые памятники могли быть выполнены именно в тот давний период. Также авторы не приводят никаких доводов, позволивших причислить артефакты непосредственно к произведениям XVII в.

В коллекции Эрмитажа находится раскладной стол, как считают специалисты, русской работы. Он украшен темперной росписью по левкасу и был доставлен Петру I из Архангельска. Дата его происхождения определяется началом XVIII в., вероятно, по времени появления его в Екатерининском дворце, хотя подчеркивается заимствование конструкции и декора из английского искусства. На наш взгляд, совершенно очевидно, что этот предмет либо создан английскими мастерами, либо очень точно скопирован отечественными. Подобные ему появились и существовали в быту в середине XVII в., а характер декоративных росписей типичен не только для России, но и для эпохи Ренессанса. Орнамент составлен не из побегов аканта, как пишут Т. М. Соколова, К. А. Орлова, а элементов орнамента, называемого «ушная раковина» или «хрящ», что характерно для искусства позднего Возрождения. Вероятно, именно в этом ключе и следовало проанализировать артефакт и, соответственно, обстоятельства его происхождения.

В 1983 г. вышел в свет очередной том трудов Государственного Эрмитажа, который открывается двумя статьями по интересующей нас теме. Первая из них «У истоков русской мебели (XI–XIII вв.)» написана Б. В. Сапуновым [Сапунов]. Кратко рассматривая историографию, включающую трех авторов — А. К. Чекалова, З. П. Попову⁶, Ю. П. Спегальского⁷, он допускает ошибки, которые свидетельствуют о незнании упомянутых произведений. Б. В. Сапунов считает, что

⁶ Попова З. П. Русская мебель XVI–XVII веков: дис. ... канд. искусствоведения. М., 1973. Анализ этого монументального труда будет посвящена отдельная статья, над которой в настоящее время ведется работа.

⁷ Вклад в изучение мебели Ю. П. Спегальского будет проанализирован в дальнейшем в контексте анализа библиографии XXI в.

первый из перечисленных «домонгольскому периоду уделит лишь несколько фраз» [Сапунов, с. 5], а вторая — «начинает рассматривать историю русской мебели примерно с XVI в.» [Там же], хотя именно эти исследователи, как отмечалось выше, заложили основы концептуального изучения древнерусского наследия, а также значительно ранее использовали предложенный Б. В. Сапуновым в его публикации метод. По сути, он повторяет путь З. П. Поповой, зафиксированный в ее диссертации и заключающийся в привлечении самых разноплановых источников для восстановления форм, конструкций и декора. Б. В. Сапунов, копируя метод московского исследователя, выполняет реконструкции табуретов, стульев, кресел, столов, кроватей, апеллируя к их изображениям на монетах, иконах, миниатюрах и фресках, используя «навыки перевода системы изобразительных приемов, применявшихся в Древней Руси, в систему современного видения» [Там же, с. 6]. Достигнутые результаты нам кажутся недостаточно обоснованными, так как использованный материал нельзя считать достоверным. Нет до сего дня ни одного подтверждения, что изображаемые мебельные объекты являются воспроизведенными с натуры, а не обобщенным условным стаффажем или древними иконографическими штампами, необходимыми авторам лишь как вспомогательный материал для передачи частных ситуаций.

Кроме того, автор уделяет большое внимание термину «стол», прослеживая его значение в памятниках письменности, хотя он не вызывает вопросов и был подробно истолкован в дореволюционных словарях, а также в трудах И. Е. Забелина.

Б. В. Сапунов, излагая свои соображения о декоре, не приводит никаких обоснований и оставляет читателя в недоумении, так как они оказываются разнополярными («Мастера... либо оставляли поверхность древесины гладкой, либо украшали орнаментом... Красилась ли мебель в домонгольское время или нет, сказать определенно нельзя...» [Там же, с. 15]). Абсурдными кажутся и тезисы о широком применении оковки обстановки металлами на основании упоминания в летописях о покрытии в XII в. серебром рак с мощами Бориса и Глеба и Феодосия Печерского, а также утверждение, что в домонгольской Руси не знали обивки кожей и материей [Там же, с. 16]. В заключение Б. В. Сапунов отмечает, что его работа «не закрывает путь новым исследователям, а призвана облегчить его» [Там же]. С последним трудно согласиться, так как после знакомства с текстом не появляется определенности ни по одному из аспектов избранной темы.

Вторая статья из Трудов Государственного Эрмитажа принадлежит перу В. А. Чернышева [Чернышев]. Она касается вопроса появления рамочно-филеночной конструкции на Руси и имеет прямое отношение к развитию техники создания мебели. Перечисляя разновидности данного устройства, обращаясь к различным материальным и изобразительным источникам, В. А. Чернышев не указывает конкретную дату его появления, а лишь предполагает, что эта конструкция была заимствована у византийских мастеров, при этом не исключая и другие пути — через Западную Европу или благодаря собственному опыту «на местных традициях русских ремесленников» [Там же, с. 24]. В статье лишь намечена проблема, решение которой, как считает и сам автор, требует продолжения.

Выводы

Подводя итог, отметим, что вторая половина XX в. была ознаменована настоящим прорывом в области исследования мебели древности как памятника отечественной культуры. Заслуга в этом, безусловно, принадлежит А. К. Чекалову, сформировавшему новый, поистине научный подход к изучению данного материала. Его статья ярко выделяется среди других изысканий. Несмотря на сохранение А. К. Чекаловым датировок конкретных памятников, определенных его предшественниками, он перевернул представления об этой отрасли производства в целом, не только доказав на основании различных источников ее раннее происхождение, но и воссоздав историю от Древней Руси по XVII в. включительно. Еще один шаг вперед по сравнению с предыдущим периодом заключается в том, что А. К. Чекалов первым выявил артефакты именно древнерусского периода, отделив их от наследия крестьянского быта XIX в. Таким образом, была сформирована база для дальнейшего пополнения истории мебельного производства, а также создан трамплин для разработок в области датирования, которая во второй половине XX в. не отмечена положительной динамикой. На основании анализа изданий современников А. К. Чекалова можно констатировать, что результаты его открытий не были внедрены в искусствоведческую практику; ученые пользовались датировками, принятыми в довоенный период; время изготовления предметов, которые вводились в научный оборот впервые, определялось типологическим методом по аналогии с уже опубликованными данными, когда использовался фактор внешнего сходства и не ставилась задача переатрибуции. По-прежнему базой для атрибуции являлась мемориальная составляющая, предметы не рассматривались в качестве объекта искусства, соответственно, игнорировался целый комплекс методов исторического исследования, направленных на всестороннее изучение артефактов в контексте сохранения культурно-исторического наследия.

Сапунов Б. В. У истоков русской мебели (XI–XIII вв.) // Тр. Гос. ордена Ленина Эрмитажа. Т. 23 : Из истории русской культуры. Л., 1983. С. 5–17.

Слово о полку Игореве / пер. Н. Заболоцкого // Культура.РФ : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/39048/slovo-o-polku-igoreve> (дата обращения: 20.06.2022).

Соколова Т. М. Очерки по истории художественной мебели XV–XIX веков. Л., 1967.

Соколова Т. М., Орлова К. А. Русская мебель в Государственном Эрмитаже. Л., 1973.

Углева Н. В. Развенчание мифа. Изменение атрибуции дубовых столов из собрания Исторического музея // Материалы IV науч.-практ. конф. М., 2017. С. 149–160 (Тр. Гос. ист. музея ; вып. 208).

Углева Н. В. Древнейшие троны русского престола // Низвергнутые троны российского престола. М., 2018. С. 14–31.

Углева Н. В. Мебельная коллекция П. И. Щукина // Николай Николаевич Соболев — ученый, художник, педагог. М., 2020а. С. 322–327.

Углева Н. В. Н. Н. Соболев. К вопросу историографии по изучению памятников русского мебельного искусства // Николай Николаевич Соболев — ученый, художник, педагог. М., 2020б. С. 84–89.

Углева Н. В. Атрибуция кресла в стиле ренессанс // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XX веков : материалы VI науч.-практ. конф., Москва, 16–18 окт. 2019 г. М., 2021а. С. 100–105.

Углева Н. В. Атрибуция тронных кресел царей Бориса Годунова и Михаила Романова в XIX–XXI веках: исторические и искусствоведческие аспекты // Наследие веков. 2021б. № 1. С. 100–108.

Углева Н. В. Изучение древнерусской мебели в первой половине XX века. К вопросу историографии // Культурное наследие России. 2021в. № 1. С. 46–53.

Чекалов А. К. Мебель и предметы обихода из дерева // Русское декоративное искусство. От древнейшего периода до XVIII века / под ред. А. И. Леонова. М., 1962. Т. 1. С. 12–56.

Чернышев В. А. Рамочно-филеночная конструкция в изделиях русских мастеров XII–XVII веков // Тр. Гос. ордена Ленина Эрмитажа. Т. 23 : Из истории русской культуры. Л., 1983. С. 18–25.

Статья поступила в редакцию 29.06.2022 г.

Научная статья

УДК 316.723:355.01 + 355.211 + 398(470) + 398.3:355.01

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.074

«ДМБ-КУЛЬТУРА» – НЕУСТАВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ СУБКУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

Владислав Александрович Липатов

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

Lipatov_v_a@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7214-2268>

А н н о т а ц и я. Опираясь на долговременные полевые и стационарные исследования «дембельских» альбомов, блокнотов, солдатских (матросских) записных книжек, форумов в интернете, личные воспоминания о службе, автор приходит к выводу, что разнообразные в родовом и видовом отношении явления (неуставная структура в среде солдат срочной службы и переходные обряды, текстовые материалы и экстравагантные изменения в парадной форме одежды, наконец, девиантное поведение отдельных групп военнослужащих) имеют общую основу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «ДМБ-культура»; субкультура военнослужащих; неуставные отношения; переходные обряды; «дембельские» документы; гибридный стиль; армейский мужской код; «дедовщина»; индивидуация

DEMOBILIZED CULTURE AS NON-MANUAL REPRESENTATIVE SUBCULTURE OF RUSSIAN CONSCRIPTION SOLDIERS

Vladislav A. Lipatov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,

Lipatov_v_a@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7214-2268>

A b s t r a c t. Based on the long-term field studies and stationary research of sketchbooks and notepads of demobilized soldiers, notebooks of soldiers (mariners), internet forums, personal memories of service and conversations with informants who had completed their military service, the author comes to the conclusion that certain phenomena, which are various in kind and quality (non-manual hierarchy of conscription soldiers and rites of passage, text materials and extravagant changes in full dress uniform, and, finally, deviant behavior of certain groups of military men) have common or similar causes.

Key words: “DMB-culture”; a subculture of military personnel; relationships; rites of passage; non-manual documents of demobilized soldiers; military code of conduct of male soldiers; hazing (“dedovshchina”); individuation

Введение

Корпоративная солдатская субкультура («ДМБ-культура») получила повсеместное распространение как внутри нашей страны, так и за рубежом в 1970-е — начале 2000-х гг. В это время срок службы по призыву составлял два года. В начале указанного периода наша страна находилась в группе лидеров по производству основных видов продукции базовых отраслей [Медведев, с. 70–72], что благоприятно повлияло на многие стороны жизни советских людей, в том числе отразилось и на демографической ситуации. Исходя из этого, новый закон СССР «О всеобщей воинской обязанности» (1967) на год снизил призывной возраст и срок службы во всех родах войск. Ежегодные сроки призыва в Вооруженные силы стали приходиться не только на осень, но и на весну, расширился список, согласно которому дату призыва можно было отложить или избежать его вовсе [Закон СССР...]. То есть новый закон разделил молодых людей призывного возраста на тех, кто должен был исполнить свой конституционный долг, и тех, кто мог уклониться от этого законным или незаконным образом.

В статье не рассматривается юридическая сторона данного вопроса, нас интересует эстетическая составляющая проблемы. То есть то, как основы законодательства находили отражение в неуставных текстах, низовых солдатских обрядах, даже одежде, в которой демобилизованный воин собирался показаться близким, чтобы продемонстрировать, что два года службы не прошли даром, что домой вернулся военный специалист, осознающий свой гражданский долг и причастность к той «высокоорганизованной искусственной массе» [Фрейд, с. 92–96], которую в русской культуре обычно называют армейским коллективом. Хотя связь эта со временем тускнеет, след все равно остается и хранится в «дембельских» альбомах и блокнотах, элементах обмундирования (пилотка, бескозырка), но, самое главное, — в психологических изменениях личности. Другими словами, если в армию уходил индивидуалист, то домой возвращался «человек команды», носитель «индивидуации» [Юнг].

Результаты исследования

Содержание статьи в определенной степени полемизирует с авторами книги «Поэзия в казармах» [Поэзия...]. Речь идет о противоречиях между «*уставщиной*» и так называемыми «*стариками*». Странники «уставщины», обладающие официальными званиями и властными полномочиями, требовали жить строго по уставу. То, что жить по уставу человеку невозможно, понимали и солдаты, и сами командиры. У «стариков» нередко не было ни командирской должности, ни полномочий, но их неуставные права основаны, во-первых, на традиции, а во-вторых, на здравом смысле как старослужащих, так и вновь прибывших.

У солдат срочной службы для профессионального роста до закона 1967 г. было три ступени. Сначала учебное подразделение, где под руководством сержантов они не только привыкали к специфике репрессивной армейской культуры, но и осваивали теоретическую часть той военно-учетной специальности (ВУС), которой будешь заниматься все оставшиеся годы вплоть до демобилизации. Вторая ступень — практическое освоение ВУС уже в части, куда тебя распределят. Выпускника «учебки» прикрепляли к старослужащему, и «старик» учил «молодого» тому, что успел освоить сам. Наставник был очень заинтересован в успехах своего подопечного. Ведь тогда господствовал принцип: «Подготовил смену — увольняйся», поэтому до 1970-х гг. о дедовщине как массовом явлении, унижающем человеческое достоинство, речи быть не может. На третьем году службы солдаты, уже сами «старрики», становились наставниками и обучали молодых.

Закон 1967 г., разрушая старую модель и превращая трехступенчатую солдатскую «карьерную лестницу» в четырехступенчатую, казалось, должен был сделать неформальную карьеру солдата-срочника четче и динамичней, однако в реальности все оказалось не так гладко. Не случайно солдатский фольклор гласил: «Полгода нас гоняют, // Полгода так живем, // Полгода мы гоняем, // Полгода “дембель” ждем». Проблемы начались, когда долговременную программу интенсификации развития народного хозяйства СССР, разработанную под руководством А. Косыгина [Поляков], партийная номенклатура променяла на «нефтяную иглу» Самотлорского месторождения в Западной Сибири [Пелипенко, с. 70], все активнее превращая страну в сырьевой придаток.

1980-е гг. — кульминационный период в истории нашей страны: подошла к естественному финалу «эпоха Л. И. Брежнева», началась, как мрачно тогда шутили, «пятилетка пышных похорон», а вместе с ними аппаратных игр гражданских и силовых структур. Деталей, связанных с этим, мы не знаем, а вот последствия, в том числе и для армии, очевидны.

Так, к концу 1980-х, по мнению генерал-полковника Э. А. Воробьева, армия оказалась «...структурно дезорганизована и частично деморализована... Войска не занимаются боевой подготовкой, танки не стреляют, корабли не выходят в море, авиация не летает» [Воробьев]. Разумеется, ослабевала боеготовность не только офицеров, но и солдат-призывников. Сначала старослужащие не могли передать опыт молодежи из-за того, что боевая техника простаивала, а спустя несколько месяцев, став «дедами», сами старослужащие не знали, как обращаться с этой техникой. Учить стало некому и нечему. Еще недавно полезный «институт стариков» стал на глазах разлагаться, заменяя передачу военного опыта бессмысленными придириками.

В определенной части воинских подразделений поселилось безделье, с которым каждый боролся, как умел: кто-то сочинял переходные обряды и «малостишия», кто-то нашивал на уставную форму неуставные украшения из шнуров и металла.

Безымянный автор статьи о неуставных изменениях в форме одежды назвал это «субкультурным молодежным армейским поветрием», т. е. чем-то случайно

занесенным в наши края, мол, «подобная солдатская мода рассчитана “на выход”, т. е. на демобилизацию» [Швейные войска]. Подавляющее большинство солдат срочной службы понимали нелепость своего «дембельского наряда», но тем не менее для них это была бессознательно выраженная форма протеста индивидуации против обезличивания традиционной русской армейской культуры и свойственной ей репрессивности.

Начались проблемы и у профессиональных военных, прежде всего с регулярностью получения денежного довольствия. Недостатком средств, особенно у работников военкоматов, могли воспользоваться чадолюбивые и влиятельные родители, чтобы освободить своего сына от призыва. Вероятно, это стимулировало появление такого знакового артефакта «ДМБ-культуры», как «дембельский» альбом (ДА).

О структуре этих альбомов, способе изготовления написано достаточно, поэтому остановимся на важном. Прежде всего, ДА — не фотоальбом, а «предметный текст, у которого есть четко означенные границы» [Лотман, Пятигорский с. 133–142], где собраны не только фотографии, но и военные документы (повестка, проездные документы, почетные грамоты, благодарственные письма родителям и т. д.). Все это свидетельствовало о том, что домой вернулся высококвалифицированный специалист.

Жанр альбома определяют его функция, сюжет и поэтика. Функция четко обозначена уже в утвердившемся названии — «дембельский», т. е. предназначенный для *итогового отчета* перед земляками, и этим ДА отличается от тех альбомов, которые привозили солдаты, служащие в ГДР. Тот назывался «Воспоминания о моем пребывании в Германии», т. е. изначально выполнял мемориальную функцию.

Еще одна важная функция ДА — свидетельство того, что владелец выполнил свой конституционный, воинский и просто мужской долг. Поэтому роскошный фолиант, иногда настоящий шедевр казарменной эстетики, часто открывал парадный портрет владельца, а рядом с ним находился текст присяги или гимна страны.

Однако далее изображение владельца порой терялось среди многочисленных фотографий его однополчан, и это могли быть изображения не только его друзей. Подаренная фотография как частичка целого — знак наивысшего доверия тому, кому ты ее даришь («На память я тебе дарю фотографию свою...»). Таким образом, текст ДА должен был показать, что армия вернула обществу гражданина, воспитанного в лучших традициях коллективизма, лежащих в основании трехсотлетней истории российских вооруженных сил.

Но при всех названных достоинствах у предметных текстов дембельского альбома имелся большой недостаток — они были бессловесны. Поэтому был необходим компетентный рассказчик, «*нарратор*», который вместе с ДА образовал бы своеобразный «симбиоз»: документы, по возможности расположенные в хронологической последовательности, служили планом рассказа, а комментатор, разъясняя смысл этих документов и всего артефакта, выстраивал бы вербальный сюжет. Однако рассказ все равно получался однообразным и со временем все

меньше привлекал внимание слушателей. Тогда стали появляться *пиктографические тексты*. Как всякий рисунок, они отличались от примитивных любительских фотографий большей образностью, информативностью, степенью обобщения. В них даже у начинающего художника-любителя чувствовалось отношение и к сюжету, и к его героям.

Героями юмористических рисунков могли быть не только военнослужащие, но и условные персонажи, благодаря своей популярности ставшие хотя бы на время национальными «архетипами», например, придуманные художником В. М. Котеночкиным для мультипликационного цикла «Ну, погоди!» Волк и Заяц. Заяц на солдатских рисунках выступал в роли старослужащего, которому Волк должен был беспрекословно подчиняться. Вот Длинноухий заставлял обритого наголо «душару» Волка тянуть носок на строевых занятиях, а по истечении первого полугодия лупит его по ягодцам солдатским ремнем, совершая армейский переходный обряд. Рисунок «переходного» армейского обряда, разумеется, не могла заменить фотография, ведь она стала бы уликой в реальном уголовном деле. Физически слабый Заяц, чувствуя за собой силу армейского коллектива, мог без боязни командовать опасным в иной среде Волком, и тот был вынужден беспрекословно подчиняться. Так в «молодых» *обычное казарменное право* воспитывало уважение к фундаментальному принципу традиционной русской *армейской этики*: приказ командира — закон для подчиненного.

Многочисленные примеры дембельских коллекций, а также опубликованные в интернете слайды позволяют утверждать, что 1980-е гг. — «золотое десятилетие» в истории ДА. И дело не в аляповато праздничном их виде, а в сложившихся в процессе становления функциональном назначении и строгой архитектонике: четком определении временных границ текста на обложке, указании места службы и, следовательно, изготовления артефакта.

Имя владельца-составителя иногда указывается на титульном листе, но чаще всплывает опосредованно, например, среди косвенных источников: оригинала повестки, благодарственного письма родителям, почетных грамот и т. д., а к последним страницам альбома его собственное изображение вообще теряется среди лиц сослуживцев. Дело сделано: личность — составная часть воинского коллектива.

Кстати, постоянно приводимый в конце альбома список домашних адресов недавних товарищей по службе тоже во многом носит ритуальный характер: переписка сослуживцев чаще всего длится недолго. То есть, с одной стороны, индивидуальное начало уже начинает заявлять о себе, но с другой — оно находится под очень сильным прессом уже сложившейся традиции оформления альбомов.

Когда первоначальная репрезентативная функция ДА, как кажется, пропадает, у его владельца вдруг появляется интерес к службе отца, а то и деда, его детей и внуков. Многие из них будут не только с интересом слушать, но и гордиться тем, чем другие ребята гордиться не смогут. Так заявляет о себе новая *воспитательная функция* ДА. Довольно рано вошедший в архитектонику вербально-предметного текста изобразительный материал, по существу, создал единый и неделимый

стиль жанра, который в конечном счете сформировал *гибридный текст*, не только доминировавший в «ДМБ-культуре» в 1980-е гг., но и сохранивший некоторые творческие позиции и в следующее время.

Тем не менее творческий ресурс ДА оказался фактически выработанным уже в 1990-е гг., и это одна из основных причин, почему достаточно быстро и безболезненно он стал вытесняться значительно менее роскошными, но, бесспорно, более информативными «дембельскими» блокнотами (ДБ), а главными собирателями текстов для них стали солдатские записные книжки (СЗК).

СЗК из-за пестроты внутрижанрового состава назвать «сложившимся текстом» нельзя. Ведь, прежде всего, солдатская записная книжка выполняла функцию информационно-накопительную и включала не только поэтические тексты, но разнообразные записи рабочего характера (графики боевых дежурств, караулов, выписки из уставов и т. д.). Главная особенность содержащихся в ней собственно поэтических текстов в том, что в них, хотя и по-разному, но совершенно очевидно демонстрируется, как болезненно рвутся скрепы только начавшей формироваться личности новобранца и его семьи. Например, во многих СЗК есть рассчитанный на два года службы самодельный календарь с указанием не только общенациональных, государственных или корпоративных праздников, но также праздников семейных: дней рождения родителей, брата, сестры, дяди, тети и иных родственников, которым солдат хочет напомнить, что он жив, думает о них и хочет, чтобы они вспоминали о нем. А чтобы придать своему солдатскому поздравлению больше чувства, солдат-первогодок непременно хотел написать его стихами, кочующими из одной СЗК в другую, а оттуда в письма и открытки.

Когда приближается знаковая дата — «100 дней до приказа», то владелец-составитель берет свою записную книжку, совершая простейший творческий акт: отбирает из нее то, что сохраняет актуальность для репрезентативного артефакта — дембельского альбома, а СЗК, исполнившая свой долг, выбрасывается.

Материалы коллекций «**Arm**» могут быть не просто объединены в неограниченное собрание текстов с общей проблематикой, а систематизированы по проблемам и темам для создания общей картины коллекции. В итоге основную часть можно разделить на: 1) «адаптационную», характеризующую первый год службы и освоение новобранцем правил поведения в армейском коллективе; 2) «репрезентативную», представляющую различные подразделения СА и ВМФ, а также условия службы в отдельных подразделениях. Для разделения на адаптационную и репрезентативную части в коллекции есть специальные фразеологизмы и поэтические маркеры.

Из четырех заявленных «персон» «ДМБ-культуры» («дух», «слон», «черпак», «дед») в низовой солдатской поэзии действительно активными являются только две — «дух» и «дед». Как уже было отмечено, традиционная персона «дед», «старик» передает молодежи воинские традиции, помогает «понять службу». «Дух» значительно «моложе» и, вероятнее всего, его происхождение связано с афганской войной (1979–1989). Там молодые офицеры, родоначальники «афганских» песен из спецотряда «Каскад», искали достойного противника герою своего

знаменитого цикла «синеглазому молодому блондину “каскадеру”». «Иностраный наемник»? — В значительной массе противники «шурави» (так там звали советских солдат) были *местными* оппозиционерами. «Басмачи» из истории борьбы за власть в Средней Азии? — Эти персонажи тем более не подходили.

В достойного, хотя и коварного противника, «духа», согласно фантазии авторов «афганских» песен и законам русского языка, превратился афганский «борец за веру» (*mujāhid*), он же участник джихада, мятежник (на дари — *dušman*, душмон, на пушту — *duxman, dušman*). Словом, по мнению наших политорганов, — враг.

Необъявленная война СССР в Демократической Республике Афганистан закончилась так же подло, как и началась, однако до сих пор не забыта ни обществом, ни «афганцами», как не забыт и «дух», которым вскоре в Советской армии стали называть замордованного солдата первого полугодия службы, который еще «не понимает службу», а потому им помывает всякий кому не лень. Но оттого, что новобранец толком не знает, как себя вести в армейском коллективе, он может быть опасен для старослужащих, например, нечаянно проговорится начальству о том, чего тем лучше не знать.

Язык дембельской поэзии вне зависимости от национальной принадлежности владельца-составителя — русский, как и язык «афганских» песен. Но от этих песен произведения, представленные в «дембельских» блокнотах, отличает отсутствие кровавых сцен и технических терминов, правда, в них встречается лексика, которую принято называть ненормативной, хотя собеседники равно, как и читатели этих артефактов, как брань эти слова чаще всего не воспринимают. Эта лексика в фольклоре называется «мужским кодом». Благодаря ситуативной обусловленности, а также богатым словообразовательным возможностям нашего языка русский мат в многонациональном армейском коллективе непроизвольно стал языком межнационального общения.

Дембельские темы самые разнообразные, их еще предстоит изучать и сопоставлять. Например, авторы скороспелой «Поэзии в казармах» утверждают, что «болевым точкой солдатской поэзии является переживание утраченной любви» [Поэзия..., с. 48]. Впрочем, бывают и иные варианты. Все дело в количестве текстов и желании исследователя не взять «фальстарт», а дождаться финала.

Главным остается «синтетический стиль», соединивший в нерасторжимое целое три вида хранения и передачи информации — предметный, пиктографический и вербальный. В армии эти виды отлично знают. В той же «Поэзии в казармах» трижды приводится популярная в войсках баллада «Копейка» [Там же, с. 138, 293, 339], и во многих коллекциях вариантам этого произведения нет числа. В балладе рассказывается, как солдат получает письмо, где бывшая возлюбленная сообщает, что выходит замуж. И вот вместо того, чтобы застрелиться из своего АК, он посылает ей в конверте ржавую копейку (предметный текст), лист со следом грязной подошвы (идеографический текст) и собственно вербальный текст, где объясняет, что это все означает.

Некоторые исследователи считают, что традиции наших «дембельских» альбомов восходят «к европейской альбомной традиции прежних веков» [Там же, с. 158].

Во многих источниках рассказывается о том, как немцы, стараясь окончательно избавиться от нацистского прошлого, стали выставлять на продажу в интернете фотоальбомы солдат вермахта. При этом коллекционеры обратили внимание на некоторое сходство этих артефактов с нашими «дембельскими» альбомами. Однако это сходство не было обусловлено контактом двух военных культур, а возникло опосредованно, через немецких переплетчиков, изготовителей солдатских альбомов. Когда гитлеровская Германия была разгромлена, они оказались без традиционных рынков сбыта. Но надо было кормить семью, и через какое-то время мастера картона и клея нашли покупателей среди солдат советских оккупационных войск. Немцы привержены к системе, привержены к порядку вплоть до мелочей, поэтому в старой модели альбома они сменили только названия с «Meine dienstzeit» или «Kriegserinnerungen» на русский вариант «Воспоминания о моем пребывании в Германии», что определило и мемориальный жанр изделия, и его наполнение.

Но ни немецким изготовителям, ни потребителям их продукции из числа солдат вермахта даже на ум не могло прийти внести в альбом что-то инородное, нарушив тем самым складывавшуюся не одно десятилетие модель.

Выводы

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что и «дембельские» альбомы, и блокноты — это *продукт нашей низовой национальной культуры* (субкультуры военнослужащих). Они громко заявили о себе под влиянием историко-культурных обстоятельств. До поры в чьем-то кармане скромно хранились фотокарточки, у кого-то в памяти осталась случайно услышанная остроумная фраза. Потом из этих фраз и артефактов складывались тексты «дембельских» альбомов и «дембельских» блокнотов. Альбом создавал идеализированный автопортрет молодого мужчины, который не стал хитрить, прятаться, а взял повестку и выполнил свой мужской долг. В блокнотах чаще всего описывались будни нашей армии, важнейшей силовой структуры страны в самые драматические периоды ее истории.

Воробьев Э. А. Трудности становления российских вооруженных сил. URL: <http://ru-90.ru/content> (дата обращения: 08.10.2022).

Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 12.10.67. URL: <https://zakonbase.ru/zakony/12-10-1967-ot-1967-10-12> (дата обращения: 10.10.2022).

Литатов В. А. Вначале было... фото // Традиционная культура. 2009. № 4. С. 134–138.

Лотман Ю. М., Пятигорский А. М. Текст и функция // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 133–142.

Медведев Р. А. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010.

Пелипенко А. А. Печальная диалектика российской цивилизации // Россия как цивилизация. Устойчивое и изменчивое. М., 2007. С. 48–73.

Поляков А. А. Социально-экономические последствия реформ А. Н. Косыгина. URL: <https://ties.mgimo.ru/2020/2020-02/kosygin-reform-consequences> (дата обращения: 24.08.2022).

Поэзия в казармах. Русский солдатский фольклор / сост. и ред. М. Л. Лурье. М., 2008.

Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно»: труды разных лет. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 71–138.

Швейные войска. URL: <https://tradio.wiki/> (дата обращения: 08.10.2022).

Юнг К. Словарь терминов. URL: <https://kyung-slovar-terminov.slovaronline.com/17> (дата обращения: 09.10.2022).

Статья поступила в редакцию 20.10.2022 г.

ПСИХОЛОГИЯ

К ЮБИЛЕЮ ДЕПАРТАМЕНТА ПСИХОЛОГИИ

Для департамента психологии Уральского федерального университета 2022 г. является знаковым. В этом году департаменту исполняется 30 лет. 30 лет — много это или мало? Конечно, ответ зависит от того контекста, в котором рассматривать. Для психологического образования за пределами столичного региона это значимый возраст. Департамент психологии — правопреемник факультета психологии Уральского государственного университета, который был создан в 1992 г. Здесь впервые на Урале начали готовить психологов.

Ключевая роль в создании факультета психологии на Урале принадлежит первому декану факультета — доктору психологических наук, профессору Галине Анатольевне Готовой. Именно она была основным идеологом и двигателем данного процесса. Именно она на протяжении более 20 лет формировала коллектив, нацеленный на развитие и продвижение психологических знаний. И благодаря ей был заложен курс на сильную фундаментальную подготовку в области психологии. В разное время департаментом руководили кандидат педагогических наук доцент Лариса Григорьевна Попова, доктор психологических наук профессор Эльвира Эвальдовна Сыманюк, кандидат педагогических наук доцент Марина Владимировна Клименских.

Если рассматривать 30 лет с позиции возрастной психологии, то это возраст, когда уже накоплен определенный опыт, есть представление о том, что и как делать, выработана собственная позиция относительно многих вопросов и при этом есть силы, желание и возможности развиваться и расти дальше. Именно это сейчас очень ярко просматривается в департаменте психологии.

Департамент сегодня — это более 1500 студентов, около 100 преподавателей и сотрудников. Структура департамента представлена 5 кафедрами — общей и социальной психологии, педагогики и психологии образования, клинической психологии и психофизиологии, управления персоналом и психологии, базовой кафедрой «Коррекционной психологии и психофизиологии».

В департаменте реализуются программы бакалавриата и магистратуры по направлениям «Психология» и «Управление персоналом», а также две программы специалитета — «Клиническая психология» и «Психология служебной

деятельности», есть аспирантура. Департамент сегодня закрывает потребность работодателей по всем имеющимся направлениям подготовки в области психологии.

К настоящему времени подготовлено около 5 тыс. специалистов-психологов. Выпускники работают в сферах клинической, организационной, экстремальной психологии, психологии образования, успешно реализуют себя в науке, бизнесе, а также на государственной службе.

За счет квалифицированного профессорско-преподавательского состава, а также созданных научных лабораторий (лаборатория мозга и нейрокогнитивного развития, зав. лабораторией — канд. психол. наук С. Ю. Киселев; лаборатория нейротехнологий, зав. лабораторией — канд. психол. наук Ю. Г. Павлов; лаборатория клинко-поведенческих исследований, зав. лабораторией — канд. мед. наук Т. Р. Томенко) стали активно развиваться научно-исследовательские проекты по актуальным вопросам современной психологии, психофизиологии и психогенетики.

Значительное место в исследовательском пространстве департамента занимает изучение сферы профессионального развития личности (профориентация, мотивация, психологическое здоровье, планирование карьеры, профессиональное выгорание и деформации). В последнее время также выделилось направление, связанное с изучением психологии позднего возраста. Наиболее молодым и перспективным является научное направление, представленное нейрокогнитивными исследованиями, которые имеют не только научную ценность, но и практическое применение, например, позволяют осуществлять психолингвистические и нейромаркетинговые экспертизы.

Преподаватели и сотрудники департамента психологии также активно участвуют в научной деятельности университета: в рамках стратегического проекта «Благополучие человека в условиях цифровой трансформации», реализуемого по программе «Приоритет–2030», они занимаются изучением психологического, эмоционального, социально-психологического благополучия на разных возрастных этапах — детство, юность, зрелость и старость.

Вышесказанное указывает на то, что департамент психологии сегодня — это стабильное подразделение, обладающее необходимыми ресурсами для качественной организации учебного процесса, развития научных исследований и инновационных проектов в различных сферах общественной жизни.

Хочется пожелать департаменту не снижать набранный темп развития и гибко реагировать на происходящие социальные и экономические изменения. Ведь психолог — это особая профессия. Профессия, результаты которой не всегда заметны сразу, но очень важны как для индивидуального развития, так и для развития общества.

А. А. Печеркина,
директор департамента психологии УрФУ,
кандидат психологических наук, доцент

Научная статья

УДК 17.021.4 + 17.023.34 + 179

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.075

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ СЧАСТЬЯ С ДОБРОДЕТЕЛЯМИ И СЕМЬЮ СМЕРТНЫМИ ГРЕХАМИ

Маргарита Евгеньевна Пермякова¹

Ольга Николаевна Романова-Погребняк²

^{1,2} Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

¹pme8@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9384-5939>

²pogrebnyak85@gmail.com

А н н о т а ц и я. В статье приводятся данные о связи счастья с соблюдением моральных норм на примере таких норм-запретов, как алчность, гнев, гордыня, похоть, зависть, уныние, чревоугодие, и таких добродетелей, как мудрость и знание, мужество, гуманизм и любовь, справедливость, умеренность, трансцендентность (духовность). В исследовании приняли участие 114 человек в возрасте от 18 до 60 лет. Для диагностики использовались методики: «Обновленный Оксфордский опросник счастья» (Oxford Happiness Inventory); «Опросник достоинств личности», ОДЛ (Personal Virtues Questionnaire, PVQ); десятибалльные шкалы самооценки алчности, гнева, гордыни, похоти, зависти, уныния, чревоугодия. В результате была выявлена положительная связь счастья со всеми добродетелями, отрицательная связь счастья с алчностью, гневом, завистью, похотью, унынием. При этом счастье положительно коррелирует с гордыней и не связано с чревоугодием.

К л ю ч е в ы е с л о в а: счастье; моральные нормы; семь смертных грехов; добродетели

RESEARCH OF THE RELATIONSHIP OF HAPPINESS WITH THE VIRTUES AND THE “SEVEN DEADLY SINS”

Margarita E. Permiakova¹

Olga N. Romanova-Pogrebnyak²

^{1,2} Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

¹pme8@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9384-5939>

²pogrebnyak85@gmail.com

A b s t r a c t. The article presents data on the connection of happiness with the observance of moral standards on the example of such norms/prohibitions as anger, greediness, envy, idleness, gluttony, lust and extra pride, and such virtues as wisdom and knowledge,

© Пермякова М. Е., Романова-Погребняк О. Н., 2022

courage, humanism and love, justice, restraint, transcendence (spirituality). The study involved 114 people aged 18 to 60 years. The following methods were used for diagnostics: “Updated Oxford Happiness Inventory”; Personal Virtues Questionnaire (PVQ); 10point scale the level of self assessment of anger, greediness, envy, idleness, gluttony, lust and extra pride. As a result, a positive relationship of happiness with all virtues was revealed, a negative relationship of happiness with anger, greediness, envy, idleness, lust. At the same time, happiness is positively correlated with extra pride and is not associated with gluttony.

К e y w o r d s: happiness; moral standards; “seven deadly sins”; virtues

Феномен счастья и поиск возможностей его достижения всегда будут волновать человечество. В научной среде нет единого подхода к определению счастья, психологами создано множество теоретических конструктов, таких как субъективное благополучие, психологическое благополучие, качество жизни, удовлетворенность жизнью и др. Одним из наиболее используемых в эмпирических исследованиях является определение сторонников гедонистического подхода, согласно которому счастье является субъективным ощущением и сложным конструктом, включающим как когнитивный компонент (удовлетворенность жизнью), так и аффективный (баланс положительных и отрицательных эмоций) [Аргайл; Селигман]. Причем для каждого человека счастье определяется индивидуальным сочетанием разных факторов удовлетворенности жизнью и детерминант положительных эмоций. Наиболее изученным компонентом является удовлетворенность жизнью [Temiz], при этом в психологии мало исследований о связи счастья человека с соблюдением им моральных норм. Тема моральных норм подразумевает ценностные суждения и оценки, а психология всегда стремилась к научному беспристрастному идеалу. По мнению А. Н. Поддьякова, в позитивной психологии вообще достаточно редко можно найти явно сформулированное отношение к проблемам добра и зла [Поддьяков]. Ряд авторов в своих теоретических и эмпирических исследованиях указывают на положительную связь счастья и моральных ценностей [Phillips, De Freitas, Mott et al.]. Р. Bloomfield, например, обосновывает следующую цепочку: мораль необходима для самоуважения, самоуважение — для счастья [Bloomfield]. А. Waytz и W. Hofmann экспериментально доказали, что моральное поведение и моральные мысли являются эффективными средствами повышения субъективного благополучия [Waytz, Hofmann]. Среди отечественных психологов этой проблематикой занимались Е. Е. Бочарова, исследовавшая связь моральных ориентаций и субъективного благополучия [Бочарова], Т. В. Бескова, которая показала, что люди, ориентированные на зло, ощущают психологическое неблагополучие [Бескова], И. Н. Нехорошева, эмпирически доказавшая, что люди с отрицательной направленностью больше удовлетворены своей жизнью [Нехорошева]. Таким образом, результаты исследований достаточно противоречивы.

Сложность представляет и классификация моральных норм — что считать моральным, а что аморальным. Р. Yao определяет мораль как особую форму социальной ценности, в которой заложены критерии оценки добра и зла

и которая направлена на то, чтобы сделать людей счастливыми [Yao]. Моральные нормы — это свод норм и правил, определяющих поведение человека и направленных на достижение блага для себя и окружающих. Эти нормы определяются обществом, а соблюдать их или нет — выбор человека. Одна из классификаций моральных норм включает два их вида: нормы-запреты (нежелательное поведение, пороки, грехи) и нормы-повеления (желательное поведение, добродетели). В каждом обществе, у каждого поколения складывалось свое понимание добра и зла, пороков, грехов и добродетелей. Некоторые из них сохранялись из поколения в поколение и даже становились общечеловеческими. К таким нормам-запретам относятся и «семь смертных грехов» христианской доктрины (гордыня, гнев, алчность, зависть, уныние, похоть, чревоугодие). Так, исследования показывают, что осуждают эти грехи более 80 % современных молодых россиян, независимо от пола, национальности, от того, какую веру они исповедуют или являются атеистами [Хвостов, Гаджимурадова]. Исследования М. Е. Пермяковой с коллегами показали на выборке более 1600 человек, что счастье отрицательно связано со всеми грехами, кроме гордыни [Пермякова, Глинских, Ершова; Permiakova, Vindeker]. И хотя понятия греха и добродетели длительное время считались не научными, а религиозными, но в последние десятилетия, они стали рассматриваться и в психологической науке. Если в религии грехи оцениваются исходя из дихотомии «добро — зло» и однозначно считаются чем-то плохим, недостойным, то в психологии рассматриваются как негативные, так и положительные стороны греха. В этом аспекте психологический анализ грехов дали, например, Ю. В. Щербатых [Щербатых], С. Лахам [Laham], который утверждает, что грехи не только полезны, но и могут сделать человека успешным и счастливым. В основе психологического определения сущности грехов лежит их религиозное содержание, но каждый автор вносит свои аспекты, обусловленные в основном лингвистическими и культурными различиями. Что касается добродетелей, то М. Селигман описал шесть общих для всех народов добродетелей (мудрость и знание, мужество, гуманизм и любовь, справедливость, умеренность, трансцендентность / духовность), а также включенные в них 24 достоинства, развивая которые, человек и достигает добродетели [Селигман]. По его мнению, истинно счастливая жизнь включает духовное удовлетворение от реализации своих индивидуальных достоинств и добродетелей и использование их для служения высшей цели.

Цель данного исследования — выявление связи счастья с добродетелями и «семью смертными грехами».

Гипотезы исследования:

1. Существует отрицательная связь счастья с нравственными нормами-запретами, т. е. чем выше показатели таких грехов, как алчность, гнев, гордыня, похоть, зависть, уныние, чревоугодие, тем ниже уровень счастья.

2. Существует положительная связь счастья с соблюдением добродетелей, таких как мудрость и знания, смелость, человечность, справедливость, умеренность, трансцендентность.

3. Существуют различия в уровне добродетельности и соблюдении норм-запретов у людей 18–36 лет и 37–60 лет.

Последняя гипотеза была выдвинута исходя из следующих рассуждений. Нравственные нормы представляют собой свод правил, принятых в обществе в конкретный период времени. Общество оценивает нравственность или безнравственность поведения и транслирует эти правила через различные институты: семью, образовательные учреждения, религиозные учреждения. Так, одной из функций образовательных учреждений в советский период была воспитательная функция, которая реализовалась, в частности, через моральный кодекс, нравственные законы, правила октябрятской, пионерской и комсомольской организаций. С 1990 г. эти организации прекратили свое существование, а воспитание было исключено из функций образовательных учреждений. В нашем исследовании мы решили сравнить показатели двух возрастных групп: людей в возрасте от 37 до 60 лет, которые были членами каких-либо из этих детских организаций, и людей от 18 до 36 лет, которые получали среднее образование без участия в этих организациях.

Исследование проводилось с июня по октябрь 2020 г. В нем приняли участие 114 человек. Данные с описанием выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1

Описание выборки

Параметры выборки	Количество респондентов, абс / %
Вся выборка	114 / 100
Женщины	88 / 77,2
Мужчины	26 / 22,8
Возраст 18 – 36 лет	74 / 64,9
Возраст 37 – 60 лет	40 / 35,1

Для выявления индивидуальных показателей уровня счастья, добродетелей и грехов были использованы следующие методики:

1. «Обновленный Оксфордский опросник счастья» (Oxford Happiness Inventory).

2. «Опросник достоинств личности», ОДЛ (Personal Virtues Questionnaire, PVQ).

3. Десятибалльные шкалы самооценки алчности, гнева, гордыни, похоти, зависти, уныния, тревогодия.

Данные были собраны путем онлайн-тестирования (google формы). Каждый респондент получил ссылку на форму с инструкциями и вопросами методик.

При обработке данных использовались следующие методы математической статистики: критерий ϕ Фишера, U -критерий Манна – Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования счастья по «Обновленному Оксфордскому опроснику счастья» представлены в табл. 2.

Таблица 2

Количество респондентов с разными уровнями счастья, %

Параметры выборки	Уровень счастья				
	низкий	пониженный	средний	повышенный	высокий
В целом по выборке	3,5	16,7	48,3	28,9	2,6
Женщины	3,4	13,6	48,9	31,8	2,3
Мужчины	3,8	26,9	46,3	19,2	3,8
18–36 лет	5,4	18,9	45,9	30	0
37–60 лет	0	12,5	52,5	27,5	7,5

Исследование счастья показало наличие всех уровней счастья в изучаемой выборке. Большинство опрошенных оценили свой уровень счастья как «средний», т. е. они не считают себя счастливыми, но и несчастливыми тоже не могут себя назвать. Всего 4 респондента считают себя абсолютно несчастливыми, и только 3 респондента — абсолютно счастливыми. Субъективное ощущение счастья складывается из сочетания множества факторов, но профили счастливых людей весьма схоже описываются специалистами. Низкий уровень счастья у человека всегда обусловлен субъективными жизненными обстоятельствами, которые плохо обобщаются в общий профиль. Сравнительный анализ не выявил достоверных различий в средних значениях показателей счастья у мужчин и женщин ($U_{\text{эмп}} = 958,5; p = 0,21$). Интересно, что все респонденты с «низким» показателем счастья оказались из первой возрастной группы (18–36 лет), в то время как респонденты с «высоким» уровнем счастья принадлежат ко второй возрастной группе (37–60 лет). Можно предположить, что уровень счастья может зависеть в том числе и от нравственного воспитания, которое способствовало становлению внутренней этики респондентов.

Результаты исследования самооценки соблюдения нравственных норм-запретов («смертные грехи»: зависть, гордыня, гнев, уныние, похоть, алчность, чревоугодие) представлены в табл. 3.

Респонденты исследуемой выборки считают, что они наиболее подвержены грехам алчности, зависти и похоти. Остальные грехи расположились в следующем порядке по убыванию средних показателей: уныние, гордыня, гнев, чревоугодие. Сравнительный анализ показал, что среди женщин достоверно больше респондентов с высокими показателями зависти ($\varphi_{\text{эмп}}^* = 2,585$) и среднее значение показателя зависти выше, чем у мужчин ($U_{\text{эмп}} = 851; p = 0,048$). Аналогичные данные о том, что в массовом сознании существует устойчивый стереотип о большей склонности к зависти женщин, нежели мужчин, получены в исследовании

Т. В. Бесковой [Бескова]. Остальным грехам мужчины и женщины подвержены в равной степени.

Таблица 3

**Количество респондентов
с разными уровнями показателей «смертных грехов», %**

«Смертные грехи»	Уровень		
	низкий	средний	высокий
Зависть	17,5	35,1	47,4
Алчность	12,3	38,6	49,1
Чревоугодие	37,7	39,5	22,8
Похоть	17,7	37,2	45,1
Гнев	8,4	61,4	20,2
Уныние	19,3	43,9	36,8
Гордыня	18,4	50,9	30,7

Сравнительный анализ показателей грехов у разных возрастных групп также не выявил различий между ними по большинству параметров, исключение составляет грех чревоугодия. Среди респондентов в возрасте 18–36 лет достоверно меньше людей с высокими показателями чревоугодия ($\varphi^*_{эмп} = 2,232$). Сравнительный анализ по U -критерию Манна – Уитни выявил более низкие значения показателей чревоугодия у более молодых людей ($U_{эмп} = 1124,5; p = 0,035$). Возможно, одной из причин этого является их повышенное внимание к своему внешнему виду и мнению окружающих. Сегодня социум диктует стандарты красоты, в которых красивыми считаются худые, атлетически сложенные люди, занимающиеся спортом и ведущие здоровый образ жизни. Современные тенденции, такие как бодипозитив, мода на принятие себя, свобода самовыражения и идея уникальности каждого человека, постепенно помогают отойти от этих жестких стереотипов, но большинство молодых людей все еще стремятся к идеальному телу.

Результаты исследования добродетелей по «Опроснику достоинств личности» (ОДЛ) представлены в табл. 4.

Все респонденты оценили уровень своих добродетелей и достоинств как средний или высокий, низких показателей зафиксировано не было. Поскольку предложенные М. Селигманом [Селигман] добродетели и достоинства личности являются общепризнанными положительными качествами практически в любой мировой культуре, то их отсутствие у конкретного человека воспринимается социумом как очень серьезный недостаток. Таким образом, мы предполагаем, что отсутствие низких показателей развития добродетелей в представленной выборке продиктовано в большей степени самооценкой индивидов и социальными установками.

Таблица 4

Количество респондентов с разными уровнями добродетелей и достоинств, %

Добродетели и достоинства	Уровень	
	средний	высокий
Добродетель мудрости и знания	72	28
Любознательность	61,4	38,6
Непредубежденность	50	50
Любовь к учению	50	50
Прогностичность (мудрость)	68,4	31,6
Креативность	72,8	27,2
Добродетель смелости	53,5	46,5
Храбрость	54,4	45,6
Постоянство	63,2	36,8
Целостность	38,6	61,4
Жизнерадостность	38,6	61,4
Добродетель человечности	43	57
Любовь	29,8	70,2
Доброта	51,8	48,2
Социальный интеллект	41,2	58,8
Добродетель справедливости	48,2	51,8
Гражданственность	50	50
Справедливость	26,3	73,7
Лидерство	49,1	50,9
Добродетель умеренности	72,8	27,2
Милосердие	36,8	63,2
Смирение	77,2	22,8
Благоразумие	67,5	32,5
Саморегуляция	67,5	32,5
Добродетель трансцендентности	38,6	61,4
Понимание красоты	40,4	59,6
Благодарность	20,2	79,8
Надежда	30,7	69,3
Юмор	47,4	52,6
Духовность	57,9	42,1

Больше половины респондентов высоко оценили в себе такие добродетели, как «Трансцендентность», «Человечность» и «Справедливость», которые связаны общей направленностью на взаимодействие с другими людьми, т. е. все эти добродетели и входящие в них достоинства характера, такие как «Благодарность», «Юмор», «Любовь», «Социальный интеллект», «Гражданственность» и пр., обращены на улучшение взаимодействия индивида с социумом. А добродетели, направленные на саморазвитие личности, такие как «Умеренность», «Мудрость и знания», и входящие в их состав достоинства личности «Любовь к учению», «Прогностичность», «Смирение», «Саморегуляция» и т. п. характерны для наименьшего количества испытуемых.

Сравнительный анализ средних показателей по подвыборкам выявил более высокую самооценку женщинами таких достоинств, как «Жизнерадостность» ($U_{эмп} = 852; p = 0,049$), «Гражданственность» ($U_{эмп} = 815,5; p = 0,026$), «Понимание красоты» ($U_{эмп} = 721,5; p = 0,004$). У мужчин достоверно выше самооценка достоинства «Саморегуляция» ($U_{эмп} = 807,5; p = 0,023$). Респонденты 18–36 лет выше оценили в себе достоинство «Храбрость» ($U_{эмп} = 1117,5; p = 0,031$), а респонденты 37–60 лет — «Любовь к учению» ($U_{эмп} = 1061; p = 0,012$) и «Благодарность» ($U_{эмп} = 1092; p = 0,020$). На наш взгляд, для развития этих достоинств необходим жизненный опыт. «Благодарность» возникает от удовлетворенности прошлым. Необходим некий запас приятных событий в жизни, который можно понять и оценить со временем. То же касается достоинства «Любовь к учению». Приобретение новых знаний и опыта — действие, растянутое во времени. Процесс образования мы начинаем в юном возрасте и зачастую ради аттестата или ради родителей. Любовь к приобретению знаний появляется с опытом и практическим применением полученных навыков. Что же касается достоинства «храбрость», то здесь жизненный опыт и возраст скорее мешают. Более молодым свойственно стремление доводить начатое дело до конца, невзирая на внешние угрозы, вызовы, трудности, вероятность осуждения в глазах близкого окружения.

Результаты исследования связи счастья с добродетелями и достоинствами с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена по выборке в целом представлены в табл. 5.

Корреляционный анализ выявил достоверно значимую связь между показателями счастья и всеми шестью добродетелями. Таким образом, подтверждается предположение о том, что чем выше уровень развития достоинств и добродетелей у человека, тем он счастливее. Однако нет связи с уровнем счастья у таких достоинств характера, как смирение (скромность) и понимание красоты. Эти результаты совпадают с результатами проведенных ранее исследований С. А. Водяхи, согласно которым достоинства «Благоразумие», «Смирение», «Духовность», «Мудрость», «Понимание красоты и совершенства», «Саморегуляция» и «Храбрость» меньше остальных связаны со счастьем [Водяха]. Добродетель умеренности включает в себя три достоинства из вышеперечисленных и, как следствие, имеет самое низкое значение корреляции со счастьем среди всех добродетелей.

Таблица 5

Значения коэффициентов корреляции счастья с добродетелями и достоинствами по выборке в целом (r -критерий Спирмена)

Добродетели и достоинства	r_s	Добродетели и достоинства	r_s
Добродетель мудрости и знания	0,497*	Добродетель справедливости	0,462*
Креативность	0,347*	Гражданственность	0,389*
Любознательность	0,509*	Справедливость	0,349*
Непредубежденность	0,374*	Лидерство	0,436*
Любовь к учению	0,436*	Добродетель умеренности	0,355*
Прогностичность (мудрость)	0,410*	Милосердие	0,281*
Добродетель смелости	0,527*	Смирение/скромность	0,174
Храбрость	0,334*	Благоразумие	0,201*
Постоянство	0,493*	Саморегуляция	0,359*
Целостность	0,412*	Добродетель трансцендентности	0,503*
Жизнерадостность	0,493*	Понимание красоты	0,134
Добродетель человечности	0,482*	Благодарность	0,532*
Любовь	0,516*	Надежда	0,572*
Доброта	0,323*	Юмор	0,249*
Социальный интеллект	0,340*	Духовность	0,326*

Примечание. Здесь и в табл. 6 «*» — значимые корреляции.

Результаты исследования связи счастья с грехами с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена по выборке в целом представлены в табл. 6.

Таблица 6

Значения коэффициентов корреляции счастья с грехами по выборке в целом (r -критерий Спирмена)

Грехи	r_s	Грехи	r_s
Зависть	-0,385*	Похоть	-0,199*
Гордыня	0,229*	Алчность	-0,186*
Гнев	-0,288*	Чревоугодие	-0,075
Уныние	-0,442*		

Предположение об отрицательной связи счастья с нравственными нормами-запретами подтвердилось частично. Действительно, чем ниже уровень зависти, алчности, похоти, уныния, гнева у респондентов, тем более счастливыми они себя чувствуют. При этом счастье не связано с таким грехом, как чревоугодие. Возможно, сегодня люди иначе понимают смысл чревоугодия и не идентифицируют его с грехом. Единственная положительная связь счастья выявлена с таким грехом, как гордыня. Получается, что чем более человек тщеславен, считает себя лучше других, тем выше он оценивает свои положительные характеристики, в том числе и счастье. Возможно, играет роль и современное толкование смысла слова «гордыня», которое многие понимают как гордость.

Исследование связи норм-запретов и добродетелей (достоинств) показало отрицательную связь между всеми добродетелями и такими грехами, как зависть, гнев, уныние, похоть, алчность, чревоугодие. Отдельно стоит отметить, что единственный грех, который положительно коррелирует со всеми добродетелями и достоинствами, — это гордыня. Получается, что чем выше мнение о себе у человека, тем выше он оценивает свои добродетели и достоинства. При этом каждый человек, зная, что такое «хорошо» и что такое «плохо», не всегда поступает в соответствии с этими знаниями. Это служит причиной его психологических проблем, внешних и внутренних конфликтов, что неизбежно влияет на его удовлетворенность жизнью и ощущение счастья.

Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2003. 270 с.

Бескова Т. В. Соотношение психологического благополучия с нравственностью и религиозностью личности // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та : [электрон. журн.]. 2015. № 4.

Бочарова Е. Е. Нравственные ориентации и субъективное благополучие молодежи разных этногрупп // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5, № 2. С. 143–151.

Водяха С. А. Взаимосвязь достоинств характера студентов с показателями психологического благополучия // Педагогическое образование в России : [электрон. журн.]. 2014. № 7. С. 96–99.

Нехорошева И. В. Субъективное качество жизни людей с различной нравственной направленностью // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер. : Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т. 18, № 4. С. 25–29.

Пермякова М. Е., Глинских Е. Л., Ершова И. А. Исследование связи счастья и психологического благополучия с соблюдением нравственных норм у студентов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 2 (174). С. 73–81.

Поддьяков А. Н. Позитивная психология и проблема зла // Психол. исслед. 2012. № 2 (22). С. 1.

Селигман М. Новая позитивная психология. М., 2007. 368 с.

Хвостов А. А., Гаджимурадова З. М. Грехи и пороки в моральном сознании российской студенческой молодежи // Развитие личности. 2016. № 1. С. 135–155.

Щербатых Ю. В. Семь смертных грехов, или Психология порока для верующих и неверующих. М., 2010. 480 с.

Bloomfield P. Morality is necessary for happiness // Philosophical Studies. 2015. Vol. 174, iss. 10. P. 2613–2628. <https://doi.org/10.1007/s11098-016-0729-9>

Laham S. The Psychology of the Seven Deadly Sins. N. Y., 2012. 160 p.

Permiakova M. E., Vindeker O. S. The Relationship between Happiness and “Deadly Sins” among Middle-Aged Persons // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2021. Vol. 14, iss. 3. P. 244–260. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0315>

Phillips J., De Freitas J., Mott C. et al. True happiness: The role of morality in the folk concept of happiness // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2017. Vol. 146, iss. 2. P. 165–181. <https://doi.org/10.1037/xge0000252>

Temiz Yu. Can humility make you feel good? The relationship between humility, psychological well-being and subjective well-being // *Bilimname*. 2020. Vol. 41. P. 231–275. <https://doi.org/10.28949/bilimname.669117>

Waytz A., & Hofmann W. Nudging the better angels of our nature: A field experiment on morality and well-being // *Emotion*. 2020. Vol. 20, iss. 5. P. 904–909. <https://doi.org/10.1037/emo0000588>

Yao P. Thinking on Morality and Happiness // *Proceedings of the 2015 International Conference on Social Science, Education Management, and Sports Education*. Ser. : *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2015, November. <https://doi.org/10.2991/ssense-15.2015.171>

Статья поступила в редакцию 05.09.2022 г.

Научная статья

УДК 159.92:376 + 37.036 + 37.025 + 371.214.41

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.076

РАЗВИТИЕ СПОСОБНОСТЕЙ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Людмила Валерьевна Токарская¹

Светлана Сергеевна Татаурова²

^{1,2} Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

¹liydmil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2385-9227>

²svetlana_tataurova@1yahoo.com

А н н о т а ц и я. В статье представлены результаты работы по обучению иностранному (английскому) языку детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). На первом этапе проводилось исследование представлений родителей и специалистов о способностях и интересах детей с РАС. В опросах приняли участие 16 родителей, воспитывающих детей с РАС, и 10 специалистов, работающих с данной категорией детей. Родителями и специалистами, помимо прочего, отмечены лингвистические способности у детей с РАС. На втором и третьем этапах была организована индивидуальная работа с младшими школьниками с РАС по диагностике их уровня знания английского языка и обучению. Перспективой дальнейших исследований в данном направлении может стать включение детей с РАС в инклюзивную группу для обучения языку.

К л ю ч е в ы е с л о в а: способности; интересы; расстройства аутистического спектра; английский как второй язык; развитие лингвистических способностей

THE DEVELOPMENT OF LANGUAGE-LEARNING ABILITY IN CHILDREN ON THE AUTISM SPECTRUM DISORDER

Liydmila V. Tokarskaya¹

Svetlana S. Tataurova²

^{1,2} Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

¹liydmil@mail.ru

²svetlana_tataurova@1yahoo.com

A b s t r a c t. The article presents the results of teaching English to children on the autism spectrum disorder (ASD). The initial stage comprised a survey on the assumptions

of parents and professionals concerning the abilities and interests of children with ASD. The survey was completed by 16 parents bringing up such children and 10 professionals working in this area. Both parents and teachers noted that among other things children with ASD demonstrated good language learning abilities. The second and third stages of the study involved individual work with primary school students, which consisted in diagnostic testing of their English skills and offering subsequent English classes. One of the prospects for further research is to train children with ASD for inclusion in language learning.

Key words: ability; interests; autism spectrum disorder; English as second language; linguistic ability development

Расстройства аутистического спектра (РАС) представляют собой сложную и многообразную по своим проявлениям группу нарушений развития, которые затрагивают такие сферы жизни, как социальное взаимодействие, взаимная коммуникация и др. В настоящее время наблюдается достаточно высокая распространенность расстройств аутистического спектра, которые встречаются у 1 из 68 детей [Kim, Leventhal, Koh], при этом отсутствуют точные данные об их этиологии и недостаточно разработаны методы терапии и коррекции [Забозлаева, Телешева, Малинина].

Специалисты отмечают особенности, характерные для детей с РАС [Аппе; Баенская; Башина; Расстройства аутистического спектра у детей...; Ремшмидт].

Настойчивое стремление к однообразию. Даже при незначительном изменении ситуации дети с РАС испытывают смятение, могут терять душевное равновесие, замыкаться в себе, кричать и даже становиться агрессивными. Они крайне чувствительны к стрессорам окружающей среды и иногда формируют очень жесткие ритуалы, отличаются повышенной тревожностью и страдают от навязчивого беспокойства, если не знают, чего им ожидать.

Нарушения социального взаимодействия, проявляющиеся в неспособности понимать правила такого взаимодействия, тонкости и нюансы человеческих отношений, чувств, душевной жизни, как своей собственной, так и другого человека, юмора, иронии, метафор, абстрактных понятий. Дети с РАС отличаются наивностью, эгоцентризмом, могут избегать любого физического контакта, говорить не с людьми, а около них. Им трудно использовать глазной контакт и язык тела; они неверно интерпретируют социальные знаки и оценивают «социальную дистанцию». Однако, несмотря на это, дети с РАС испытывают желание стать частью социального мира.

Ограниченный круг интересов с интенсивной фиксацией на них (например, мыло, YouTube или стиральные машины). Дети с РАС могут долго говорить по теме своего интереса, постоянно задавать вопросы. Им легче поддерживать контакт с человеком, говоря с ним на свои излюбленные темы, чем слушать других людей, обсуждать с ними иные вопросы. Им трудно освободиться от той или иной идеи.

Проблемы с концентрацией внимания и освоением большого по объему материала. Дети с РАС очень часто отвлекаются от задания, например, на внутренние

стимулы; они могут быть дезорганизованы, им сложно сосредоточиться на занятиях в классе. В ряде случаев проблема связана не столько с их вниманием, сколько со «странным» предметом их внимания. Им бывает трудно выявить главное, поэтому они часто сосредотачиваются на незначимых стимулах. Кроме того, дети с РАС склонны погружаться в свой внутренний мир настолько глубоко, что им становится тяжело учиться в условиях группы.

Нарушения мелкой и общей моторики. Дети с РАС зачастую отличаются физической неуклюжестью и неловкостью, могут иметь серьезные трудности при письме, рисовании и лепке.

Эмоциональная уязвимость, из-за чего дети с РАС часто переживают стресс. Их самооценка занижена, и часто они крайне самокритичны, плохо переносят любые собственные ошибки. У таких детей нередко бывают приступы агрессии и истерики в ответ на стресс и фрустрацию. Общение с другими людьми и выполнение самых обычных требований повседневной жизни требует от этих детей серьезных усилий сродни подвигу.

Нарушения речи чрезвычайно многообразны по характеру и динамике, например: мутизм; эхолалии; штампованные слова и фразы; фонографичность («попугайность») речи, что при хорошей памяти может создать иллюзию ее развитости; отсутствие обращения в речи, несостоятельность в диалоге (хотя монологическая речь иногда развита хорошо); автономность речи; позднее появление в речи личных местоимений (особенно «я») и их неправильное употребление (о себе — «он» или «ты», а о других иногда «я»); нарушение семантики (метафорическое замещение, расширение или чрезмерное — до буквальности — сужение толкований значений слов), неологизмы; нарушения грамматического строя речи, звукопроизношения, просодических компонентов.

Таким образом, особенности лиц с РАС рассматриваются в основном с точки зрения дефицитов, в то время как дети могут демонстрировать определенные способности и интересы.

В некоторых случаях авторами исследуются проявления билингвизма у лиц с РАС [Gonzalez-Barrero, Nadig, 2018, 2019; Valicenti-McDermott, Tarshis, Schouls et al.]. Однако, на наш взгляд, не во всех случаях при РАС можно говорить именно о билингвизме, который трактуется как одинаково свободное владение двумя языками [Розенталь, Теленкова]. Учитывая речевые особенности детей с РАС, зачастую трудно говорить о высоком уровне владения и одним-единственным языком. Описанные в данной статье кейсы также скорее указывают на проявление интереса к английскому языку и лучшее его понимание, а не на свободное владение им. Все это подтверждает, по всей видимости, наличие у детей с РАС так называемых «савантических навыков» [Heavey; Frith, 1989a, b; Pring, Tadic; Ryder; Scheuffgen et al; Teaching University Students...; Treffert], которые проявляются в виде выдающихся способностей в одной или нескольких областях знаний, контрастирующих с «общей ограниченностью личности». Такие парциальные способности, или савантические навыки, дети могут демонстрировать в математике, музыке, рисовании, визуально-пространственных тестах и др. Лингвистические

способности у детей с РАС не называются в числе наиболее часто встречающихся, однако родителями и специалистами отмечается, например, что некоторым детям английский язык дается легче, чем русский, или он вызывает больший интерес и внимание у ребенка, при этом не становясь языком, на котором ребенок смог бы свободно говорить.

Лингвистические способности могут встречаться у детей с высокофункциональным аутизмом, поскольку изначально у них не наблюдается задержки речевого развития, и они достаточно рано начинают читать.

Интересным представляется рассмотрение лингвистических способностей с позиции языковой социализации, что позволяет изучать социальные аспекты развития языковых навыков, учитывая трудности, которые испытывают такие дети.

Необходимо знать, что у детей с РАС чаще всего встречаются трудности с прагматическим аспектом языка [Behrens, Parker]. Так, дети в норме гибко переходят от роли инициатора разговора к роли отвечающего на вопрос, что создает естественный коммуникативный акт. Дети с РАС могут испытывать проблемы со следующими аспектами коммуникативного контекста:

- по очереди вступать в беседу и менять темы;
- выбирать наиболее подходящий вариант стиля речи для формулировки своих намерений;
- видоизменять коммуникативный стиль в зависимости от собеседника;
- правильно оценивать степень осведомленности собеседника и выбирать интересную для него тему.

Несмотря на эти трудности, при рассмотрении лингвистических компетенций в двух аспектах общения — социальном и межличностном исследователи [Ochs et al.] выявили, что дети с высокофункциональным аутизмом лучше справляются с социальным аспектом (например, понимают ролевые различия между людьми), но испытывают почти непреодолимые психологические трудности в межличностном (ребенку с РАС трудно понять чувства другого человека). Мы предположили, что изучение иностранного языка может способствовать приобретению детьми с РАС навыков выражения своих переживаний и тем самым позволит сделать общение более разнообразным и содержательным, возможно, даже выступать его инициатором. Кроме того, расширяется спектр социальных правил и норм, понятных ребенку. Таким образом, обучение иностранному языку помогает выстроить взаимосвязи между социальным и межличностным аспектами общения.

Экспериментальное исследование проходило в три этапа.

Цель работы на первом этапе: исследование представлений родителей и специалистов о способностях и интересах детей с РАС. Для проведения исследования была разработана *анкета для родителей*, включающая 13 вопросов, и *опросник для специалистов* с вопросами о том, отмечали ли они наличие способностей (даже крайне узких) у детей с РАС [Токарская, Трубицына].

В исследовании приняли участие 16 родителей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, и 10 специалистов, работающих с данной

категорией детей. Опыт работы специалистов с детьми с РАС составил от 5 до 15 лет, среди них были педагоги-психологи, учителя, учителя-логопеды, работающие как в государственных образовательных организациях, так и индивидуально. Кроме того, каждый из них имел опыт работы с большим количеством детей с РАС — от 20 до 100, среди которых были и дети с высокофункциональным аутизмом (синдром Аспергера), и те, у кого диагностирована умственная отсталость различной степени тяжести.

Возраст детей с РАС, чьи родители заполнили анкету, составил от 3 до 15 лет.

Результаты исследования

Родителям и специалистам предлагалось выбрать область, в которой проявляются способности ребенка.

Специалисты указывали в основном на те же способности детей, что и родители. Частота указаний отличалась. Так, педагоги чаще родителей отмечали наличие математических способностей, они указывали и на наличие лингвистических способностей детей, тогда как родители отмечали лишь «декламацию стихов и умение выстраивать ряды из полных и уменьшительно-ласкательных имен». Специалисты фиксировали наличие парциальных способностей у детей с РАС в тех областях, которые не упоминались родителями, определяя их как «языковое чутье и интересный способ выражения мыслей», «хорошая механическая память, чаще на зрительные образы», «умение работать на компьютере» и др. Лингвистические способности заняли седьмое место среди других указанных способностей.

Эксперты отмечали также, что ребенок, как правило, демонстрирует способности только в тех областях, которые ему интересны.

Отдельно нами уточнялись интересы и объекты интересов детей с РАС. По мнению родителей, они лежат в таких областях, как музыка, живопись и рисунок, лепка; математика, филология (в том числе иностранные языки) и др.

Родители отмечали, что качественное развитие способностей их детей возможно лишь при наличии индивидуального подхода и сопровождения ребенка специалистом по прикладному анализу поведения и тьютором.

На втором и третьем этапах исследования работа с детьми проводилась индивидуально.

Цель работы на втором этапе: выявление уровня владения иностранным языком, формирование интереса к его изучению и разработка индивидуальной программы с учетом особенностей ребенка.

На примере двух детей опишем специфику и результаты работы на этих этапах. Оба мальчика — А. (9 лет) и Т. (10 лет) — учатся в начальной школе (2-й и 3-й класс), в системе инклюзивного образования. Расстройства аутистического спектра у них выявлены после четырех лет. В соответствии с заключением психолого-медико-педагогической комиссии мальчикам рекомендовано обучение по варианту 8.1 Федерального государственного образовательного стандарта общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья

[Приказ Мин-ва образования и науки РФ...], что предполагает достижение к окончанию начальной школы результатов, сходных с результатами сверстников, не имеющих ограниченных возможностей здоровья. Оба мальчика более трех лет занимаются индивидуально со специалистом по прикладному анализу поведения. В школе детей сопровождают персональные тьюторы. Ребятам тяжело дается понимание социальных правил и норм: они могут спонтанно начать говорить на уроке; Т. однажды закрыл педагога и одноклассников в кабинете и ушел на следующий урок. Педагоги отмечают наличие у детей трудностей в освоении русского языка и литературы, особенно это проявляется в случае, если необходимо составить пересказ, — дети не могут подобрать слова-синонимы, с трудом передают интонацию и смысл. Кроме того, у них возникают сложности при чтении стихов.

В программу обучения в школе входит изучение иностранного языка, поэтому минимальные знания были у обоих, но у А. отмечался необыкновенно большой словарный запас. Для более точного определения уровня владения языком мальчикам были предложены задания по чтению и аудированию, оценивались также устная речь и письмо. Предлагались следующие задания: выбор слова в контексте из нескольких предложенных и совмещение слова с соответствующей картинкой. Для проверки устной речи задавались простые вопросы (Как тебя зовут? Сколько тебе лет? Какого цвета твоя футболка? и т. д.) и в игровой форме отслеживались способы реагирования на игровую ситуацию (целью игры было найти спрятанный предмет). Кроме того, предлагалось написать несколько простых слов в соответствии с изучаемой программой. Всего каждому из мальчиков было предложено по 10 заданий.

А. очень быстро справился с заданиями, более или менее адекватно ответил на вопросы и включился в игру, реагируя на уточняющие вопросы «Холодно? Тепло? Горячо?». В какой-то момент он ответил: «Все еще холодно» (still cold), а это не является простым словом, характерным для начального уровня знаний. А. справился со всеми десятью заданиями.

Т. записал все предложенные слова, дополнил фразы. Он хорошо реагировал на задания с картинками, знал буквы алфавита и имел некоторый запас простых слов. Он сумел ответить на вопросы о том, как его зовут и сколько ему лет. Тем не менее игровое задание не дало никакого результата, но зато мальчик хорошо отреагировал на предложение спеть вместе песню про радугу (названия цветов он знал). Написать сумел лишь несколько простых слов (apple, star, dad). Т. сумел выполнить полностью и без ошибок только 4 задания.

После работы с детьми было проведено уточнение интересов детей методом опроса родителей (для подбора заданий в интересных детям формах и предъявления в интересных форматах), а также обсуждение с ними подходящих учебных пособий.

Были отобраны учебники для занятий с каждым ребенком: более научно ориентированный Oxford Discover для А. и Family & Friends для Т. Оба учебника — аутентичные издания для создания эффекта погружения в языковую среду.

Цель работы на третьем этапе: в условиях индивидуальной работы обучить младших школьников английскому языку.

Занятия проводились индивидуально с каждым ребенком, с учетом разницы интересов, способов восприятия материала и изначального уровня знаний. Были уточнены интересы детей: А. интересуется компьютерами и программированием, а Т. любит петь, посещает занятия по вокалу и учится играть на фортепиано. У А. явно выражен интерес к изучению иностранного языка, очень хорошая память и скорость запоминания лексических единиц, а также практически безошибочное узнавание и употребление грамматических структур. Нельзя не отметить наличие так называемого «языкового чутья». Занятия с А. проводились с имитацией языковой среды, без помощи родного языка.

У Т. другой способ восприятия иностранного языка — через призму родного, поэтому инструкции, объяснения и общение происходило на русском с обязательным переводом прочитанного или просмотренного материала. Особое внимание уделялось пению для поддержания уровня мотивации.

Стратегия и тактика работы разрабатывалась постепенно, зачастую методом проб и ошибок. Подходы к обучению обсуждались совместно с поведенческим аналитиком, к примеру, полезным оказалось составление четкого плана занятия и применение системы поощрений с учетом интересов детей. В целом можно сказать, что для продуктивной работы нужно соблюдать следующие условия:

- постоянство среды — нежелательно, к примеру, менять место, где сидит ребенок, поскольку это может влиять на качество внимания;

- проработанный план занятия, который может меняться в зависимости от обстоятельств, но обязательно нужно иметь под рукой несколько дополнительных заданий;

- всевозможные визуальные подсказки и пособия, карточки со словами и максимально простые и зрительно подкрепленные грамматические правила;

- возможность посмотреть материал в режиме видео с субтитрами на иностранном языке;

- наличие тактильных предметов для игры и / или возможности дать ребенку что-нибудь в руки (кубик-антистресс, жвачка для рук и т. д.);

- разнообразие дидактических материалов;

- наличие системы поощрений.

Занятия в режиме 1 час в неделю продолжались в течение 1 года. Динамика отслеживалась по тем же заданиям, которые предъявлялись на втором этапе. А. показал обширный словарный запас, почти безошибочно выполнял задания по грамматике, аудированию, с большой скоростью совмещал картинки со словами, творчески выполнял задания открытого плана. Одним из особых успехов можно считать улучшение качества чтения вслух. Ранее, поскольку восприятие языка у него происходит на зрительном уровне, многие слова читались им неверно. У ребенка улучшилось не только качество произношения, но и интонирование — текст звучит менее монотонно. Безусловно, полученные результаты не указывают на значительную динамику, однако дают основания для оценки результатов работы

скорее как успешных, а также для проведения дальнейших исследований. Самое главное отмеченное достижение — это способность продуцировать спонтанную речь на английском языке, в том числе в ситуации, когда ребенок выступает инициатором общения на занятиях.

У Т. также отмечалась положительная динамика в изучении иностранного языка. Он с удовольствием читал небольшие тексты, стал качественнее проговаривать слова песен, а также начал более оживленно и адекватно содержанию реагировать на чтение рассказов и сказок из учебника или на их просмотр в форме видео, к концу учебного года он смог выслушивать целый рассказ, не отрываясь. Также происходило пополнение словарного запаса и запоминание простейших грамматических конструкций. Спонтанная речь тем не менее отсутствовала, но он мог дать ответ на стандартные вопросы «Как дела? Как тебя зовут?» и т. д.

Через полгода после начала занятий было решено включить одного из мальчиков в группу с нейротипичным ребенком. Был подобран ученик второго класса общеобразовательной школы, который по уровню владения английским языком примерно соответствовал показателям, продемонстрированным Т. Интересным наблюдением стало то, как строилось взаимодействие двух мальчиков. Несмотря на неоднократные предупреждения Т. о том, что он будет заниматься с мальчиком, на всех совместных занятиях он не менее 5 раз спрашивал: «Почему я занимаюсь с мальчиком?» Нейротипичный ребенок в первую очередь был удивлен тем, что Т. не выполняет задание, когда, например, надо раскрасить футболку синим цветом, а спрашивает: «Почему надо красить синим?» Нейротипичному ребенку этот вопрос казался странным, поскольку задание было записано в тетради и не предполагало рассуждений. Кроме того, нейротипичный ребенок уточнял, почему Т. помещает карандаши и фломастеры в рот и все время интересуется, «почему он занимается с мальчиком». Тем не менее с появлением второго ребенка на занятиях стало возможным реализовывать больше заданий в диалоговых формах. Эти наблюдения не позволяют пока сделать обобщающих выводов, однако дают возможность предусмотреть направления для проведения разъяснительной работы при знакомстве нейротипичных детей с детьми с РАС.

Таким образом, в рамках индивидуально подобранной программы с учетом возможностей, способностей и интересов ребенка с РАС обучение иностранному языку не только возможно, но и в некоторых случаях служит толчком к развитию способностей ребенка. Кроме того, в рамках языковой социализации ребенка с РАС происходит усвоение им норм и правил, принятых в другой культуре, расширяются его представления о их многообразии в целом, формируются навыки применения определенных правил при выстраивании коммуникации.

Выводы

Исследование позволило взглянуть на детей с расстройствами аутистического спектра с нетрадиционной точки зрения — с позиции имеющих у них способностей и интересов, пусть даже незначительных.

В связи с крайней разнородностью выборки определена необходимость проектирования рамочных программ при обучении детей с РАС английскому языку с предоставлением педагогу возможности уточнения содержания программы, исходя из конкретных интересов и способностей обучающихся. И хотя не все дети с РАС демонстрируют выдающиеся лингвистические способности и результаты в области освоения языка, однако для многих из них английский язык является доступным для изучения. Безусловно, исследование должно быть продолжено, при этом необходимо увеличить выборку детей с РАС и включить их в работу инклюзивных групп.

В целом развитие любых, пусть даже крайне узких, способностей и интересов может представлять собой наиболее эффективный путь обучения данной категории детей. Оно поможет определить профиль подготовки, а в дальнейшем — выбор профессии и возможность трудоустройства, социализации и адаптации к социуму.

Апте Ф. Введение в психологическую теорию аутизма / пер. с англ. Д. В. Ермолаева. М., 2016.
Баенская Е. Р. Помощь в воспитании детей с особым эмоциональным развитием (ранний возраст). 2-е изд. М., 2009.

Башина В. М. Аутизм в детстве. М., 1999.

Забозлаева И. В., Телешева Л. Ф., Малинина Е. В. и др. Нейробиологические (генетические и иммунологические) маркеры расстройств аутистического спектра (обзор литературы) // Урал. мед. журн. 2016. № 8 (141). С. 85–89.

Приказ Министерства образования и науки РФ от 19.12.2014 г. № 1598 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» // Гарант. ру : [инф. портал]. URL: <https://base.garant.ru/70862366> (дата обращения: 10.09.2022).

Расстройства аутистического спектра у детей : науч.-практ. рук. / под. ред. Н. В. Симашковой. М., 2013.

Реммидт Х. Аутизм. Клинические проявления, причины и лечение. М., 2003.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1976.

Токарская Л. В., Трубицына А. Н. Исследование способностей и интересов детей с расстройствами аутистического спектра // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 4 (180). С. 121–129.

Behrens S. J., Parker J. A. Language in the Real World. An introduction to linguistics. L. ; N. Y., 2010. 392 p.

Heavey L. Arithmetical savants // The development of arithmetic concepts and skills: constructing adaptive expertise / eds. A. Dowker, A. J. Baroody. Mahwah, NJ, 2003. P. 409–433.

Frith U. A new look at language and communication in autism // British Journal of Disorders of Communication. 1989a. Vol. 24. P. 123–150.

Frith U. Autism: Explaining the enigma. Oxford, 1989b.

Gonzalez-Barrero A. M., Nadig A. Bilingual children with autism spectrum disorders: The impact of amount of language exposure on vocabulary and morphological skills at school age // Autism Research. 2018. Vol. 11. P. 1667–1678.

Gonzalez-Barrero A. M., Nadig A. Brief report: Vocabulary and Grammatical Skills of Bilingual Children with Autism Spectrum Disorders at School Age // *Journal Autism Development Disorders*. 2019. Vol. 49, № 9. P. 3888–3897.

Kim Y., Leventhal B., Koh Y. Prevalence of autism spectrum disorders in a total population sample // *Am. Journal Psychiatry*. 2011. Vol. 168, iss. 9. P. 904–912.

Ochs E., Kremer-Sadlik T., Sirota K. G., Solomon O. Autism and the social world: An anthropological perspective // *Discourse Studies*. 2004. Vol. 6, № 2. P. 147–183.

Pring L., Tadic V. More than meets the eye: blindness, autism and talent // *Autism and blindness: research and reflections* / ed. by L. Pring. London ; Philadelphia, 2005. P. 66.

Ryder N. The creative and generative capacity of savant artists with autism. Unpublished PhD thesis / University of London. 2003.

Scheuffgen K., Happé F., Anderson M., Frith U. High “intelligence”, low “IQ”? Speed of processing and measured IQ in children with autism // *Development and Psychopatholog.* 2000. № 12. P. 83–90.

Teaching University Students with Autism Spectrum Disorder. A Guide to Developing Academic Capacity and Proficiency / K. McMahon-Coleman and K. Draisma. London ; Philadelphia, 2016. 216 p.

Treffert D. A. The idiot savant: a review of the syndrome // *Am. J. Psychiatry*. 1988. № 145. P. 563–572.

Valicenti-McDermott M., Tarshis N., Schouls M. et al. Language Differences Between Monolingual English and Bilingual English-Spanish Young Children With Autism Spectrum Disorders // *Journal of Child Neurology*. 2012. Vol. 28, № 7. P. 945–948.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022 г.

Научная статья

УДК 37.018.1 + 37.015.324.1 + 316.613 + 159.95 + 616.891.7-053.81

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.077

ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ, ИГРАЮЩИХ В ОНЛАЙН-ИГРЫ

Любовь Викторовна Оконечникова¹

Ирина Евгеньевна Скворцова²

Владимир Вадимович Савельев³

^{1,2,3} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹ dokonechnikov@mail.ru

² irishka.skvorcova77@gmail.com

³ vladimir.savelev@urfu.ru

А н н о т а ц и я. Статья посвящена исследованию реальной и виртуальной идентичности старших подростков, играющих в онлайн-игры. С помощью авторской анкеты выявлены игровые предпочтения юношей и девушек. Описаны различия в реальной и виртуальной идентичности подростков старшего школьного возраста, играющих в онлайн-игры (методика Куна — Макпартленда «Кто Я?» и авторский вопросник «Кто Я в игре?», разработанный на основе методики Куна — Макпартленда «Кто Я?»). Выявлены и описаны особенности двух типов подростков, играющих в онлайн-игры: идентифицирующих себя с героями онлайн-игр и не идентифицирующих себя с героями онлайн-игр (опросник В. Стефенсона «Q-сортировка», методика «Незаконченные предложения» А. Е. Жичкиной и Е. А. Щепиловой).

К л ю ч е в ы е с л о в а: идентификация; виртуальная идентичность; Я-реальное; Я-идеальное; онлайн-игры; старший подростковый возраст

THE STUDY OF IDENTITY OF OLDER TEENAGERS PLAYING ONLINE GAMES

Lyubov V. Okonechnikova¹

Irina E. Skvortsova²

Vladimir V. Saveliev³

^{1,2,3} *Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

¹ *dokonechnikov@mail.ru*

² *irishka.skvorcova77@gmail.com*

³ *vladimir.savelev@urfu.ru*

A b s t r a c t. This article is devoted to the study of the real and virtual identity of older teenagers playing online games. With the help of the author's questionnaire, the gaming preferences of boys and girls were revealed. The differences in the real and virtual identity of boys and girls playing online games are described (M. Kuhn – T. McPartland methodology “Who am I?” and “Who am I in the game?”). The features of two types of teenagers playing online games are identified and described: those who identify themselves with the heroes of online games and those who do not identify themselves with the heroes of online games (V. Stephenson's Q-sorting questionnaire, the “Unfinished Sentences” technique adapted by A. E. Zhichkina and E. A. Shchepilina).

К e y w o r d s: identification; virtual identity; I am real; I am ideal; online games; older adolescence

Внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни открывает новые возможности для удовлетворения разнообразных потребностей людей с учетом их возраста и интересов. Это в полной мере относится к игровой онлайн-деятельности, у которой немало поклонников среди представителей разных возрастных групп. Потребителям предлагается огромное количество игр с множеством сюжетов на любой выбор. Подростков игра привлекает тем, что дает возможность моментально оказываться в разных реалиях в одно и то же время, создавать и примерять на себя те или иные роли в виртуальной среде. Для них это очень важно, так как данный возраст — ключевой в формировании идентичности, он характеризуется необходимостью выбора и четкого определения своего Я в противоположность неопределенности и спутанности представлений о себе [Молчанов].

Согласно исследованиям, среди разных видов деятельности, реализуемых подростками с помощью цифровых технологий, наблюдается преобладание игровой онлайн-деятельности. По мнению ряда психологов, онлайн-игра имеет особое значение в процессе социального становления подростка и оказывает влияние на преодоление характерного для этого возраста кризиса идентичности [Евстигнеева; Жичкина, Белинская, 2000].

В то же время небольшой жизненный опыт, недостаток самостоятельности, критичности мышления у юных пользователей делают их особенно восприимчивыми к принятию увиденного на экране монитора. Входя в игровое пространство,

подросток попадает не просто в иную реальность с другими телами, ландшафтами, предметами, он сам становится другим телом, способным по-новому ощутить бытие, обретая иной облик [Агибалова]. Увлеченность и переживания в виртуальной игровой среде могут нести в себе угрозу замещения реального мира экранным. Возникает, с одной стороны, присоединение подростка к виртуальному миру, а с другой — разделение цельной личности, одновременно присутствующей в двух параллелях — в реальной жизни, за компьютерным столом, без достаточной активности и в виртуальном пространстве в активном действии.

Виртуальное Я, представленное образом «Я в игре», и реальное Я, представленное образом «Я в жизни», их соотношение и различия, определяющие идентичность, становятся в настоящее время предметом внимания психологов.

Ф. Г. Емельянов отмечает, что характеристикой виртуальной идентификации как процесса, который формирует наше представление о своей сущности, является легкость видоизменения вплоть до полной замены на нечто противоположное по сравнению с настоящим. Подросток в виртуальном пространстве может позволить себе создать любую идентичность, т. е. определенное состояние, приобретенное в процессе социализации, которая ему понравится и будет соответствовать его идеальному Я [Емельянов].

Ряд авторов утверждает, что использование интернет-технологий в жизни человека существенно трансформирует всю его ментально-психическую структуру: чрезмерная погруженность в компьютерные игры любого типа приводит к деформации его Я, появлению дополнительных форм идентификации. Так, А. М. Демильханова, М. С. Иванов считают, что виртуальные личности возникают как следствие неудовлетворенности своей реальной идентичностью, что приводит к усугублению кризиса идентификации, в результате которого индивид утрачивает некую целостность, внутренний стержень и оказывается сложенным из случайных элементов [Демильханова; Иванов].

По мнению А. Е. Жичкиной, современные цифровые технологии и онлайн-среда предоставляют широкие возможности для проявления личностной индивидуальности и вариативности самопрезентации, в то же время таят опасности смещения идентичности, нивелирования индивидуальности личности и формирования нереалистичного образа Я [Жичкина,].

Американский психолог Sh. Turkle говорит об опасности «размывания» идентичности, когда Я-виртуальное становится либо полной противоположностью Я-реального за счет искажения собственного Я и полного отделения от него, либо сливается с Я-реальным, приводя к неразличению в сознании двух миров [Turkle].

Главным мотивом игровой онлайн-деятельности, по мнению исследователей, является желание примерить иную идентичность, как правило, близкую к идеальному образу себя [Новикова]. Часто пользователь склонен уходить от действительности. Его мироощущение, манера поведения основываются на чем-то придуманном, заменяющим реальную жизнь. В таком случае онлайн-игра имеет немногие положительные моменты для личностной идентификации. Она, скорее,

становится способом выхода из кризисных ситуаций, дает чувство свободы, которой так не хватает подросткам в реальной жизни.

Однако существующие подходы не дают конкретного представления о виртуальной идентичности подростков, играющих в онлайн-игры, о соотношении их Я-реального и Я-виртуального. Мало исследований, посвященных изучению такого аспекта данной проблемы, как гендерные особенности становления идентичности. Этот пробел призвано восполнить проведенное нами исследование.

На первом этапе для выявления характера игровой активности и игровых предпочтений в старшем подростковом возрасте использовалась авторская анкета.

На втором этапе для сравнения реальной и виртуальной идентичности старших подростков применялись методика Куна – Макпартленда «Кто Я?» [Кун, Макпартленд] и разработанный нами на основе данной методики вопросник «Кто Я в игре?».

Для получения дополнительной информации о подростках, идентифицирующих себя с героями онлайн-игр, были использованы тест «Незаконченные предложения» А. Е. Жичкиной и Е. А. Щепиловой [Жичкина, Щепилова] и опросник В. Стефенсона «Q-сортировка» [Стефенсон]. Обработка полученных данных проводилась с использованием критерия χ^2 Пирсона.

В исследовании приняли участие 63 подростка, из них 29 юношей и 34 девушки в возрасте 15–16 лет.

По результатам авторской анкеты выявлено, что у всех респондентов имеется какой-либо гаджет, 81 % подростков ответили, что играют в онлайн-игры. Именно они отвечали на вопросы, связанные с онлайн-играми. Игровые предпочтения испытуемых представлены в табл. 1.

Таблица 1

Типы игр, предпочитаемые юношами и девушками, %

Тип игры	Юноши	Девушки
Ролевые	53,6	43,5
Гонки	46,4	17,4
Стрелялки	82,1	17,4
Бегалки	7,1	56,5
Обучающие	3,6	21,7
Стратегии	53,6	26,1
Поиск предметов	7,1	26,1
Игры для девочек	0	17,4

Как видно из табл. 1, юноши наибольшее предпочтение отдают играм типа «стрелялки». Несколько уступают им по популярности «ролевые» игры и «стратегии», которые также указывались большинством юношей.

Большинство девушек предпочитают игры типа «бегалки». Обращает на себя внимание тот факт, что у девушек более равномерно распределились интересы относительно игр разных типов, чем у юношей. Единственный тип игры, у которого много приверженцев как среди юношей, так и среди девушек, это «ролевые».

Применение критерия χ^2 Пирсона позволило выявить значимые различия между юношами и девушками на уровне χ^2 при $p = 0,01$: действительно, юноши предпочитают игры типа «стрелялки», а девушки — игры типа «бегалки».

Распределение результатов ответов на вопрос, как подростки относятся к очередной тяжело доставшейся победе в игре, показано в табл. 2.

Таблица 2

Результаты ответов на вопрос, как юноши и девушки относятся к очередной тяжело доставшейся победе в игре, %

Вариант ответа	Юноши	Девушки
Чувствуете себя в состоянии эйфории и высокого эмоционального подъема	21,40	8,70
Иногда я эмоционально радуюсь вслух и делюсь своей победой с друзьями	10,70	39,10
Улыбаюсь и радуюсь внутри себя	57,10	30,40
Равнодушно отношусь, ведь это всего лишь игра	14,30	21,70

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что девушки склонны после очередной тяжело доставшейся победы в игре радоваться вслух и делиться эмоциями с друзьями, в отличие от юношей, которые в основном переживают радость от победы внутри себя (различие является значимым χ^2 при $p = 0,05$).

Отвечая на вопрос, ассоциируют ли себя подростки с персонажем в процессе игры, утверждение «да, я всегда себя ассоциирую с ним» выбрали 42,8 % юношей и 26,1 % девушек. Остальные 57,2 % юношей и 73,9 % девушек выбрали ответ «никогда, даже когда играю, я остаюсь самим собой». Таким образом, у большинства подростков реальная идентичность сохраняется и в процессе игровой онлайн-деятельности.

Для исследования идентичности подростков были использованы методика Куна — Макпартленда «Кто Я?» и авторский вопросник «Кто Я в игре?». На вопросы ответили 50 подростков из 63. Отказ остальных участников, с нашей точки зрения, можно объяснить становлением идентичности в подростковом возрасте, в результате чего возникают трудности в определении своего Я.

Для обработки полученных данных использовались метод ранжирования и критерий χ^2 Пирсона. Сравнительный анализ реальной («Кто Я?») и виртуальной («Кто Я в игре?») идентичностей у юношей и девушек представлен в табл. 3.

Таблица 3

**Результаты применения методики Куна – Макпартленда «Кто Я?» и авторского
вопросника «Кто Я в игре?» у юношей и девушек**

Ранг	Кто Я?		Кто Я в игре?	
	юноши	девушки	юноши	девушки
1	Я – человек	Я – человек	Я – игрок	Черты характера героя
2	Личностные качества	Имя собственное	Я – главный герой	Я – персонаж
3	Я – спортсмен	Я – подруга	Я – лидер	Я – игрок
4	Я – сын/брат	Я – подросток	Я – боец, воин	Я – принцесса
6	Имя собственное	Личностные качества	Черты героя	Я – человек

Как видно из табл. 3, по частоте ответов на вопрос «Кто Я?» у юношей и девушек на первом месте стоит «я – человек», что соответствует их реальной идентичности, которую А. В. Микляева и Т. В. Румянцева определяют в качестве социальной дистантной [Микляева, Румянцева]. Стоит обратить внимание на то, что испытуемые подростки не использовали термины, напрямую указывающие на половую идентичность, что, вероятно, связано с процессом ее становления в период старшего подросткового возраста, однако косвенное обозначение половой принадлежности проявляется через их социальные роли или по окончаниям слов (спортсмен, подруга).

Рефлексивная (персональная) идентичность у юношей проявляется прежде всего через упоминание личностных качеств (второе место по частоте среди компонентов идентичности) и реже через упоминание имени собственного (пятое место). У девушек персональная идентичность, напротив, определяется преимущественно через имя собственное (второе место) и реже через указание личностных качеств (пятое место) (различие является значимым χ^2 при $p = 0,01$).

Третье место у юношей занимает деятельная идентичность (спортсмен), а у девушек – коммуникативная (подруга).

На четвертом месте у юношей оказался социальный компонент идентичности, представленный семейной принадлежностью (сын/брат), у девушек – физический компонент, выраженный возрастной принадлежностью (подросток).

Ответы на вопрос «Кто Я в игре?» у юношей и девушек представлены следующим образом: девушки в первую очередь идентифицируют свое виртуальное Я с чертами характера игрового персонажа, следовательно, у них преобладает виртуальная рефлексивная (персональная) идентичность, а юноши – с ролью игрока, т. е. у них преобладает виртуальная деятельная идентичность (различие является значимым на уровне χ^2 при $p = 0,01$).

По остальным рангам различий не выявлено, однако стоит отметить, что на четвертом месте располагается определение своего Я как персонажа, героя

онлайн-игр (боец, воин, принцесса), что отражает виртуальную половую идентичность старших подростков — участников исследования.

Поскольку у неиграющих подростков отсутствует виртуальная идентичность, то для исследования реальной идентичности играющих и неиграющих подростков использовалась только методика Куна — Макпартленда «Кто Я?» и аналогичный способ обработки. Полученные результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты применения методики Куна — Макпартленда «Кто Я?» у подростков, играющих и не играющих в онлайн-игры

Ранг	Играющие подростки	Неиграющие подростки
1	Я — человек	Я — человек
2	Я — игрок	Я — сын/дочь
3	Я — персонаж	Личностные качества
4	Личностные качества	Я — друг/подруга
5	Я — подросток	Я — девочка/мальчик
6	Я — сын/дочь	Я — гражданин

На первом месте по частоте встречаемых ответов стоит «я — человек» как у играющих, так и у неиграющих подростков, что соответствует их социальной дистантной идентичности. Дальше ответы отличаются: у играющих подростков преобладает виртуальная деятельная идентичность («я — игрок»). У неиграющих респондентов преобладает реальная социальная идентичность, показателем которой является обозначение семейной роли («сын/дочь») (различие является значимым χ^2 при $p = 0,01$). Остальные различия недостоверны.

Рассмотрим подробнее идентичность играющих подростков по результатам методики Куна — Макпартленда «Кто Я?» и авторского вопросника «Кто Я в игре?».

У 34 % играющих подростков между Я-реальным и Я-виртуальным по показателям социальной идентичности (человек, сын/дочь), рефлексивной (персональной) идентичности (добрый и др.), физической идентичности (подросток) различий не выявлено. В данном случае можно говорить о размытости границ между виртуальным и реальным миром и полной идентификации себя с персонажем онлайн-игры. Стоит отметить, что именно эти подростки, отвечая на вопросы анкеты, отметили, что стали играть в онлайн-игры с дошкольного возраста, играют в несколько игр одновременно, каждый день проводят более двух часов за онлайн-игрой, заходя в нее несколько раз в сутки. Они определяли свой уровень игрока как более высокий («специалист», «хороший игрок»); чаще выбирали соответствующее утверждение в анкете, ассоциируя себя с персонажем в процессе игры («да, я всегда себя ассоциирую с ним»); отмечали эмоциональное отношение к результату игры («чувствую себя в состоянии эйфории и высокого

эмоционального подъема», «иногда я эмоционально радуюсь вслух и делюсь своей победой с друзьями»).

У 66 % играющих подростков имеются статистически значимые различия (на уровне χ^2 при $p = 0,01$) между Я-реальным и Я-виртуальным по следующим показателям социальной и рефлексивной (персональной) идентичности:

- реальная социальная дистантная идентичность («я в жизни» — человек) преобладает над виртуальной деятельной идентичностью («я в игре» — игрок);
- реальная социальная ролевая идентичность («я в жизни» — сын/брат/ученик) преобладает над виртуальной социальной ролевой идентичностью («я в игре» — боец/принцесса).

Эти подростки, полностью не идентифицирующие себя с героями онлайн-игр, отвечая на вопросы анкеты, чаще отмечали, что стали играть в онлайн-игры с 8–11 лет, в настоящее время играют в одну игру, тратят на игру не более одного часа в день. Свой уровень игрока они оценивали как менее высокий («начинающий», «любитель»); чаще выбирали утверждение в анкете, не ассоциирующее их с персонажем в процессе игры («никогда не ассоциируюсь, даже когда играю, я остаюсь самим собой»); менее эмоционально относились к очередной тяжело доставшейся победе в игре («равнодушно отношусь, ведь это всего лишь игра»).

Таким образом, можно говорить об отсутствии у юношей и девушек этой подгруппы полной идентификации себя с героями онлайн-игр.

По результатам обработки данных, полученных по опроснику В. Стефенсона «Q-сортировка» и методике «Незаконченные предложения» А. Е. Жичкиной и Е. А. Щепилиной, были выявлены следующие статистически значимые различия между группами подростков, которых мы условно обозначили как полностью идентифицирующих себя с героями онлайн-игр (33 %) и не идентифицирующих себя с героями онлайн-игр (66 %): у подростков, идентифицирующих себя с героями онлайн-игр, более выражены тенденция к зависимости (значимо на уровне χ^2 при $p = 0,01$) и положительное отношение к игре и герою (значимо на уровне χ^2 при $p = 0,01$). Образ Я у этих подростков нереалистичный, не исключена полная подмена Я-реального на Я-виртуальное. Кризис идентичности, таким образом, не преодолевается, становится затяжным и может привести к формированию «негативной идентичности», которая связана с принятием индивидом социально нежелательной роли. Возрастает риск девиантного поведения, в частности, игровой аддикции, для возникновения которой подростковый возраст является сензитивным [Ершова, Чудинов, Пермьякова].

Проведенное исследование позволило определить перспективы дальнейшего изучения подросткового кризиса идентичности в современном цифровом обществе: сопоставление реальной и виртуальной идентичности двух типов подростков, играющих в онлайн-игры, — идентифицирующих себя с героями предпочитаемых онлайн-игр и не идентифицирующих себя с героями онлайн-игр.

Агибалова Н. И. Особенности компьютерной игровой зависимости среди подростков // Молодой ученый. 2014. № 20 (79). С. 547–549. URL: <https://moluch.ru/archive/79/14124/> (дата обращения: 25.05.2022).

Демильханова А. М. Влияние виртуальной реальности на образ Я: на примере ролевых компьютерных игр : дис. ... канд. психол. наук. Бишкек, 2009.

Евстигнеева Ю. М. Психологические особенности обращения к компьютерным играм в подростковом возрасте : дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Емельянов Ф. Г., Шалаев В. П. Игра в пространстве самоидентификации и идентичности человека в обществе постмодерна // Труды БГТУ. Сер. 6. 2015. С. 28–41.

Ершова И. А., Чудинов Т. А., Пермякова М. Е. Личностные особенности подростков с разными стадиями компьютерной зависимости // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 150, № 2. С. 91–98.

Жичкина А. Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в интернете пользователей юношеского возраста : дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.

Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков — пользователей интернета // Образование и информационная культура. Социологические аспекты / под ред. В. С. Собкина. М., 2000.

Иванов М. С. Психология самореализации личности в компьютерной игровой деятельности. Кемерово, 2008.

Куи М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности па себя // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М., 1984. С. 180–188.

Методика «Незаконченные предложения» Щепилиной Е. А., Жичкиной А. Е. URL: <https://cyberpsy.ru/tests/nezakonchennye-predlozheniya-shchepilinoj-zhichkinoj/?ysclid=l60kba023613904325> (дата обращения: 20.06.2022).

Микляева А. В., Румянцева Т. В. Структура социальной идентичности: возрастная динамика // Вестн. ТПГУ 2009. Вып. 5 (83). С. 129–132.

Молчанов С. В. Психология подросткового и юношеского возраста. М., 2019.

Новикова О. Н. Виртуальная игра как средство формирования личностной идентичности детей и подростков // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 146–151.

Стефансон В. Методика «Q-сортировка». Диагностика основных тенденций поведения в реальной группе и представлений о себе // Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2005. С. 465–469.

Turkle Sh. Parallel lives: Working on identity in virtual space. Constructing the self in a mediated world. Inquiries in social construction / Grodin D., Lindlof T. R. (Eds.). Sage Publications, Inc, Thousand Oaks, CA, US, 1996. P. 156–175. URL: <https://sk.sagepub.com/books/constructing-the-self-in-a-mediated-world/n10.xml> (accessed: 20.06.2022).

Статья поступила в реакцию 05.09.2022 г.

Научная статья

УДК 159.9.072.432 + 378.115.15 + 378.1:004.031.4

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.078

ПРОКРАСТИНАЦИЯ У СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ОТДЕЛЬНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ОНЛАЙН-ФОРМАТЕ

Юлия Владимировна Лебедева¹

Алексей Владимирович Мальцев²

Ильгар Вугарович Султанов³

^{1,2,3} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹ *julia.lebedeva@urfu.ru*

² *A.V.Maltsev@urfu.ru,*

<https://orcid.org/0000-0001-8097-7863>

³ *azalkmaar@mail.ru*

А н н о т а ц и я. Прокрастинация является одним из значимых феноменов, снижающих успешность учебной деятельности на всех этапах обучения. Прохождение онлайн-курсов еще больше стимулирует этот феномен в связи с тем, что уменьшается контроль со стороны педагога и появляется большая свобода в планировании учебной нагрузки самим студентом. Целью работы стало исследование психологических особенностей студентов, склонных к прокрастинации. Выборкой выступили 228 студентов УрФУ, изучавших отдельные дисциплины в онлайн-формате. В качестве эмпирических методов были использованы «Шкала академической мотивации» Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осина (ШАМ), «Шкала общей прокрастинации» К. Х. Лэя в адаптации О. С. Виндекер и М. В. Остиной, а также опросник ТИРІ Р. Мак-Кре и П. Коста. Информация об успеваемости была получена из балльно-рейтинговой системы университета. Исследование показало, что уровень прокрастинации у студентов оказался положительно связан с амотивацией и, что интересно, добросовестностью. Студенты с высоким и низким уровнем прокрастинации различаются по уровню амотивации, а также имеют разную архитектуру взаимосвязей между личностными и мотивационными особенностями.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прокрастинация; учебная мотивация; амотивация; добросовестность; студенчество; онлайн-курс

PROCRASTINATION OF STUDENTS WHO STUDY ONLINE COURSES

Julia V. Lebedeva¹
Alexey V. Maltsev²
Ilgar V. Sultanov³

^{1,2,3}Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

¹julia.lebedeva@urfu.ru

²A.V.Maltsev@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-8097-7863>

³azalkmaar@mail.ru

Abstract. Procrastination is one of the significant phenomenon that reduces success of educational activities at all stages of learning. Online learning fosters procrastination due to the fact that the teacher's control of the situation decreases and there is more freedom in planning the academic load by the student himself. The aim of the work was to study the psychological characteristics of the students prone to procrastination. The sample consisted of 228 UrFU students who study online courses. Empirical methods: the "Scale of academic motivation" by Gordeeva, O. A. Sycheva and E. N. Osina (SHAM), "The scale of general procrastination" by K. H. Lay in adaptation by O. S. Vindeker and M. V. Ostanina, as well as the TIPI questionnaire by R. McCrae and P. Costa. Information about academic performance was obtained from the Point-rating system of the university. As a result, the level of procrastination of students was positively associated with amotivation and, interestingly, conscientiousness. Students with high and low levels of procrastination differ in the level of amotivation, and also have a different configuration of relationships between personal and motivational characteristics.

Key words: procrastination; academic motivation; motivation; conscientiousness; students; online course

Введение

Изучение феномена прокрастинации приобрело особую актуальность во второй половине XX в. в связи с увеличением числа людей, склонных откладывать важные дела на потом.

Ситуация усугубляется тем, что современное общество предъявляет все более серьезные требования к самостоятельности и ответственности личности [Карловская, Баранова]. Например, во время пандемии коронавируса многие люди перешли на учебу и работу из дома, что требует более высокого уровня самоорганизации. Если взрослые люди имели ресурсы, позволяющие справиться с этой задачей, то для студентов она оказалась более сложной [Мохова, Неврюев]. Это подтверждают данные о том, что наибольшее число склонных к прокрастинации людей обнаружено именно среди студентов (до 95 %) [Руднова].

Относительно оценки данного феномена до сих пор нет единого мнения. К. Лэй и П. Стил указывают на иррациональный характер прокрастинации и негативные

последствия, которые она несет для личности [Lay; Steel, Klingsieck]. С другой стороны, отмечается «вторичная выгода» этого феномена. Например, Дж. Феррари считает, что человек может получать «острые» ощущения, обусловленные выполнением задания в короткие сроки [Ferrari, Johnson, McCown].

В анализе причин становления прокрастинации в рамках обучения наиболее актуальны идеи поведенческого и когнитивного подходов. Так, поведенческий подход тесно связывает прокрастинацию с отсутствием наказания за нарушения дедлайна, что выступает в качестве подкрепления данного поведения [Руднова]. Эти последствия прокрастинации представляют интерес для создателей онлайн-курсов, которые организуют учебный процесс и могут вводить санкции за невыполнение заданий в срок. В когнитивном подходе в качестве основы прокрастинации рассматриваются иррациональные убеждения («Я не виноват в ошибке, просто сроки сжатые»), заниженная самооценка («Я не стану это делать, так как результат будет плохой и это понизит мою самооценку») и неспособность самостоятельно принимать решения [Чеврениди]. Соответственно, должна проводиться работа со студентами с целью коррекции иррациональных убеждений для уменьшения негативного эффекта прокрастинации.

Прохождение учебных курсов в онлайн-формате стало частью студенческой реальности в последние несколько лет. С одной стороны, деятельность, реализуемая в онлайн-формате, студентам знакома. Они участвуют в смешанном формате обучения (часть дисциплин проводится в онлайн-формате, но большая часть в режиме лицом к лицу). Однако процесс освоения онлайн-курсов имеет свою специфику. Студент сам должен распределять время, когда смотреть видеоуроки, с какой интенсивностью это делать (посмотреть все сразу или смотреть постепенно). Безусловно, у таких курсов есть контрольные точки, которые отслеживаются преподавателем. Но в отсутствии личного общения педагог имеет более ограниченные возможности влияния на интенсификацию учебной деятельности студентов.

Кроме того, сама цифровая среда обладает рядом отвлекающих факторов, которые могут способствовать прокрастинации. Например, киберслакинг — потребление различного контента для реализации задач, не связанных с учебной деятельностью, прежде всего, серфинг социальных сетей [Жаркова].

На примере поведения в социальных сетях исследователи выделяют несколько типов онлайн-прокрастинации:

Avoidance («Уклонение»): человек избегает определенного действия или задачи из-за чувства неудовольствия при мысли о том, что нужно сделать, что, в свою очередь, приводит к задержке начала работы.

Escapism («Бегство»): у человека появляется ощущение, что он должен дистанцироваться от реального мира, «сбежать» от него (например, с помощью социальных сетей). Эскапизм часто заставляет людей искать виртуальную среду.

Emergence («Отвлечение»): этот тип прокрастинации возникает, когда человек с первоначальной задачи отвлекается на другую в этой же цифровой среде. Учитывая непрерывный характер социальных сетей как средств коммуникации, отвлечение представляет собой постоянную угрозу.

Mood modification («Изменение настроения»): такой тип прокрастинации возникает, когда человек использует социальные сети для изменения своего настроения, а не для выполнения конкретных задач [Alblwi et al.].

Получается, что в цифровой среде учеба, получение информации и развлечение находятся в одной локации и границы между ними начинают размываться. Конечно, студент может и прийти в аудиторию с телефоном, и общаться с соцсетях и мессенджерах прямо на лекции. Однако очная лекция все-таки отличается от цифрового контента по форме подачи, тогда как онлайн-лекция так похожа по форме на ролики на ютубе! Поэтому изучение прокрастинации при прохождении онлайн-курсов имеет свою специфику. Хотя исследования показывают, что успешный студент успешен в любом формате обучения [Клименских и др.], трудности, с которыми студент сталкивается в онлайн- и офлайн-форматах, могут быть различными. И, соответственно, стратегии преодоления прокрастинации также могут отличаться.

Механизм прокрастинации, с одной стороны, зависит от вида деятельности. Например, онлайн-прокрастинация, по мнению С. В. Жарковой, имеет свою специфику [Жаркова], а с другой — связан с личностными особенностями субъекта этой деятельности [Забродина, Мухина].

Таким образом, исследование личностных особенностей склонных к прокрастинации студентов, изучающих онлайн-дисциплины, представляется достаточно актуальным, что и стало целью нашего исследования.

Эмпирическая база и методы

Выборку составили 228 студентов различных департаментов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Из них 160 девушек и 68 юношей. Средний возраст выборки — 19,1 года. Все они часть дисциплин проходили онлайн и показателем их успеваемости выступили оценки, полученные именно по этим дисциплинам. Исследование проходило с использованием гугл-формы.

В процессе исследования применялись следующие методики:

1. «Шкала академической мотивации» Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осина (ШАМ), предназначенная для диагностики внутренней и внешней мотивации учебной деятельности студентов [Гордеева, Сычев, Осин].

2. «Шкала общей прокрастинации» К. Х. Лэя в адаптации О. С. Виндекер с соавторами, примененная для выявления степени выраженности склонности откладывать дела «на потом» [Виндекер, Сморгалова, Лебедев]. Использование методики для анализа общей, а не учебной прокрастинации обусловлено исследованиями Д. Феррари и Л. Джонсон, обнаружившими, что студенты, склонные прокрастинировать во время учебы, прокрастинируют и в целом в процессе своей жизнедеятельности [Ferrari, Johnson, McCown].

3. «Пятифакторная модель личности» Р. Мак-Кре и П. Коста (TIPI), исследующая факторы нейротизма, экстраверсии, открытости опыту, согласия и добро совестности [Сергеева, Кириллов, Джумагулова].

В качестве математических методов были использованы: коэффициент корреляции Спирмена (для исследования взаимосвязей между прокрастинацией и другими личностными особенностями) и U -критерий Манна – Уитни (для сравнения личных особенностей в группах студентов с высоким и низким уровнем прокрастинации). Выбор методов обусловлен тем, что распределение данных по шкалам отличается от нормального.

Результаты и обсуждение

Обратимся к результатам эмпирического исследования. Были получены следующие данные по шкале общей прокрастинации К. Лэя (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение студентов по уровням прокрастинации
($n = 228$)**

Уровень	Число человек, абс / %
Крайне низкий	6 / 2,6
Низкий	62 / 27,2
Средний	151 / 66,2
Высокий	9 / 3,9
Очень высокий	0 / 0

Больше половины студентов имеет средний уровень прокрастинации. Очень высокий уровень не продемонстрировал ни один студент. Таким образом, большинство студентов так или иначе сталкивались с феноменом прокрастинации и испытывают его влияние на собственную жизнь. Данные позволяют нам сформировать две контрастные выборки: студенты с крайне низким уровнем прокрастинации ($n = 6$) и студенты с высоким уровнем ($n = 9$). Обращает на себя внимание малочисленность крайних выборок. Из 228 респондентов только 15 (6,5 %) показали крайние результаты. Остальные имеют низкий или средний уровень прокрастинации. Это ставит вопрос о том, насколько прокрастинация является распространенной проблемой в студенческом возрасте. Хотя, возможно, сами респонденты преуменьшают выраженность этого феномена в своей жизнедеятельности.

Различий между юношами и девушками выявлено не было, хотя результаты юношей отличаются большим разбросом баллов (61 по сравнению с 49 у девушек). Это говорит о том, что у юношей показатели выраженности прокрастинации более разнообразны, тогда как у девушек чаще встречаются средние значения.

Данные об уровне мотивации студентов представлены в табл. 2.

Наиболее выраженными оказались познавательная мотивация, мотивация саморазвития, мотивация достижения и самоуважения. Таким образом, результаты по всем трем шкалам внутренней мотивации превосходят показатели по внешней

мотивации. Это свидетельствует о том, что для большинства студентов мотивацией к обучению прежде всего является желание узнавать что-то новое, достигать поставленных целей, тогда как порицание и давление извне их волнует в меньшей степени. Важно, что по шкале амотивации получены самые низкие баллы, что говорит о достаточной вовлеченности студентов в учебный процесс.

Таблица 2

**Средние значения по шкалам методики
«Шкала академической мотивации» (n = 228)**

Вид мотивации	Шкала	Средние значения
Внутренняя мотивация	Познавательная мотивация	16,5
	Мотивация достижения	14,6
	Мотивация саморазвития	15,6
Внешняя мотивация	Мотивация самоуважения	13,9
	Интроецированная мотивация	11,8
	Экстернальная мотивация	10,3
Амотивация		7,5

Для выявления личностных характеристик респондентов был использован краткий опросник пятифакторной модели личности (табл. 3).

Таблица 3

**Личностные характеристики респондентов на основе опросника
«Пятифакторная модель личности» (n = 228)**

Название шкалы	Результат			
	минимум	максимум	средний балл	стандартное отклонение
Экстраверсия	3	14	8,7	1,94
Согласие	5	14	10,5	1,93
Добросовестность	4	14	8,4	1,57
Эмоциональная стабильность	3	14	8,9	2,02
Открытость опыту	4	14	8,4	1,98

Обращает на себя внимание то, что в выборке наиболее выражена шкала «Согласие» (т. е. склонность к конформизму и дружелюбие), а добросовестность наравне с открытостью опыту имеют минимальные для выборки средние значения.

В табл. 4 представлены связи, обнаруженные в результате корреляционного исследования.

Таблица 4

**Результаты корреляционного анализа шкал общей прокрастинации
со шкалами методик ШАМ и ТІРІ по Спирмену ($n = 228$)**

Методика	Методика ШАМ			Методика ТІРІ
Шкала общей прокрастинации	познавательная мотивация	мотивация саморазвития	амотивация	добросовестность
	$r = -0,183$ при $p = 0,006$	$r = -0,224$ при $p = 0,001$	$r = 0,256$ при $p = 0,000$	$r = 0,267$ при $p = 0,000$

Связь прокрастинации и амотивации подтверждает результаты, полученные Н. А. Рудновой [Руднова], а отрицательная связь прокрастинации с познавательной мотивацией согласуется с идеями Э. Р. Зариповой и М. А. Быкова [Зарипова, Быкова]. Обратная связь прокрастинации с мотивацией достижений объяснима: если студент считает, что деятельность способствует развитию его личности, то он будет менее склонен к прокрастинации.

Если связи прокрастинации со шкалами мотивации ожидаемы и понятны, то взаимосвязь прокрастинации с добросовестностью нуждается в обсуждении. Получается, что добросовестные студенты более склонны откладывать дела на потом. Возможно, они ищут более подходящий момент для того, чтобы сделать задание качественно. С другой стороны, это может говорить о том, что студенты испытывают большую учебную нагрузку и вынуждены откладывать какие-то учебные задания, так как не имеют возможности выполнить их добросовестно, а формально выполнять не желают. Это заставляет задуматься о расчетах учебной нагрузки студентов и об уменьшении числа заданий при повышении их сложности, возможно, междисциплинарности, а также качестве проверки этих заданий с адресной выдачей обратной связи.

Данные успеваемости по всей выборке указывают на то, что 97 % студентов, сдавших экзамен (с первой попытки или на пересдаче), получили выше 60 баллов. То есть если студент сдал экзамен, то минимум на оценку «хорошо». Это ставит вопрос о критериях оценки и недостаточной сложности контрольных мероприятий.

С помощью опросника «Шкала общей прокрастинации» К. Х. Лэя были выделены контрастные группы, которые мы назовем «Непрокрастинаторы» ($n = 6$) и «Прокрастинаторы» ($n = 9$). Первая группа имеет по шкале прокрастинации высокие результаты, вторая — очень низкие.

По методике ТІРІ среди студентов двух групп различий обнаружено не было. По шкалам мотивации студенты двух групп показали значимое различие по шкале «Амотивация» ($U = 12,5$ при $p = 0,007$). Студенты, склонные к прокрастинации, более амотивированы по сравнению со студентами, не склонными к прокрастинации.

На основе данных об успеваемости по онлайн-курсу можно сделать вывод, что не все студенты смогли сдать экзамен в срок. Среди них 33 % прокрастинаторов

(два из шести) и 11 % студентов, не склонных к прокрастинации (один из девяти). Однако статистически значимых различий по успеваемости обнаружено не было. Данные по успеваемости позволяют предположить, что прокрастинация не играет значительной роли в успеваемости студентов. Однако выборки слишком малочисленные, чтобы делать обобщающие выводы.

В каждой группе были посчитаны корреляции между личностными и мотивационными переменными (табл. 5, 6).

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа мотивации (ШАМ) и личностных характеристик (ТИРІ) для непрокрастинаторов по Спирмену ($n = 9$)

Методика ШАМ	Методика ТИРІ	
	экстраверсия	эмоциональная стабильность
Мотивация достижения	—	-0,77*
Мотивация саморазвития	0,75*	-0,71*
Экстернальная мотивация	-0,72*	—

* $p \leq 0,05$.

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа мотивации (ШАМ) и личностных характеристик (ТИРІ) для прокрастинаторов по Спирмену ($n = 6$)

Методика ШАМ	Методика ТИРІ	
	согласие	открытость опыту
Познавательная мотивация	0,8**	
Мотивация самоуважения		0,7*

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Результаты исследования показали, что прокрастинаторы и непрокрастинаторы имеют различные взаимосвязи личностных и мотивационных черт. Студенты, не склонные к прокрастинации, демонстрируют обратную связь эмоциональной стабильности и шкал мотивации. Это значит, что эмоционально нестабильные студенты, не склонные к прокрастинации, в наибольшей степени заинтересованы погружаться в решение сложных задач и достигать новых высот в учебе. Вероятно, у таких студентов недостаток стабильной эмоциональности усиливает мотивацию достижения и саморазвития. Также установлено, что чем выше экстраверсия, тем выше мотивация саморазвития и ниже экстернальная мотивация. Это означает, что у коммуникабельных и общительных студентов преобладает желание превосходить самих себя в обучении (мотивация саморазвития), в то время как

некоммуникабельные и не стремящиеся к общению студенты мотивированы выполнять задания с целью избегания проблем или осуждения. Уверенность в себе, присущая экстравертам, снижает экстермальную мотивацию, делая человека более независимым от чужих оценок.

У прокрастинаторов все выглядит иначе. Познавательная мотивация связана со шкалой «Согласие». Можно предположить, что для студентов с высоким уровнем дружелюбия и конформности важно попасть в коллектив, в котором будет много мотивированных на получение новых знаний студентов. Это доказывает значимость среды для эффективности обучения. Открытость опыту связана с мотивацией самоуважения: чем любознательнее студент и чем более он открыт для новой информации, тем больше уважение к себе мотивирует его на прогресс в обучении. То есть желающие повысить свою самооценку за счет достижений в учебе наиболее предрасположены открывать для себя что-то новое.

Заключение

Итак, уровень прокрастинации у студентов оказался положительно связан с амотивацией и, что интересно, добросовестностью. Это может быть обусловлено как индивидуальным учебным стилем (откладывание задания с целью найти время, позволяющее сделать работу наиболее добросовестно), так и возможной перегрузкой студентов формальными заданиями, которые недостаточно содержательно проверяются. Студенты с высоким и низким уровнем прокрастинации различаются по уровню амотивации, а также имеют разную конфигурацию взаимосвязей между личностными и мотивационными особенностями. Так, у непрокрастинаторов мотивация саморазвития оказалась связана с экстраверсией и низкой эмоциональной стабильностью, а для прокрастинаторов важное значение имел учебный коллектив и его установки по отношению к учебе. Конечно, для формулирования глобальных выводов выявленные контрастные группы слишком малочисленны, однако результаты исследования прокрастинации у студентов показывают, что следует обращать внимание не только на индивидуальные особенности личности, но и на организацию обучения и развитие учебного коллектива.

Виндекер О. С., Сморкалова Т. Л., Лебедев С. Ю. Психологические корреляты прокрастинации и сценарий отложенной жизни // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 2 (150). С. 98–108.

Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: их источники и влияние на психологическое благополучие // Вопр. психологии. 2013. № 1. С. 35–45.

Жаркова С. В. Особенности выраженности прокрастинации у субъектов разных видов деятельности // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 11. С. 130–136. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.11.20>

Забродина Л. А., Мухина Ю. Л. Взаимосвязь особенностей прокрастинации с индивидуально-личностными характеристиками студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 3(20). С. 311–315.

Заринова Э. Р., Быкова М. А. Влияние прокрастинации на качество и безопасность жизнедеятельности человека в современном мире // Формирование культуры безопасности жизнедеятельности в образовательной среде: приоритеты, проблемы, решения : сб. материалов по итогам Междунар. науч. конф. М., 2018. С. 171–177.

Карловская Н. Н., Баранова Р. А. Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью // Психология в вузе. 2008. № 3. С. 38–49.

Клименских М. В., Лебедева Ю. В., Мальцев А. В., Савельев В. В. Психологические факторы эффективного онлайн-обучения студентов // Перспективы науки и образования. 2019. № 6 (42). С. 312–321. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.26>

Мохова С. Б., Неврюев А. Н. Психологические корреляты общей и академической прокрастинации у студентов // Вопр. психологии. 2013. № 1. С. 25–33.

Руднова Н. А. Индивидуально-личностные предикторы прокрастинации в разные периоды взрослости : дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2019.

Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Джумагулова А. Ф. Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9, № 3. С. 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>

Чевренюди А. А. Обзор исследований феномена прокрастинации в исторической ретроспективе // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2016. № 4–1. С. 16–25.

Alblwi A., Mcalaney J., Al-Thani D. et al. Procrastination on social media: predictors of types, triggers and acceptance of countermeasures // Social Network Analysis and Mining. 2021. Vol. 11, № 1. P. 1–18. <https://doi.org/10.1007/s13278-021-00727-1>

Ferrari J. R., Johnson J. L., McCown W. G. Assessment of academic and everyday procrastination // Procrastination and task avoidance. 1995. № 17. P. 47–70.

Lay C. H. At last, my research article on procrastination // J. of Research in Personality. 1986. № 4 (20). P. 474–495.

Steel P., Klingsieck K. B. Academic Procrastination: Psychological Antecedents Revisited // Australian Psychologist. 2016. № 51. P. 36–46. <https://doi.org/10.1111/ap.12173>

Статья поступила в редакцию 26.08.2022 г.

Научная статья

УДК 378.115.15 + 316.477 + 331.54 + 371.213.3

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.079

ПЕРЕВОД ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ (НЕ)УСПЕШНОСТИ СТУДЕНТОВ В СФЕРУ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ КАК ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В ВУЗЕ

Гарольд Ефимович Зборовский

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

garoldzborovsky@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-8153-0561>

А н н о т а ц и я. Актуальность проблемы статьи обусловлена необходимостью обеспечить высокий уровень профессиональной самореализации студентов за счет формирования у них интереса к труду и профессии в процессе образовательной деятельности. Цель статьи состоит в том, чтобы показать перспективы создания для студентов необходимых условий поиска и анализа широких реальных возможностей их профессиональной самореализации. В статье обращается внимание на решение проблемы адаптации студентов не только к вузу, но и к труду по профессии. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования их педагогами и наставниками в программах успешной профессиональной самореализации студентов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональная самореализация студентов; интерес к профессиональному труду; взаимодействие образовательных общностей в вузе; адаптация к вузу и профессиональному труду; наставничество

Б л а г о д а р н о с т и. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности».

**TRANSFORMATION
OF EDUCATIONAL SUCCESS/FAILURE OF STUDENTS
IN THE SPHERE OF THEIR PROFESSIONAL SELF-REALIZATION
AS A PROBLEM OF INTERACTION OF EDUCATIONAL COMMUNITIES
AT THE UNIVERSITY**

Garold E. Zborovsky

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
garoldzborovsky@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8153-0561>*

A b s t r a c t. The relevance of the problem of the article is due to the need to ensure a high level of professional self-realization of students due to the formation of their interest in work and profession in the process of educational activity. The purpose of the article is to show the prospects for creating the necessary conditions for students to search and analyze broad real opportunities for their professional self-realization. The article draws attention to solving the problem of students' adaptation not only to the university, but also to work by profession. The practical significance of the research results lies in the possibility of their use by teachers and mentors in programs of successful professional self-realization of students.

Key words: professional self-realization of students; interest in professional work; interaction of educational communities at the university; adaptation to the university and professional work; mentoring

A c k n o w l e d g e m e n t s. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 19-29-07016 "Transfer of human capital of educational communities: from failure to success".

Введение

Проблема повышения образовательной успешности студентов имеет много способов решения. Один из них состоит в выявлении цели деятельности студентов, направленной на достижение ими академического успеха. Такой целью может быть получение компетенций, которые позволят учащейся молодежи реализовать себя в профессии. Другой целью может стать обеспечение образовательной мотивации, которая приведет к получению студентом требуемого уровня знаний, умений и навыков. Еще одна цель образовательной работы студентов определяется тем, насколько молодому человеку захочется учиться после окончания вуза, а жизненные перспективы связывать с продолжением образования.

Мы исходим из понимания тесной связи образования, получаемого студентом, с успешной профессиональной самореализацией, с той моделью профессионально-трудовой деятельности, которую он сконструировал в своем сознании, когда выбирал вуз и образовательную программу [Мехришвили, Гаврилюк В., Гаврилюк Т.]. Цель статьи состоит в определении условий поиска и анализа студентами возможностей их профессиональной самореализации. Предполагаем, что среди подобных условий — формирование интереса к профессиональному труду с помощью таких инструментов вузовской подготовки, как общая адаптация к университету, специальная адаптация к профессии и профессиональному труду, социальная, психологическая и педагогическая помощь наставника (тьютора). Мы исходим из гипотезы, согласно которой качественная профессиональная подготовка студента может стать необходимым и достаточным средством его эффективного и успешного образования, а в будущем — самореализации в труде и профессии.

Предметное поле исследования

Проблема влияния образовательной (не)успешности студентов на их будущую профессионально-трудовую жизнь и самореализацию была всегда актуальной и сложной вследствие нелинейной связи между образованием и сферой труда. Если рассматривать две переменные — успешность/неуспешность в образовании и успешность/неуспешность в профессиональной самореализации, то в результате можно получить четыре типа связи: 1) успешное образование и успешная профессиональная самореализация; 2) неуспешное образование и неуспешная профессиональная самореализация; 3) успешное образование и неуспешная профессиональная самореализация; 4) неуспешное образование и успешная профессиональная самореализация.

Как показывают результаты исследований этой проблемы [Абрамов, Быков; Учащаяся молодежь...], а также многолетние наблюдения автора за судьбами выпускников вузов, наиболее вероятным типом является первый, наименее вероятным — четвертый. На связь между образованием и сферой труда могут влиять такие факторы, как наличие/отсутствие работы по полученной профессии, разочарование в полученных образовании и профессии или, наоборот, удовлетворенность ими, укрепление/ослабление (потеря) мотивации и др. [Варшавская; Хузяхметов, Ромашкина]. Поэтому вопрос о том, что ждет студентов после окончания вуза в плане их профессиональной самореализации, почти всегда имеет несколько вариантов ответа.

Мы пытались получить ответ на поставленный вопрос о том, что ждет студентов после окончания вуза. С этой целью было изучено влияние образовательной и трудовой деятельности студентов на их представления о будущей профессионально-трудовой жизни, а также оценку соответствия этих представлений реальности, отраженной в мнениях родителей и работодателей [Амбарова, Зборовский]. Представления студентов о профессионально-трудовой деятельности после

окончания вуза рассматривались в контексте их сегодняшней образовательной жизни (достижения образовательной успешности, сочетания учебы и трудовой занятости), мнений их родителей о ситуации в сфере профессионального образования и перспективах будущего трудоустройства в условиях пандемии. Важным элементом контекста рассмотрения проблемы были представления работодателей о предикторах (не)успешности выпускников вузов в профессионально-трудовой сфере. В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о нелинейной связи между образовательной деятельностью и трудовой занятостью студентов и их (не)успешностью в профессиональном труде и жизнеустройстве.

Первым из аспектов предмета данной статьи мы определяем связь между (не)успешностью студентов в образовании и их (не)успешной профессиональной самореализацией. Но для цели статьи — поиска и анализа возможностей профессиональной самореализации студентов — этого оказывается мало. Необходима расширительная трактовка предмета исследования, включающая в себя взаимодействие студентов с научно-педагогическим и управленческим персоналом вуза по поводу их будущей профессионально-трудовой жизни и профессиональной самореализации. Характеризуя предмет статьи в целом, мы определяем его как выявление связи между переводом образовательной (не)успешности студентов в сферу профессионально-трудовой жизни и профессиональной самореализации и их взаимодействием с научно-педагогическим сообществом и управленческим персоналом вуза. Здесь также имеет смысл говорить о связях нескольких переменных, субъектами которых являются, с одной стороны, студенты, с другой — научно-педагогические работники, с третьей стороны (отчасти) — управленческий персонал, с четвертой стороны — работодатели.

Обозначим два уточнения. Под управленческим персоналом будем понимать тех людей, которые имеют прямое отношение к профессионально-ориентационной работе на кафедрах, в деканатах, в рамках конкретных образовательных программ и принимают участие в организации производственных практик и профессионально-трудовой деятельности студентов. Что касается работодателей, то специальный анализ их участия в профессиональной самореализации учащихся вузов не входит в задачи данной статьи. С некоторыми результатами их деятельности можно познакомиться в упомянутой выше работе.

В статье будет рассмотрено несколько переменных. Первая из них — образовательная неуспешность студентов, превращающаяся в образовательную успешность в результате появления у них интереса к будущей профессии и профессиональной деятельности. Возникновение реального интереса к труду по получаемой профессии может стать значимым фактором продвижения студентов к образовательной успешности. Вторая переменная — деятельность в этом направлении научно-педагогического коллектива кафедр и факультетов, участников конкретных образовательных программ. Третья переменная — управленческая деятельность менеджеров с профессионально-ориентационным уклоном по привлечению студентов к труду по профессии, осуществление функций наставничества по отношению к ним.

Приведенная выше характеристика предмета нашего исследования позволяет обнаружить определенную инверсию акцентов в соотношении образовательной и профессионально-трудовой деятельности студентов. Традиционный подход, который и сегодня доминирует в научных трактовках проблемы, сводится к тому, что образовательная успешность студентов является основным фактором в достижении ими эффективной профессиональной самореализации. Не отрицая значения этого подхода, мы бы хотели сформулировать гипотезу исследования в ином ключе. Смысл ее состоит в том, что успешная трудовая и профессиональная самореализация студентов на основе сформированного у них интереса к труду по профессии является одним из важнейших факторов успешной академической, более широко, образовательной деятельности. Отсюда одной из основных проблем, которую следует решать в процессе образовательной и профессионально-трудовой подготовки студентов, их производственных практик, является работа педагогического и управленческого персонала со студентами по формированию у них устойчивого и глубокого интереса к труду по профессии. Сегодня в реализации многих педагогических технологий необходимо стремиться к достижению именно этой цели.

Интерес к труду по профессии, профессиональная самореализация и образовательная успешность

Почему проблема, обозначенная в названии раздела, сегодня имеет большое значение для развития высшего образования? По широко представленному в научной литературе мнению, высшее образование переживает глубокий кризис. Причины и проявления его многообразны, но по меньшей мере на двух проблемах необходимо сделать акцент. Это проблема кризиса в современном преподавании (кризис педагогов) и проблема кризиса в современном обучении (кризис студентов).

Вначале приведем общую характеристику обоих кризисов. Довольно точно положение дел определил первый проректор НИУ ВШЭ В.В. Радаев: «...современные преподаватели сегодня оказались в непростой ситуации, когда к привычной перегруженности учебными занятиями, требованиям академической продуктивности и бюрократическим обременениям добавились возрастающие сложности в отношениях с новыми поколениями студентов, которые, в свою очередь, зеркалируют множественные изменения в окружающем нас мире. И мы часто оказываемся не готовыми не только к грядущим, но и к уже совершившимся переменам» [Радаев, 2022б, с. 22]. Как отмечает автор в другой работе, «кризис выражается в подрыве традиционной текстовой культуры и прогрессирующем отказе от накопления культурного багажа, в возникновении альтернативных образовательных возможностей и новых требованиях к подаче образовательного материала, в возрастающих сложностях с удержанием внимания обучающихся и размывании их устойчивой мотивации, в заметном снижении авторитета преподавателя и все более настойчивых попытках поставить под вопрос способы оценивания образовательных результатов, в распространении новой этики

и усиливающимся желанием студентов защищать собственные права» [Радаев, 2022а, с. 114]. Понятно, что в таких условиях остается только задавать сакраментальный вопрос: что делать? Свое видение ответа на него В.В. Радаев дает в монографии «Преподавание в кризисе» [Радаев, 2022б].

Попробуем изложить наш вариант ответа. Действительно, значительная часть студентов с трудом воспринимает сложные книжные тексты, уже привыкнув к продукции аудиовизуальной культуры. Процесс накопления культурного багажа идет крайне медленно. Мотивация на учебу, и так не очень высокая, в результате традиционных методов обучения студентов еще более падает. Авторитет многих преподавателей неуклонно снижается, особенно в силу использования традиционных методов оценивания результатов обучения, что далеко не всегда устраивает студентов. Они часто ставят под сомнение необходимость преподавания тех или иных курсов, особенно имеющих преимущественно теоретическое значение, жалуются на слабость практической и профессиональной подготовки, которую рассматривают как главную цель образовательного процесса.

Разумеется, сказанное не является универсальной характеристикой студенчества в целом. В современных условиях образовательная и академическая успешность перестает представлять ценность для значительной части студентов, оставаясь доминантой лишь для сравнительно небольшого их числа. Это касается в первую очередь студентов элитарных вузов, представляющих ядро высшего образования (от 30 до 50 вузов), внедряющих новые популярные программы обучения. Что касается двух других больших групп вузов (около 600), относящихся к «полупериферии» и «периферии» и находящихся в основном в регионах страны [Зборовский, Амбарова, с. 382], то у многих обучающихся в них студентов доминируют ценностные ориентации, отнюдь не связанные с образовательной успешностью. Эту ситуацию обострила эпидемия коронавируса в 2020–2022 гг. Именно в такой студенческой среде наиболее активно проявили себя академические девиации [Зборовский].

По нашему мнению, влияние научно-педагогического и управленческого персонала на студентов может стать одним из наиболее эффективных факторов их успешной профессиональной самореализации, особенно если оно осуществляется на уровне индивидуального взаимодействия «преподаватель — студент». Здесь важно четко представлять, по каким направлениям оно может реализоваться. Для этого необходимо, как нам кажется, ввести понятие адаптации к будущей профессии.

Адаптация студентов и наставничество

Определим содержание двух понятий — адаптации студента к вузу и его адаптации к будущей профессии. Под первой мы понимаем начальный этап процесса включения и интеграции студентов в образовательную, научно-исследовательскую, социальную, профессиональную среду, предполагающего повседневное, регулярное взаимодействие с ней. Основной функцией адаптации

студента является принятие им относительно стабильных условий вуза, решение повторяющихся, типичных проблем путем использования принятых способов социального поведения, действия. Что касается адаптации студентов к будущей профессии и профессиональному труду, здесь речь идет о процессе их включения и интеграции в профессиональную среду, основанном на реальном и регулярном взаимодействии с ней, а также с научно-педагогическими и управленческими работниками вуза и работодателями.

Проблемы студентов-первокурсников требуют значительных усилий по их разрешению, которое может и должно осуществляться в процессе адаптации студентов, понимаемой как включение их в вузовскую образовательную и социальную среду. Смыслом этого освоения выступает принятие студентами норм и ценностей среды, образованной социальными общностями студенчества, научно-педагогических и управленческих работников, различными структурами вуза (институтами и факультетами). Это также означает включение студента в различные формы предметной деятельности и взаимодействия, имеющиеся в этих структурах.

На специфику адаптации студентов в вузе в последние годы накладываются печать различные факторы. Среди них — пандемия коронавируса, резко изменившая всю систему жизнедеятельности российского общества и оказавшая очень сильное влияние на трансформацию высшего образования в плане перехода на онлайн- и дистанционное обучение. Кроме того, это глубокое обострение международных отношений России, которое привело к сокращению и даже прекращению многих научных, образовательных, культурных, спортивных международных связей.

Антироссийские санкции не только резко ухудшили экономическое положение страны, но и сказались серьезнейшим образом на экономическом положении студенчества и возможностях его значительной части получать высшее образование как за рубежом, так и в России. Вынужденный отъезд части отечественных студентов из некоторых зарубежных стран, где им отказывают в праве учиться, делает высокой вероятностью их поступления в российские университеты и обучения в них — со всеми вытекающими из этого проблемами адаптации к новым условиям высшего образования.

Мы рассматриваем адаптацию студентов не только как начальный этап их интеграции в вузовскую среду, но и как длительный, сложный, противоречивый процесс, выходящий зачастую за временные границы 1-го курса и нуждающийся в четкой организации, управлении, использовании ряда механизмов для достижения студентами успешности. Одним из необходимых ее условий и факторов является институт наставничества.

Под наставничеством в вузе мы понимаем деятельность педагогов (тьюторов) и студентов старших курсов по передаче первокурсникам опыта, знаний, по формированию компетенций, метакомпетенций и ценностей через неформальное взаимообогащающее общение и взаимодействие, основанное на доверии и партнерстве. Наставничество охватывает все основные сферы жизни студента в вузе — учебную, научную, общественную, спортивную, культурную и др. В связи

с этим следует специально подчеркнуть, что наставничество выступает не только как вузовский институт, как особая деятельность, но и как социальная технология адаптации студентов в вузе. Наставничество может сыграть важную роль в процессе профессиональной самореализации студентов.

Проблемы адаптации обостряются в том случае, когда возникает несоответствие адаптационных потребностей студентов и возможностей их реализации. Задача социологии состоит в том, чтобы сквозь призму концепции и модели студенческой адаптации в вузе определить факторы успешной адаптации студентов в этих условиях и характер ее протекания, а также обосновать необходимость разработки программы адаптации студентов в вузе.

Чем успешнее осуществляется в вузах адаптация студентов, тем надежнее и позитивнее перемены в высшем образовании. Что же касается эффективности процесса адаптации, то ее уровень выступает как один из главных показателей результативности трансформаций в высшей школе.

Анализ проблем адаптации студентов к вузу, а затем и к труду, профессии, профессиональной самореализации показывает, что этот процесс протекает успешно тогда, когда он сопровождается эффективным наставничеством, рассчитанным не столько на большие группы студентов, сколько на отдельных студентов. Оптимальным является их взаимодействие на основе непосредственного знания друг друга и доверия друг другу.

В вузе с большим контингентом студентов (причем среди них всегда больше всего первокурсников – наиболее проблемных в плане адаптации учащихся) поиск наставников всегда затруднен. Во-первых, потому, что не так много опытных педагогов, готовых помогать конкретным студентам. Во-вторых, такая работа в вузах, как правило, проводится в небольших масштабах и часто – на неформальных основаниях. Система поощрения, причем как материального, так и морального, адаптационного взаимодействия студента и педагога-наставника практически отсутствует. В-третьих, система взаимодействия «студент – наставник» не имеет четко закрепленного содержания. Возникает главный вопрос – по поводу чего взаимодействовать? В этом взаимодействии, как нам кажется, должен быть обоюдный интерес, и его предметом по большому счету мог бы стать будущий профессиональный труд, какой-либо элемент профессиональной реализации студента, который возвысил бы его в собственных глазах, дал уверенность в правильном выборе профессии. В процессе адаптации студент должен почувствовать себя «хозяином» в собственном доме – вузе, в котором он учится. И в этом вопросе помощь наставника студенту очень важна.

Заключение

Теоретическая постановка проблемы взаимодействия основных социальных общностей в вузе (студенчества и педагогического сообщества) с целью перевода образовательной (не)успешности студентов в сферу их профессиональной самореализации является весьма значимой для решения главной задачи учебного

заведения — подготовки квалифицированных специалистов к достойному и качественному труду по профессии. Как показывают эмпирические исследования, акценты в этой подготовке делаются на академические успехи студентов. Мы предлагаем несколько сместить акценты в сторону основного внимания к будущему профессиональному труду: сделать его предметом повышенного интереса как со стороны студента, так и в особенности его наставника и педагога. Определенная инверсия интересов (с академической учебы на профессиональный труд) позволит активизировать мотивацию студента на учебу в вузе в целом, соединяя обе основные формы его деятельности в единое целое. Теоретические предположения требуют практической апробации. Дело — за ней.

Абрамов Р. Н., Быков А. В. Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 4–20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001>

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Что ждет студентов после... // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 67–93. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142>

Варшавская Е. Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность // Социол. исслед. 2019. № 7. С. 56–66. <https://doi.org/10.31857/S013216250005793-5>

Зборовский Г. Е. Аномалии в высшем образовании как фактор неуспешности студентов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 2. С. 185–199. <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.2.038>

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Университеты, которые могут изменить себя и макрорегион // Россия реформирующаяся : ежегодник. М., 2018. Вып. 16. С. 373–392.

Мехришвили Л. Л., Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся : ежегодник. М., 2017. Вып. 15. С. 369–394.

Радаев В. В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? // Социол. исслед. 2022а. № 6. С. 114–124. <https://doi.org/10.31857/S013216250019853-1>

Радаев В. В. Преподавание в кризисе. М., 2022б. 200 с.

Учащаяся молодежь: от образовательной неуспешности к образовательной успешности. Екатеринбург, 2021. 328 с.

Хузяхметов Р. Р., Ромашкина Г. Ф. Навыки трудоустраиваемости студентов: стратегии развития // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 3. С. 69–83. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-69-83>

Статья поступила в редакцию 25.08.2022 г.

Научная статья

УДК 37.014 + 340-053.81 + 327.7 + 341.217(4) + 341.16(4)

DOI 10.15826/izv1.2022.28.4.080

РОЛЬ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Александр Алиевич Керимов

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

kerimov68@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>

А н н о т а ц и я. В статье проанализирован опыт европейских стран по использованию возможностей и ресурсов системы образования в формировании правовой культуры молодежи. Показана роль в данном процессе системы образования в целом, а также конкретных участников образовательных и общественно-политических отношений. Выявлено содержание правового воспитания молодежи, установлена его цель, охарактеризована роль субъектов этого процесса, показаны направления и механизмы достижения поставленных целей. Методологическую основу статьи составляют теоретические разработки российских и зарубежных исследователей. В основу статьи легли общеправовые и социогуманитарные методы анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: правовая культура; правовое воспитание; правовое образование; европейская практика; молодежь; Европейский союз; Совет Европы

Б л а г о д а р н о с т и. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00813\22 «Образовательный потенциал медиасферы как пространства развития правовой культуры и культуры прав человека в современной России».

THE ROLE OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE FORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF YOUTH: EUROPEAN EXPERIENCE

Alexandr A. Kerimov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,

kerimov68@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>

Abstract. The article shows the experience of European countries in using the opportunities and resources of the education system in the formation of the legal culture of young people. The features of the participation of the education system

and other participants in educational and socio-political relations in this process are revealed. The content of legal education of young people is marked out, its purpose is established, the role of the subjects of this process is characterized, the directions and mechanisms for achieving the goals are shown. The methodological basis of the article is the theoretical developments of Russian and foreign researchers. The article is based on general philosophical and socio-humanitarian methods of analysis.

Key words: legal culture; legal education; legal education; European practice; youth; European Union; Council of Europe

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00813/22 «Educational potential of the media sphere as a space for the development of legal culture and human rights culture in modern Russia». This research was supported by TPU development program.

Правовая культура, определяемая нами как «совокупность знаний правового характера и то, насколько человек осознает, что в повседневной жизни необходимо следовать требованиям норм права» [Томюк, с. 459], характеризуется такими показателями, как «правовая образованность, знание действующего законодательства, наличие минимальных практических навыков, умение использовать эти знания в конкретных жизненных ситуациях, осознанное соблюдение и следование требованиям юридических норм, правовая активность личности» [Дьячкова, с. 450]. Необходимость формирования правовой культуры обусловлена тем, что «высокая правовая культура является фактором достижения реальных гарантий прав и свобод человека как высшей ценности» [Керимов, с. 292].

В данной статье рассматривается европейский опыт повышения уровня правовой культуры молодежи через систему образования. Очевидно, что основы правовой культуры закладываются с детства, и поэтому система образования в том числе ориентирована на формирование правового сознания, которое вырабатывает у учащихся правила поведения. Приобретенные в учебных заведениях правовые знания впоследствии становятся основой для усвоения правовых норм, регулирующих общественные отношения. Таким образом, правовое воспитание прививает уважение к закону и правопорядку, регулирует общественные отношения и формирует представления о социально-правовом порядке.

Европейская система правового воспитания молодежи является наиболее развитой, а практика вовлечения всех государственных и муниципальных структур, институтов гражданского общества и учебных заведений в данный процесс по праву считается одной из самых успешных в мире с точки зрения эффективности. Особое внимание к правовому воспитанию молодежи обусловлено тем, что «практика последних десятилетий убедительно доказывает, что в быстро меняющемся мире стратегические преимущества будут у тех обществ, которые смогут эффективно накапливать и продуктивно использовать человеческий капитал, а также инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь» [Соколов, с. 84].

Современная Европа представляет собой единое политическое, экономическое, культурное пространство. Шаги, предпринятые европейскими странами с середины XX в., привели к созданию единого внутреннего рынка, общей валюты, единой научной и образовательной системы. Такая интеграция должна была привести к унификации и правовой системы, что предполагает формирование единого правового пространства. С этой целью создаются и реализуются различные общеевропейские проекты по правовому просвещению молодежи, поскольку «на фоне растущих масштабов мировых проблем и глобальной неразрывности в решении внутренних и внешних проблем наблюдается тенденция к смещению главного направления развития современного права и юридического образования с концентрации его на проблемах сугубо внутригосударственного правопорядка к большей ориентации на регулирование проблем регионального, интеграционного и глобального правопорядка» [Кашкин, с. 154]. Поэтому комплексный подход к интеграционным процессам предполагает, что правовое образование и воспитание, прежде всего молодежи, должно ориентироваться на общеевропейские ценности, а не ограничиваться национальными границами.

Взятый Европейским союзом на вооружение тренд к созданию общей системы правового воспитания ориентирован на формирование нового типа личности — европейского гражданина. Выполнение данной задачи возможно только при проявлении консолидированного интереса со стороны всех стран, входящих в состав Европейского союза, и своевременном и адекватном реагировании на происходящие события как в Европе, так и в мире в целом. Такое правовое воспитание способствует формированию наднационального правового мышления, которое в условиях глобализирующегося мира может трансформировать гражданина Европы в гражданина мира. Поэтому, как отмечает английский исследователь У. Твининг, «особое значение приобретает тенденция формирования новой наднациональной европейской и глобальной правовой теории, новой правовой и конституционной культуры» [Twining, p. 53], которая сыграет значительную роль в становлении личности нового типа.

Правовое образование и воспитание в странах Европейского союза и технологии, связанные с его внедрением, основаны на принципах, отраженных в ряде международных документов, включая Всеобщую декларацию прав человека (1948), Декларацию ООН об образовании и профессиональной подготовке в области прав человека (2011), Всемирную программу образования в области прав человека (1994), а также другие документы, направленные на защиту прав человека. Европейские государства, опираясь в том числе на принципы, изложенные в этих документах, выстроили такую образовательную систему, в рамках которой обеспечивается преподавание социально-гуманитарных дисциплин, ориентированных на реализацию задач по получению учащимися знаний о природе, обществе, окружающем человека мире людей. «В основной школе наряду с интегративными курсами (граждановедение, обществоведение) преподаются модульные курсы религии, этики; в выпускных классах преобладают модульные курсы политологии, социологии, права и т. д.» [Иванова, с. 34].

Как уже отметили, особое место в системе образования в странах Европейского союза отводится правовому воспитанию. В школьных программах оно присутствует в виде отдельной дисциплины и может иметь статус как обязательного предмета, так и факультативного. «В понимании западных педагогов правовое образование должно обеспечивать, с одной стороны, преемственность господствующей в обществе политической и правовой культуры, гарантируя тем самым стабильность его функционирования, с другой стороны, служить воспитанию суверенного и ответственного гражданина, наделенного такими качествами, как критичность, конструктивность, толерантность» [Протасова, с. 80]. Результатом такого образования должно стать формирование у учащихся комплекса правовых знаний, которые развивают в них правосознание, ориентируя личность на соблюдение общепринятых в обществе правил.

Обязательность преподавания правовых дисциплин в учебных заведениях некоторых стран Европейского союза закреплена на законодательном уровне. Например, с 1978 г. в Австрии действует закон «Гражданское образование в школах», согласно которому «правовое образование становится основой формирования развития общества и государства в целом и его граждан как личностей в частности, и его целью является формирование у граждан правового сознания в общеевропейских масштабах и понимание глобальных мировых проблем» [Аксенова, с. 40]; испанский закон «О качестве образования в Испании» (2002) придал предмету «Гражданское образование и права человека» статус обязательного для изучения в начальной, средней и старшей школе [Спицин, с. 50]. «В Англии и Ирландии существовали программы добровольного обучения правовым дисциплинам. Эти программы были ориентированы на различные уровни подготовки — начальный и основной. Но уже с начала 2000-х годов правовое образование в Англии переходит из разряда добровольного в разряд обязательного» [Гаджиева, Раджабова, с. 122].

Образовательные программы по правовому воспитанию включают в себя различные контенты. Это граждановедение, права и свободы человека, воспитание толерантности и миролюбия и т. д. Если граждановедение предполагает получение знаний в области государственности, взаимоотношений между человеком и государством, то раздел по правам человека ориентирован на развитие правосознания у учащихся в плане осознания собственных прав, выработки навыков отстаивать свои права в рамках сложившейся политико-правовой системы.

Воспитание толерантности и миролюбия в системе правового образования выступает в качестве нового элемента, который в последние десятилетия получил широкое распространение в школьных образовательных программах стран Европейского союза. Этот раздел правового образования направлен на снижение агрессии в обществе через борьбу с бедностью, за ядерную безопасность, развитие мультикультурализма, преодоление ксенофобии и т. д.

«В конце XX в., в процессе спада мировой напряженности, начала формироваться новая программа миротворческого воспитания школьников “От ненасилия — к позитивному миру”, согласно которой глобальные мировые проблемы

перестраиваются от концепции мирового ненасилия к созданию позитивного мировоззрения на основе приоритета социальной стабильности, формирования уважения к правам и свободам человека, глобального равенства и справедливости» [Гаджиева, Раджабова, с. 123]. Так, в Германии эта программа реализуется через распространение идей толерантности, равенства всех людей, независимо от их национальности и расовой принадлежности, возможности взаимодействия различных культур. Данная программа также ориентирована на воспитание в антимилитаристском духе, прививает навыки для бесконфликтного существования, вырабатывает умение выстраивать социальные отношения, основанные на уважении прав и свобод человека, уважении к личности.

В Испании образовательная программа базируется на тех же принципах, что и в Германии. Испанская модель правового воспитания построена на применении когнитивных подходов путем стимулирования учащихся к изучению данного предмета и основана на использовании личного опыта, интересов обучающихся, их прав и свобод с учетом интересов и прав других участников социальных отношений.

В деле организации правового воспитания примечателен и опыт Бельгии. Здесь работа осуществляется в школах посредством проведения индивидуальных и коллективных бесед с учащимися. Активное участие в процессе правового просвещения принимают общественные организации, которые в рамках учрежденных в Бельгии Дня мировых наук, Дня международного взаимопонимания проводят мероприятия с участием учащихся учебных заведений страны.

Заслуживает внимания также французский опыт правового образования, целью которого является освоение учащимися знаний, качеств и умений политико-правового характера, необходимых для становления гражданина демократического общества. Так, «во французских школах учащиеся должны уметь анализировать первоисточники (“Декларация прав человека и гражданина”, “Всеобщая декларация прав человека” и др.), правовые ситуации, которые имеют место в повседневной жизни; обладать навыками критического мышления; иметь собственную точку зрения по вопросам общественно-политической жизни; уметь применять полученные знания на практике» [Протасова, с. 83], для достижения этого разработаны специальные программы.

С конца 1970-х гг. британская система образования ввела в ряде школ курс «Личность и общество» с целью развития у учащихся навыков самоуважения и самоконтроля, терпимости и уважения к другим [Вульфсон, Малькова, с. 144]. Впоследствии этот курс был дополнен разделом гражданского образования, расширяющего предметное поле. Правовое воспитание в Великобритании структурировано таким образом, что «обучение и воспитание рассматриваются как целенаправленное влияние на мотивационно-ценностную сферу молодого человека в современной ситуации. Не отрицая значимости формирования в процессе обучения политико-правовых знаний и социальных умений, английские педагоги большое внимание уделяют ценностным ориентациям и качествам гражданина» [Там же].

Особое внимание правовому воспитанию подрастающего поколения уделяется в Скандинавских странах. Например, в Норвегии правовое образование направлено на воспитание учащихся в духе уважения личности и ее прав, выработку у них толерантного отношения ко всем членам общества, установки на мирные отношения со всеми народами.

Приведенные примеры подтверждают то, что европейская система правового образования находится в тренде развития современного мира и требует такого уровня правосознания, которое бы обеспечило взаимопонимание и взаимоуважение всех народов и государств, с учетом как национальных интересов, так и прав и свобод личности. Поэтому правовое образование в этих государствах основано на ретроспективном изучении идей и взглядов на природу прав человека, их эволюции на каждом этапе исторического развития различных народов, анализе накопленных знаний в данной сфере, изучении национальных и международных документов, посвященных проблемам прав и свобод личности. Практическая часть усвоения знаний и навыков в образовательном процессе выстраивается на основе ролевых игр, интерпретации прав человека в контексте преобладающих политических, экономических, социокультурных особенностей развития конкретного общества, участия в мероприятиях, организуемых школами и муниципалитетами. Все эти способы реализации правового образования основаны на защите прав и свобод личности, демократическом участии, соблюдении принципа равенства возможностей, толерантном отношении к окружающим, мультикультурализме и других ценностях, которые неотъемлемо составляют суть европейского правового воспитания.

В европейском правовом воспитании «...школа не ограничивается словесно-книжными методами. Например, для подростков организуются стажировки в различных органах власти, где они знакомятся с деятельностью государственных структур на практике. В североевропейских странах (Норвегия, Швеция, Финляндия) группы школьников выполняют различные проекты по совершенствованию общины по месту проживания, становясь активными участниками жизни города и района. В школах почти всех стран имеется та или иная система ученического самоуправления, которая зачастую копирует “взрослые” парламенты, выборы президента и других руководящих лиц. В ряде стран (Германия, Италия, Франция) учащиеся принимают участие в работе школьных советов. Через ученическое самоуправление и другие органы управления школой они путем личного опыта осваивают элементы государственной и политической структуры общества, в котором живут» [Вульфсон, Малькова, с. 144]. В конечном итоге целью правового образования в европейских странах является воспитание у молодых людей качеств гражданина, способного проявлять заботу об общественном благе, отстаивать собственные права и уважать права других, выражать готовность жить и работать на общее благо, разрешать конфликтные ситуации только мирным путем, направлять свои усилия на обеспечение мира и защиту благоприятной среды для существования человечества.

Правое воспитание в странах Европейского союза осуществляется не только в рамках образовательных программ с преподаванием соответствующих предметов, но и в том числе через широкомасштабную просветительскую работу.

Значительный вклад в развитие правовой культуры молодежи вносит Совет Европы, созданный в 1949 г. для содействия сотрудничеству между европейскими странами в области стандартов права, прав и свобод человека и гражданина, демократического развития, законности и культурного взаимодействия. Для работы с молодежью в структуре Совета Европы функционирует отдельное подразделение — Департамент по делам молодежи, приоритетным направлением деятельности которого является реализация образовательных программ по проблемам прав человека. Департаментом созданы интернет-ресурсы просветительско-справочного характера, успешно реализуется учебный курс «Участие и гражданство». Департамент выступил инициатором организации кампании европейской молодежи под лозунгом «Все различны — все равны», целью которой является популяризация идей участия в общественной жизни, воспитание молодежи в духе толерантности и мультикультурализма. Кампания «Все различны — все равны» «объединила молодежь Европы во имя достижения общей цели: искоренения расизма, антисемитизма, ксенофобии и нетерпимости... призвана показать всем молодым людям, что именно они должны оказывать влияние на свое будущее, будущее своей страны и всей Европы» [Быкова, с. 174–175].

В качестве еще одного просветительно-образовательного проекта Совета Европы следует выделить подготовленное его специалистами пособие по осуществлению образовательной деятельности в области прав человека с участием молодежи. Это пособие в качестве методического руководства адресовано молодежи, участвующей в реализации мероприятий по повышению уровня правовой культуры через неформальное образование. Данное пособие получило название «Компас» и было переведено на многие языки народов мира, в школах некоторых стран оно стало неотъемлемой частью образовательной программы по правовой культуре.

Популярность пособия «Компас» предопределила появление его детской версии под названием «Компасито», которая «адресована воспитателям, инструкторам, учителям, опекунам, работающим с детьми, а также родителям и всем лицам, заинтересованным в обучении детей правам человека и ищущим практические способы обсуждения с детьми вопросов, связанных с общечеловеческими ценностями и социальными проблемами» [Компасито, с. 11]. Пособие призвано оказывать содействие в процессе обучения основам поведения в условиях демократии, овладевать знаниями, навыками и ценностями, составляющими предпосылки жизни в демократическом обществе. Как отмечают авторы «Компасито», «...в то время как дети должны понимать основы демократии и прав человека, таким ценностям, как достоинство, толерантность и уважение к другим людям, а также таким навыкам, как сотрудничество, критическое мышление и отстаивание прав человека, невозможно обучить традиционными способами. Они изучаются

с помощью упражнений и практики, в процессе жизни и деятельности в демократической среде и с самого раннего возраста» [Компасито, с. 7].

Таким образом, правовое воспитание и повышение уровня правовой культуры молодежи в европейских странах осуществляется посредством включения специальных предметов в образовательные программы учебных заведений, привлечения к данному процессу институтов гражданского общества и различных государственных и муниципальных учреждений, расширения сети просветительской деятельности через выпуск учебных пособий, методических материалов, создание специальных интернет-ресурсов, посвященных правам человека.

В заключение отметим, что проводимая работа по правовому воспитанию и повышению уровня правовой культуры молодежи в европейских странах направлена на решение социальных, воспитательных, политико-правовых задач, от реализации которых зависит успех развития общества и человека в нем. В частности, социальная составляющая этой работы предполагает формирование у молодежи установок и навыков общественной жизни, основанных на взаимопонимании и уважении индивидуальных прав и свобод, способности адаптироваться к требованиям глобализирующегося мира; воспитательная компонента ориентирована на нравственное развитие личности, становление человека толерантного, умеющего избегать конфликтов и выстраивать отношения на компромиссной основе, понимающего и принимающего общечеловеческие ценности, принципы равенства и уникальности каждой личности; политико-правовая составляющая правового образования предполагает воспитание гражданина, активно интересующегося и принимающего активное участие в жизни государства. В конечном итоге все эти качества, навыки и умения, прививаемые в рамках указанных задач, являются залогом и условием функционирования демократического общества и того, какое место в нем займет человек.

Аксенова Э. А. Гражданское образование зарубежных школьников: современные тенденции развития // Школьные технологии. 2015. № 4. С. 35–43.

Быкова Н. В. Международно-правовая нормативная база для развития правового образования // Современные технологии правового просвещения молодежи: зарубежный и отечественный опыт : монография. М., 2020. С. 167–189.

Вульфсон Б. Л., Малькова З. А. Сравнительная педагогика : учеб. пособие. Москва ; Воронеж, 1996. 256 с.

Гаджиева П. А., Раджабова Р. В. Правовое образование подрастающего поколения: отечественный и зарубежный опыт // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5(78). С. 122–123.

Дьячкова О. Н. Правовая культура как феномен современности // Науки о культуре в XXI веке : сб. материалов ежегод. конф.-семинара молодых ученых. М., 2007. Т. 8. С. 450–455.

Иванова Л. Ф. Концепция обществоведческого образования в общеобразовательной школе // Обществознание в школе. 1999. № 5. С. 32–39.

Кашкин С. Ю. Влияние интеграционного права на совершенствование юридического образования и просвещения в Российской Федерации // Современные технологии правового просвещения молодежи: зарубежный и отечественный опыт : монография. М., 2020. С. 152–166.

Керимов А. А. К вопросу о роли медиасферы в распространении правовой культуры в современной России // Международные отношения в XX–XXI вв.: IV Чемпаловские чтения, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны : сб. науч. ст. и сообщ. Екатеринбург, 2020. С. 291–295.

Керимов А. А., Тюмюк О. Н., Дьячкова М. А., Дудчик А. Ю. Образовательный потенциал блогосферы как фактор формирования правовой культуры человека // Перспективы науки и образования. 2020. № 3 (45). С. 459–474.

Компасито : пособие по обучению детей правам человека / М. Э. Бредероде-Сантос [и др.] ; ред. и соавт.: Н. Флауэрс. Strasbourg, 2008. 348 с. URL: <http://www.eycb.coe.int/compasito/ru/pdf/Compasito%20RU%20FINAL%201sted2008.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

Протасова И. А. Гражданско-правовое образование как фактор формирования правовой культуры личности (на примере стран Западной Европы и США) // Культура. Образование. Право. Вып. 2 : Материалы Междунар. науч.-практ. конф., 28–29 апр. 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 80–85.

Соколов А. В. Современные институты молодежной политики в Европе: история становления и развития // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4, № 1. (23). С. 84–99.

Спицин Ю. С. Гражданское образование школьников в современной Испании : дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2015. 198 с.

Twining W. Globalization and Legal Theory. Cambridge, 2000. 256 p.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

5-Й СМОТР УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КНИГИ НА УРАЛЕ

21 октября в Зональной научной библиотеке УрФУ были подведены итоги и вручены награды V Уральского межрегионального конкурса «Университетская книга–2022». Для нашего вуза этот конкурс стал уже традиционным. Впервые он состоялся в 2012 г. А два года назад, в год своего столетия, университет принимал общероссийский конкурс. По числу участников и количеству присланных на конкурс книг 2022 г. стал одним из самых урожайных: 68 издательских подразделений, 43 авторских коллектива представили 700 печатных и электронных книг не только научной и учебной тематики, но и литературно-художественной. Члены экспертного жюри, во главе с членом редколлегии журнала «Университетская книга» Ириной Сквородиной, единогласно отметили высокий уровень конкурса, не случайно почти 30 % представленных книг получили дипломы и грамоты, что практически в два раза превышает обычный уровень.

Среди особенностей нынешнего конкурса необходимо отметить введение Гран-при в нескольких номинациях. В номинации «Строительство и архитектура» Гран-при получили «Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых» В. Кочедамова (проект «Сохраненная культура», Санкт-Петербург); в номинации «Справочное издание» — каталог «Библиотека Головиных» (Рязанская областная библиотека им. А. М. Горького); в номинации «Издательский проект» — каталог «Сквозь череду столетий... Архитектурное наследие Приангарья в творчестве молодых художников» (Иркутский национальный технический университет); в номинации «Корпоративное издание» — книга «Уральский федеральный университет: 100 лет истории», подготовленная К. Бугровым и А. Сафроновым (Издательство Уральского университета); в номинации «Высокохудожественное издание» — «Жан де Лафонтен. Избранные басни с иллюстрациями Жана-Батиста Удри» (Издательство Уральского университета).

Четыре издательства получили специальные дипломы журнала «Университетская книга» за качество конкурсных изданий: «Алетейя» (Санкт-Петербург), «Кнорус» (Москва), Новосибирский технический университет и Издательство Уральского университета, а Зональная научная библиотека Уральского федерального университета — диплом за многолетнюю организацию конкурсов. Об этом

решении объявила в своем онлайн-приветствии главный редактор журнала Елена Бейлина.

Безусловно, нужно отметить очередной успех Издательства Уральского университета, получившего больше всех наград в различных номинациях — без малого пятьдесят!

Еще одна особенность прошедшего конкурса заключается в том, что если его и нельзя назвать в полной степени международным, то по крайней мере — с международным участием. Впервые среди соискателей книжных призов был коллектив из Республики Беларусь — Гомельский медицинский университет.

И последнее. Церемонии награждения предшествовала встреча с известным российским писателем Алексеем Сальниковым, автором нескольких романов, в том числе «Петровы в гриппе и вокруг него» (премия «Национальный бестселлер», 2018). Свой первый роман «Тагил» Алексей опубликовал в 2011 г. в нашем издательстве.

Более подробная информация о прошедшем конкурсе размещена на сайте Зональной научной библиотеки УрФУ по адресу lib.urfu.ru.

А. В. Подчиненов,
директор Издательства Уральского университета

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2022. Т. 28. № 4

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.

Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
Адрес учредителя: 620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 23.12.2022. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 19,9. Усл. печ. л. 19,7. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Цена свободная. Заказ 246.
Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, журнал публикует статьи по двум отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.01. **Русская литература**, 10.01.10. **Журналистика**); 24.00.00. **Культурология** (24.00.01. **Теория и история культуры**, 24.00.03. **Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов**).
Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

I. О ПОРЯДКЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

1. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более 0,75 одного учетно-издательского (авторского) листа (30 000 знаков с пробелами), не представленные для рассмотрения и публикации в другие журналы, и рецензии на научные издания объемом не более 20 000 знаков с пробелами.

Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи** (см. ниже требования к оригиналу).

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. В целях обеспечения высокого научного уровня публикаций редакция направляет статьи на рецензирование.

4. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

5. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

6. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.

7. Отправка статьи для публикации в журнале означает согласие автора на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых интернет-источниках.

II. ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКОМУ ОРИГИНАЛУ

1. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии в формате Microsoft Word или RTF и обязательно содержит следующие метаданные:

название статьи;

аннотацию (в которой указываются тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы) объемом 100–150 слов;

ключевые слова;

информацию о финансировании (если есть, с указанием номера проекта и его названия) и благодарности (при необходимости);

перечень затекстовых библиографических ссылок;

сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (при наличии); ученая степень, звание, должность; название организации (с указанием адреса); e-mail, ORCID.

2. Все метаданные предоставляются на русском и английском языках.

3. Страницы должны быть пронумерованы, переносы не расставляются.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами **Word** или **Exel**). Иллюстрации высылаются отдельными файлами в формате JPEG (разрешение не ниже 300 dpi). Все иллюстрации должны быть пронумерованы, а в тексте должны быть сделаны соответствующие отсылки.

III. ПОДГОТОВКА ЭЛЕКТРОННОГО ВАРИАНТА РУКОПИСИ

Гарнитура – Times New Roman.

Размер шрифта: основной текст, аннотация, ключевые слова, благодарности, таблицы, подрисуночные подписи, библиографический список – 14; сноски – 12.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзацный отступ.

Выравнивание текста по ширине.

Нумерация страниц внизу, справа.

Переносы не расставляются.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. н.*, *т. д.* В личных именах все элементы разделяются пробелами.

Дефис должен отличаться от тире.

Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах.

Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, “...” – внутренние).

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры. Века и тысячелетия обозначаются римскими цифрами.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

В тексте могут использоваться общепринятые сокращения.

IV. СТРУКТУРА СТАТЬИ

Название статьи

Имя, отчество, фамилия автора

*Организация,
город, страна*
E-mail, ORCID

Аннотация (5–7 строк, по ГОСТу 7.9-95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций)

Ключевые слова (7–10 для статей и не менее 3 для рецензий)

Благодарности

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на английском)

Имя, инициал отчества, фамилия автора (на английском)

*Организация (на английском),
город, страна (на английском)*

Аннотация (на английском)

Keywords

Acknowledgements

(обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи)

Текст статьи

(возможна рубрикация текста и выделение следующих блоков: введение, методы, источники, обсуждение, результаты (выводы))

Затекстовый перечень библиографических ссылок (см. раздел V).

Фамилия, имя, отчество автора	Surname, name, middle name or patronymic
Ученая степень, звание, должность	Academic degree, position
Организация	Organization
Физический адрес организации (с индексом)	Mailing address
E-mail	Email
ORCID	ORCID

V. Примечания и библиографические ссылки

Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники),

а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Инициалы автора в ссылках указываются в том случае, если в списке есть носители одной фамилии. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. В случае, когда несколько работ одного автора изданы в одном году, используются дополнительные буквенные индексы.

Ссылки на электронные публикации должны содержать все необходимые сведения об источнике: ФИО автора, название публикации, название сайта / портала, URL конкретной публикации, дату обращения. В тексте такие ссылки оформляются через фамилию автора или (при невозможности установить автора) название публикации, адрес сайта указывается только в библиографическом списке.

Отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

[ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14—14 об.]

[РГИА. Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14—14 об.]

Затекстовые ссылки оформляются в виде списка в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка». Список выстраивается в алфавитном порядке и не нумеруется. Обязательно указание на страницы цитируемых статей. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Труды, на которые нет ссылок в тексте статьи, в библиографический список не включаются.

Примеры оформления библиографических ссылок

Амзин А. А. Интернетжурналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом. М., 2020.

Бредихин А. Л., Удальцов А. А. Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2020. № 3 (87). С. 10–14. DOI: 10.35750/20718284202031014

Быков И. А. PR и пропаганда как инструменты политической мобилизации: актуальные подходы // Российская пиарология: тренды и драйверы : сб. науч. тр. в честь проф. В. А. Ачкасовой / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб., 2021. С. 30–34.

В Свердловской области ввели обязательную вакцинацию отдельных категорий граждан // ТАСС. 2021. 1 окт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12555883> (дата обращения: 01.10.2021).

Ватаным Татарстан : [официальный сайт]. URL: <https://vatantat.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).

Вырощева Е. В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных медиа // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 5. С. 207–213.

Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.20013).

Гаспаров М. Л. Сюжет и идеология в эзоповских баснях // Вестн. древней истории. 1968. № 3 (105). С. 116–127.

Герцен А. И. С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. «Серебряное» образование как ресурс развития региона // Вестн. РУДН. Социология. 2020. Т. 20, № 4. С. 939–952.

«Найти работу очень сложно»: где ждут пенсионеров. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/11/18/12819056.shtml> (дата обращения: 12.09.2021).

Педагогика взрослых: организация профессионального обучения граждан старшего возраста / Л. И. Воронина, Т. И. Касьянова, Т. Е. Радченко, Т. М. Резер. Екатеринбург, 2020. 248 с.

РГАВМФ (Рос. гос. арх. Военно-морского флота). Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Сумароков А. П. Избранные произведения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. 608 с. (Библиотека поэта).

Blasco Ferrer E. Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? DOI 10.1515/9783110243390.177 // Indogermanische Forschungen. 1993. № 98. P. 177–185.

Grove L. Emblematics and SeventeenthCentury French Literature: Descartes, Tristan, La Fontaine and Perrault. Charlottesville, 2000. 284 p. (EMF critiques).

La Fontaine J. Œuvres complètes. I. Fables, contes et nouvelles / Préface par E. Pilon et R. Groos ; texte établi et annoté par R. Groos (fables) et par J. Schiffrin (contes). [Paris], 1954. XVI, 877 p. (Bibliothèque de la Pléiade. Vol. 10).

Sinyavskaya O., Cherviakova A. A., Gorvat E. S. Does job change after becoming a pensioner contribute to maintatining employment in old age? // NRU HSE. Series WP BRP. Ser. : Public and Social Policy. 2020. № 25.

United States Department of State // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (accessed: 12.07.2013).

Walker B. M. No more heroes any more: the ‘older brother’ as role model. DOI: 10.1080/03057640701706169

Адрес редакции:

620000, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51. УрФУ, ИПЦ
Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования,
науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru